

Одно из наиболее загадочных и манящих мест на Земле.

Сергей Миронов,
Председатель Совета Федерации
Федерального Собрания
Российской Федерации

Андрей Моисеенко
Сергей Язев

ЗАГАДКА ПАТОМСКОГО КРАТЕРА

секретные материалы от участников
экспедиции в Восточную Сибирь
сенсационное расследование
ученых и журналистов

**КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА**

ПИТЕР

Андрей Моисеенко
Сергей Язев

ЗАГАДКА ПАТОМСКОГО КРАТЕРА

Предисловие **С. М. Миронова**,
Председателя Совета Федерации
Федерального Собрания
Российской Федерации

**КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА**

 ПИТЕР®

Москва · Санкт-Петербург · Нижний Новгород · Воронеж
Ростов-на-Дону · Екатеринбург · Самара · Новосибирск
Киев · Харьков · Минск

2010

Моисеенко А., Язев С.

Загадка Патомского кратера

Заведующий редакцией
Ведущий редактор
Литературный редактор
Художник
Корректоры
Верстка

И. Воеводин
Ю. Соболевская
Н. Гришчик
С. Маликова
Е. Павлович, Н. Терех
Д. Коришук

ББК 86.4
УДК 133

Моисеенко А., Язев С.

М74 Загадка Патомского кратера. — СПб.: Питер, 2010. — 256 с.: ил.

ISBN 978-5-49807-623-2

Патомский кратер в Восточной Сибири — якуты называют его «Гнездом Огненного Орла» — одно из самых загадочных мест на нашей планете: представьте себе древнеегипетскую пирамиду, возвышающуюся над тайгой, или римский Колизей, возведенный в пяти днях пути от ближайшего жилья.

Посреди ярко-зеленой тайги стоит мрачная серая гора с ровной, будто бы ножом срезанной вершиной. Кратер доминирует над местным пейзажем и притягивает взгляд из любой точки, откуда только виден. На его «строительство», по подсчетам ученых, потребовалось бы не менее полумиллиона тонн камней!

Книга создана по материалам экспедиций «Комсомольской правды» и ученых из полудюжины десятков институтов Российской академии наук. Ученые и журналисты приподняли завесу тайны, и первые открытия ошеломили всех...

Все права защищены. Никакая часть данной книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме без письменного разрешения владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-49807-623-2

© ООО Издательство «Питер», 2010

ООО «Лидер», 194044, Санкт-Петербург, Б. Сампсониевский пр., 29а.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК 005-93, том 2;
95 3005 — литература учебная.

Подписано в печать 22.03.10. Формат 84×108/32. Усл. п. л. 13,44.
Тираж 5000. Заказ 21809.

Отпечатано по технологии С1Р в ОАО «Печатный двор» им. А. М. Горького.
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., 15.

Оглавление

Предисловие Сергея Миронова	5
Введение. Явление бога Огды	7
Глава 1. Огненный шар с неба	15
Глава 2. Забытые экспедиции	53
Письмо из прошлого	54
Сын за отца не отвечает?	61
Брызги, сферы, полусферы	66
Глава 3. Надо ехать!	75
История, рассказанная на ночь	76
За двумя зайцами	84
Глава 4. Самолет, машина, плот	89
Дорога на Векшу	90
Вниз по Хомолху	108

Глава 5. Первая смерть	119
Глава 6. И все-таки он существует!	133
Глава 7. Первые итоги	149
Инопланетный гость...	150
Туман рассеивается	158
Видимость — ноль	164
Глава 8. Возвращение к «Гнезду Огненного Орла»: вторая экспедиция	171
Куда исчезли якуты?	172
Кто под кратером живет?	184
Все как в Чернобыле	193
Глава 9. Экспедиция третья, не последняя	205
Глава 10. Спящий пробуждается	227
Послесловие	248
Благодарности	252

Предисловие

Патомский кратер... «Бермудский треугольник» Восточной Сибири. Одно из наиболее таинственных и манящих мест на Земле. Его еще называют «Конусом Колпакова», в честь первооткрывателя, и более романтично — «Гнездом Огненного Орла». Гигантский конус высотой около 40 метров и диаметром по гребню в 80 метров состоит из раздробленных известняковых глыб. А расположился он на склоне горы Патомского нагорья в Иркутской области.

Обнаружен кратер более 60 лет назад, но по-прежнему представляет собой великую загадку для ученых. Версий за эти годы накопилось немало — от секретных шахт, построенных узниками ГУЛАГа, до подземного ядерного взрыва; от метеоритного кратера до проделок соседей по Вселенной.

Когда тайна особенно привлекательна: когда она остается тайной или когда раскрыта? По-моему, тогда, когда исследователь шаг за шагом снимает с нее таинственный покров. В этом и есть великая радость познания и открытия. И замечательно, что при поддержке «Комсомольской правды» к Патомскому кратеру было снаряжено уже три экспедиции, каждая из которых внесла бесценный вклад в дело исследования «Восточно-Сибирской тайны».

На страницах этой книги вы погрузитесь в захватывающую историю о том, как Земля, хоть и стремится сохранить свои тайны, все же вынуждена уступать пытливому уму ученых, их мужеству и настойчивости и делиться секретами с людьми. Вы узнаете старинные легенды, окружающие это и без того таинственное место, познакомитесь со свидетельствами тех, кому посчастливилось увидеть кратер воочию.

Мне, как геологу, много лет проведенному в экспедициях, тоже хочется побывать на загадочном склоне в составе группы исследователей. И я по-хорошему, «по-белому» завидую тем, кто видел таинственную красоту Патомского кратера. Будучи оптимистом, верю, что когда-нибудь — и, надеюсь, очень скоро — сбудется и эта мечта.

А вам, дорогие читатели, предстоит отправиться в путешествие по страницам этой книги. Желаю приятного чтения и замечательных открытий.

*Сергей Миронов,
Председатель Совета Федерации
Федерального Собрания Российской Федерации*

ВВЕДЕНИЕ

Явление бога Огды

Андрей Моисеенко

Все могло быть именно так.

Мать Якова Непряхина рассказывала, что в год, когда он родился, летом было страшное знамение. Среди ясного дня по голубому небу пронеслось на север второе яркое солнце, а потом слышен был отдаленный гул и гром, как будто бревна развалились и долго катились, а потом на севере, куда улетело второе солнце, почти до полудня стоял на горизонте за горами страшный черный столб.

Мать говорила, что слышала в детстве легенду об Огненном Орле, прилетавшем в эти места давно — много жизней назад, когда еще русских в этих местах не было. А отец Якова сказал, что, однако, этот Огненный Орел снова прилетел — вернулся, чтобы найти свое потерянное гнездо.

— А где это гнездо? — спрашивал Яша.

— Старики говорили, где-то на Джебульде. Еще старики говорили, что Огненный Орел должен обязательно вернуться в гнездо.

— А какое это гнездо?

— Большое, — отвечал отец. — Высокое, из пепельного камня.

— А что же он не нашел свое гнездо? — допытывался Яша.

— Однако забыл! — отвечал отец, покуривая трубку. — Давно было. Долго летал, вернулся как раз в тот год, когда ты родился. Еще прилетит, увидишь.

Что это было — толком до сих пор неизвестно. Около семи часов утра во вторник, 30 июня 1908 года по новому стилю, жители многих сибирских поселков были разбужены непонятным шумом, доносившимся с небес. А те, кто был на улице, наблюдали, как в вышине промчался огненный шар (некоторые свидетели говорили, что шаров было несколько, другие видели «горящее бревно в небе»). Объект был невероятно ярким («так что слепли глаза»), издавал страшный грохот («дрожала посуда на столах, лопались стекла»). А потом где-то над тайгой раздался мощный взрыв. Сейсмостанции в Сибири, Европе и Америке зафиксировали, что ударная волна дважды обогнула земной шар. Следующей ночью во всем Северном полушарии люди наблюдали необычное свечение неба. Белые ночи, например, зафиксированы были даже в Ташкенте. Так продолжалось несколько суток подряд. Конечно, газеты в то время много писали об этих загадочных явлениях. Но воссоздать полную картину случившегося 30 июня было

очень сложно. Никто не знал, где точно произошел взрыв. Российская академия наук даже направила запрос енисейскому губернатору, но и он оказался бессилён. Потому что те, кто мог пролить свет на загадку, помалкивали.

Якуты и эвенки были слишком напуганы сходением с небес злого огненного бога Огды, которого они представляли в виде гигантской птицы. На посещение района взрыва было наложено табу. И место, где упал Тунгусский метеорит, пока так и не нашли.

В конце 20-х годов прошлого века, когда Якову исполнилось двадцать, он отправился в путь вместе со всем своим табором: женой, двумя малолетними детьми, старшим братом — инвалидом и престарелой матерью. Скарб везли на четырех нартах. Впереди налегке шел молодой олень.

Из какого района Якутии ушло семейство Непряхиных — сейчас неизвестно. Дневников тогда не вели: в голову таежным жителям такая идея и прийти не могла. А все связи с родственниками, оставшимися кочевать в прежних местах, давно уже утрачены.

Зато известно, почему Яков ушел из родных мест. Это его потомки помнят и сейчас. Во времена

НЭПа возник у частника-оленовода конфликт с властями на почве споров об объемах сданных (а может, наоборот, несданных) мяса и шкур и неуплаты каких-то налогов. Приезжал инспектор из Якутска в сопровождении красноармейцев (с охраной мытари стали ездить после того, как в тундре пропал чиновник, отправившийся с той же миссией), ругался, грозил тюрьмой. А уезжая, застрелил двух оленей — для себя. Правда, мяса взял немного — лишь языки, наивкуснейший деликатес, вырезал. Такова официальная версия. Что было на самом деле, неизвестно. Может, Непряхин и сам приложил руку к пропаже представителя власти из Якутска. Кто сейчас скажет, что случилось в те далекие времена.

Кочевому жителю собраться — только подпоясаться. Правда, идти было особо некуда. Все окрестные пастбища, давно поделенные между родами, использовались в строго определенных сезонах. Появление чужаков не приветствовалось: ссора могла выйти похлеще, чем с фининспектором. И семейство Непряхиных тронулось, еще не зная, где закончится путешествие.

Путь оказался непростым. Якову пришлось пересекать обжитые места, уверяя оленеводов-хозяев, что он здесь не задержится, и опасливо торгуясь с вольными золотодобытчиками — на родом своенравным, законов тайги не соблюдавшим. К тому времени уж более полувека мыли в быстрых таежных речках, протекающих

между гольцами¹, драгоценный металл. Там были и свои тайные места, о которых чужакам знать не полагалось. С конкурентами могли расправиться без зазрения совести. А пришлый якут был и вовсе ни к чему.

На третий месяц путешествия Непряхины добрались до реки Хомолхо. Ближайший оплот цивилизации — поселок золотодобытчиков Бодайбо — находился примерно в 200 километрах. Но и в этой глуши оседло жили люди.

Еще с XIX века на Хомолхо, в устье ручья Джебульдин, стояла изба, где каждое лето проводил приказчик некоего русского купца: обменивал хлеб, соль и патроны на продукцию золотодобытчиков. Но пришла советская власть, купец сгинул, а его постаревший приказчик, тоже не поладивший с большевиками, обосновался на Хомолхо постоянно, практически полностью перейдя на ведение натурального хозяйства. Он-то и посоветовал Непряхиным подняться вверх по Джебульдину. Мол, там вполне можно расположиться. Места богатые: летом ягода, рыба, для оленей раздолье. А золота — причины многих несчастий и преступлений — там нет, беспокоить Непряхина не будут. Район совершенно безлюдный. По словам отшельника, он слышал в детстве от стариков, что в тех местах когда-то жили якуты: и кочевые, и оседлые, промышлявшие

¹ Так в Сибири называют безлесные горные вершины.

рыболовством. Но по каким причинам они бросили свои угодья, старик не знал.

Непряхин поднялся вверх по Джебульдину на пару верст и на широкой красивой поляне срубил жилище. А когда пошел дальше — разведывать места, — натолкнулся на диковинный каменный холм, отличавшийся светло-пепельным цветом. Холм был круглый, на вершине находилась огромная воронка, а в ней, словно огромное яйцо, возвышался еще один округлый холм, поменьше.

— Это, наверное, и есть то гнездо! — вспомнил Яков слова отца. — Найдет ли его Огненный Орел?

Возвращения Огненного Орла он не боялся: все равно жизнь была куда драматичнее старых баек, да и новое жилище Непряхиных располагалось не так уж близко — верст восемь по оленьей тропе. Прилетит Огненный Орел к гнезду, может, и не заметит новых людей на Джебульдине.

С тех пор и живут на Явальдине (таково новое название ручья) потомки Якова Непряхина, род которых теперь зовется Непряхиными-Максимовыми. Конечно, до знаменитой отшельницы Агафьи Лыковой им далеко: у всех есть российские паспорта с отметкой «Место жительства: Иркутская область, Бодайбинский район, Патомское нагорье». Несколько их стойбищ раскидано по всему нагорью.

Телевидения нет. Радио нет. Дизельный электрогенератор, весь проржавевший, валяется на окраине той самой поляны, где когда-то поселился Яков. Это место до сих пор остается главным местом встреч семейства. А живут Непряхины в доме, где ранее обитал купеческий приказчик. После его смерти якуты разобрали по бревнышку русскую избу и перетащили к себе в лес.

Сегодня глава семьи — 34-летний Кеша. Живет он со старенькой матерью, младшими братом и сестрой и маленькой племянницей. Главные фамильные ценности — стадо оленей да прадедовская винтовка — обрез с выбитой датой «1886 год».

В цивилизованный мир якуты выбирают три-четыре раза в год за одеждой, солью, чаем да иногда уходят в другие улусы на поиски женихов-невест.

Жизнью своей Кеша вполне доволен. Его даже не смущает тот странный факт, что, начиная с самого Якова Непряхина, ни один из мужчин, живших здесь, не умер естественной смертью.

О будущем возвращении Огненного Орла Кеша не думает. Гнездо же оказалось штукой полезной: здесь Кеша убил изюбря. Лес вокруг почему-то не растет, место открытое, дичь видно издали, прицелился — и сразу насмерть.

ГЛАВА 1

Огненный шар с неба

Сергей Язев

С тех пор как Яков Непряхин пришел к устью Явальдина, минуло восемьдесят лет. И здесь, на севере Иркутской области, давняя история нашла неожиданное продолжение.

На первый взгляд, описанные в этой главе события не имеют никакого отношения к Патомскому кратеру. Тем не менее — имеют, причем самое непосредственное. Если бы не Витимский болид, скорее всего, не встретились, не познакомились и не подружились бы участники будущих патомских экспедиций, не прислал бы в Иркутск свое историческое письмо открыватель кратера Вадим Викторович Колпаков... Впрочем, обо всем по порядку. Внимание исследователей к Патомскому кратеру привлек именно Витимский болид — пока самый крупный «гость из космоса», посетивший Россию в XXI веке.

С момента падения Тунгусского метеорита, подобно второму солнцу пролетевшего над северной тайгой, прошло 94 года 2 месяца 24 дня. Жаркое, но короткое лето на севере Иркутской области давно кончилось. Над горами висели мрачные черные тучи, накрапывал холодный осенний дождь, пробрасывало снежинки. Скрылись за тучами безлесные горные вершины (гольцы), на которых уже лежал первый снег. Наступила беспросветная ночь.

25 сентября 2002 года в поселке Мама — центре Мамско-Чуйского района, что на севере Иркутской области, — снова привычно отключили свет. Бывшая столица добычи высококачественной слюды — мусковита, принимавшая в советские времена по семь-восемь авиарейсов из Иркутска и снабжавшаяся в те годы куда лучше областного центра, стыла без электричества. С распадом СССР добыча слюды прекратилась, комбинат остановился. Поселок спал — лишь в некоторых окнах слабо тлели свечи.

В трех километрах от него, на одном из Кудиминских островов ниже Мамы по течению реки Витим, горел одинокий костер. Сергей Хамидулин, высунувшись из-под полиэтиленовой пленки, подкинул сырых веток. Стало чуть светлее. Сергей не сразу сообразил, что свет какой-то необычный. Он оглянулся. Свет усилился, будто подкрутили реостат, — и вдруг стало светло, как днем, словно заработал во всю мощь гигантский сварочный аппарат.

Ослепительный ярко-белый ртутный свет залил всю округу, и стали хорошо видны горы, отбрасывающие быстро плывущие тени, и черные деревья вокруг. В темной воде Витима отразилось что-то яркое, как солнце. Сергей зажмурился и поднял голову. Все небо светилось. В редких просветах между дождевыми облаками можно было увидеть яркий шар — чуть меньше диска полной Луны. Шар «крошился»: из него будто

сыпались искры. Он был ярким, но смотреть на него было можно — глаза не резало. Появляясь и исчезая за тучами, он летел с юго-запада на северо-восток, в сторону Бодайбинского района. За шаром тянулся широкий хвост.

Прошло несколько секунд. Шар огненным орлом скрылся за горой, и свет померк. Остров, деревья, горы, черный Витим снова погрузились в темноту. Наступила тишина, и лишь тогда Хамидулин сообразил: только что все пространство было наполнено шорохом — странным шелестящим звуком, сопровождавшим полет шара.

Хамидулин всматривался вдаль. Казалось, на небе еще виднелись слабые отсветы, постепенно угасавшие. Прошло несколько минут — и оттуда, из-за гор на северо-западе, донесся глухой удар — как мощный раскат грома, а после него — еще один. Отзвуки разлетелись по горам. И снова наступила тишина — только потрескивал костер, доносился тихий плеск с Витима да испуганно кричала выше по течению какая-то птица.

Хамидулин попытался представить, что же могло произойти там, откуда пришел звук. Воображение рисовало страшную картину — чудовищный взрыв, широкую воронку, напоминающую гигантское гнездо, горящие золотоносные прииски севернее Бодайбо, мощные клубы дыма и свирепое ревущее пламя, похожее на разъяренную

птицу, вскинувшую огненные крылья над корчащимся мокрым лесом.

Сергей наклонился над костром, вынул из кармана сырого ватника старенькие часы и попытался разглядеть циферблат. Было без восьми минут два.

В это же время в зимовье, которое приютилось на вершине километровой «горы Гитлера» (как говорят старожилы, во время войны мужики ушли на фронт и мамчанкам пришлось заготавливать дрова самим, с трудом спуская вязанки с горы и кляня Гитлера — так название и осталось), нависающей над поселком Мама, ночевали трое девятиклассников. Учебный год уже начался, но ребята откровенно прогуливали, отпрашившись в поход за кедровыми шишками. Изба, спрятавшаяся среди кедрового стланика, была им хорошо знакома.

В десять вечера пошел снег и подул сильный ветер. Ребята растопили железную печурку. На низких нарах, согрившись, спали Миша Сыров и Амиран Василишин.

Заскулила собака. Толя Никишин, дежуривший возле печки, выпустил ее на улицу. Собака продолжала поскуливать. Ребята проснулись, взяли палки — «а вдруг медведь». Амиран подкинул дров в печку и сел на табуретку рядом с Толей. Вдруг ребята услышали странный звук — какое-

то жужжание. Они прислушались, и тут зимовье залил яркий белый свет, пробивавшийся через маленькое окошко, затянутое старым, почти непрозрачным куском полиэтилена. Белый свет превратился в красноватый, потом в синий, затем опять в красный и снова в белый. Необычное свечение продолжалось несколько секунд и померкло. Часы показывали 01:48.

Ребята рванулись к двери — посмотреть, но остановились. Угроза встречи с медведем перевесила любопытство. Загадтели: что это было?

Первым сообразил Миша.

— Если это метеорит, должно бабахнуть... — сказал он.

В этот момент как раз и бабахнуло.

Мощный удар сотряс избушку так, что Мишу отбросило от стены. Подпрыгнула железная печка, зазвенела и покатила посуда. Стены дрогнули, с потолка посыпалось...

Ровно в два часа ночи ребята выглянули на улицу. Они подошли к обрыву и посмотрели сверху на поселок. Все было тихо и спокойно. Обесточенная Мама лежала в полной темноте.

Когда рассвело, мальчишки направились к скале, с которой открывался хороший обзор.

«В небе на юге были видны муть и копоть, — рассказывал позднее Миша. — Темная муть, похожая на дым. Но это не дым: мы много раз видели, как выглядит дым от лесных пожаров. Это было что-то другое. Не столб дыма, а широкая полоса. Небо было голубое, с облаками. Кое-где шел снег. А муть была темной и резко отличалась по виду. Больше всего — на юге, и немного меньше — на юго-востоке».

Явление, происшедшее в ночь на 25 сентября 2002 года, разбудило два обширных района Иркутской области, равных по площади иным европейским странам.

Звук страшного удара, похожий на раскаты грома, слышали в столице золотопромышленников — Бодайбо, что к юго-востоку от Мама.

Здесь погода была лучше, и огненный шар с хвостом, по форме напоминавший волан для бадминтона, видели многие рабочие на приисках. Всюду звенели окна и посуда, у кого-то разбилось стекло балконной двери.

Было ясно: гигантский метеорит, ворвавшийся в атмосферу Земли над Северной Сибирью, пролетел с юго-запада на северо-восток и окончил свое существование где-то в горной тайге недалеко от Бодайбо.

Звонки в мэрию следовали один за другим. Люди хотели знать, что произошло. Появлялись и мгновенно распространялись удивительные слухи. Работники мэрии принялись звонить в МЧС, но и там никто не мог сказать ничего определенного. Попытки дозвониться до астрономической обсерватории Иркутского государственного университета (ИГУ) и до Института солнечно-земной физики Сибирского отделения РАН (ИСЗФ СО РАН) к успеху не привели. Сначала не могли узнать номера иркутских телефонов, потом не было связи...

В 9 утра начальник метеостанции поселка Мама измерила уровень радиоактивности, хотя согласно правилам измерение должно проводиться ежедневно в 15:00. Обеспокоенный событием, взбудоражившим весь поселок, заместитель главы администрации Мамы дал указание — выполнить внештатные измерения, чтобы выяснить, не вырос ли радиоактивный фон.

Обычный фоновый уровень радиоактивности в поселке Мама — 13–14 микрорентген в час, но порой он поднимается до 16–17, иногда (очень редко) — до 26–27 единиц.

Утром 25 сентября измерения показали около 30 микрорентген в час. Такого здесь не помнят. Это не опасно — в мире есть места, где

природный фон куда выше, — но по меньшей мере странно.

Повторные измерения, проведенные, как и положено, в 15 часов, показали, что уровень радиоактивности заметно упал и близок к привычной норме. На следующий день все было как обычно.

Поскольку в архивах Иркутской гидрометслужбы хранятся только среднемесячные показатели уровня радиоактивности, небольшое кратковременное повышение 25 сентября практически не сказалось на среднем значении за месяц — оно оказалось в пределах нормы и интереса не вызвало.

Руководители районов сообщили о событии в областную администрацию — в отдел по работе с территориями. Но это были люди, крайне далекие от астрономии.

— Есть ли жертвы и разрушения? — спросили в администрации.

— Таких данных нет.

— Тогда чего вы хотите от нас? Обращайтесь в МЧС.

По данным МЧС, жертв и разрушений, связанных с падением космического тела, действительно

не было. Местные жители обсудили происшествие и постепенно успокоились. За пределами Мамско-Чуйского и Бодайбинского районов о явлении не знал никто, кроме ответственных лиц из областной администрации и МЧС, которые не спешили сообщать о нем кому бы то ни было. Ущерб не нанесен, и, значит, можно жить дальше. Ученые — члены Комитета по метеоритам РАН, иркутские астрономы и геофизики — оставались в полном неведении о том, что случилось на севере области.

Возможно, случившееся так и забылось бы, пополнив копилку местных таежных баек, но таинственные природные явления продолжались.

Спустя неделю после падения шара бодайбинцы стали очевидцами нового феномена. Вечером 1 октября на севере — как раз там, куда улетел огненный шар, — над горами возникло странное свечение. Объяснение возникло сразу: тайга светится от радиации в том самом месте, где упал метеорит!

Целая делегация отправилась в мэрию Бодайбо, чтобы написать письмо в Институт солнечно-земной физики, которое было отправлено в Иркутск по факсу утром 3 октября. С момента падения болида прошло восемь с половиной суток.

Вот текст этого письма (стиль, орфография и пунктуация оригинала сохранены).

Не зная, куда обратиться, мы, жители г. Бодайбо и поселка Балахнинский Бодайбинского района, в Большом телефонном справочнике нашли Ваш номер телефона-факса. Просим сообщить информацию о явлении, которое мы наблюдали, если таковая имеется. Либо просим сообщить телефон или адрес компетентных лиц, которые могли бы ответить на наши вопросы. В ночь с 24 на 25 сентября 2002 г. в 1 час 50 минут жители Бодайбо и п. Балахнинский (в 30 км от г. Бодайбо) наблюдали неопознанное тело. Скорость падения огромная, тело горячее. Вся местность была освещена очень ярко. При соприкосновении тела с поверхностью земли ощущался сильный удар. Земля дрожала, как при землетрясении. Тело упало в нескольких километрах от п. Балахнинский между сопками. Предположительно — метеорит значительных размеров. Из опасения радиоактивных излучений, жители не слишком любопытны. И вот вечером 1 октября 2002 в месте падения этого неизвестного тела многие жители наблюдали цветное свечение атмосферы, отдаленно напоминающее северное сияние. Мы очень обеспокоены последними событиями. Просим не оставлять без внимания наше письмо и информацию прислать по факсу в г. Бодайбо.

С этим письмом в руке и вошел в конференц-зал, где проходило очередное заседание ученого совета, директор Института солнечно-земной физики академик Гелий Жеребцов. Изменив повестку дня, он зачитал послание, только что

полученное из Бодайбо. Тут же было решено связаться с областной администрацией, органами МЧС и Комитетом по метеоритам в Москве. Так о болиде стало известно всем. В тот же день информационные агентства сообщили о падении метеорита на севере Иркутской области. Уже 5 октября «Комсомольская правда» опубликовала об этом заметку и отправила своих иркутских корреспондентов в Бодайбо.

Я узнал о событии вечером 3 октября. К тому времени я вот уже пять лет работал директором астрономической обсерватории ИГУ, оставаясь по совместительству сотрудником ИСЗФ СО РАН. Виктор Михайлович Григорьев¹ — мой непосредственный начальник — передал мне копию бодайбинского факса. Из текста становилось понятно, что событие произошло неординарное. В присланном из Москвы электронном письме опытный и старейший метеоритчик страны Михаил Александрович Назаров призвал иркутских ученых организовать обследование места падения.

Основная версия была очевидной: упал большой метеорит. Оставалась, конечно, еще одна возможность: над этими местами регулярно пролетают

¹ В. М. Григорьев — доктор физико-математических наук, заместитель директора ИСЗФ СО РАН по науке, член-корреспондент РАН.

межконтинентальные баллистические ракеты по пути от Байконура на Камчатку. Однако, как выяснилось, в тот день запусков не было, да и, судя по описаниям, случилось нечто посерьезнее, чем падение ракеты.

Нужно было разузнать подробности о «цветном свечении». Это не составило труда: в ИСЗФ немало специалистов, занимающихся геофизикой. Выяснилось, что 1 октября на севере было отмечено мощное геомагнитное возмущение, сопровождавшееся сильным полярным сиянием. Авторы факса в Бодайбо были совершенно правы: свечение не только напоминало полярное сияние, но и действительно им являлось. Разумеется, к болиду оно не имело никакого отношения. Как бы то ни было, падение болида — явление локальное, а сияние охватило всю зону высоких широт Северного полушария. Но сияние принесло свою пользу: если бы не оно, письмо с Севера не было бы написано.

7 октября по согласованию с руководством ИСЗФ я отправил в Бодайбинскую администрацию факс с ответным письмом. Для успокоения «очень обеспокоенных» бодайбинцев в письме сообщалось, что 1 октября действительно наблюдалось полярное сияние, не имеющее никакого отношения к падению крупного метеорита 25 сентября. Далее я писал, что радиоактивные метеориты на сегодняшний день науке неизвестны, просил откликнуться очевидцев редкого явления

и заполнить специальную анкету, которая давно разработана для тех, кто наблюдал падение болидов. 10 октября это обращение было напечатано в бодайбинской газете «Ленский шахтер».

К слову, ни один из сотен очевидцев анкету так и не заполнил. Видимо, все настолько успокоились. Редкое и важное для науки явление так и могло остаться неисследованным. Лететь в Бодайбо было бессмысленно: на гигантских просторах северной тайги, где уже выпал снег, искать место падения можно было всю зиму, а потом все лето, причем с крайне низкими шансами на успех. Было ясно, что версия местных жителей о падении болида в нескольких километрах от поселка Балахнинский, скорее всего, неверна (так впоследствии и оказалось).

Ситуация изменилась 9 октября. В этот день англоязычный сайт Near Earth Objects (что в переводе буквально означает «околоземные объекты») опубликовал сообщение о возможном падении болида в Сибири. Оказалось, что американские разведывательные спутники зафиксировали яркое свечение крупного метеорного тела, вошедшего в плотные слои атмосферы над Иркутской областью. Сенсоры, рассчитанные на обнаружение факелов двигателей стартующих ракет (не взлетит ли боевая ракета с пусковой установки, спрятанной в Сибири?), обнаружили ярко светящийся объект на высоте 62 километра, который двигался на северо-восток.

На высоте около 30 километров спутники потеряли объект. Это означало, что яркость болида упала ниже критической величины, на которую были рассчитаны сенсоры. Самое главное, что на сайте приводились координаты точки, над которой болид был обнаружен, и точки, над которой он был потерян. Район возможных поисков существенно сужался!

Я нанес эти координаты на карту и прикинул траекторию полета. Получалось, что болид летел под углом около 32 градусов к земной поверхности. От точки обнаружения до точки потери он должен был пролететь около 50 километров. Спутники потеряли болид чуть восточнее реки Витим, поэтому я и предложил назвать его Витимским. Честно говоря, была у меня тайная надежда, что болид окажется сверхмощным и войдет в историю наравне со знаменитым Тунгусским метеоритом, потому и название подобрал похожее — по названию ближайшей к месту события реки.

Но уже 13 октября эта надежда рухнула. На том же сайте были опубликованы результаты оценки количества выделившейся энергии болида согласно измерениям, выполненным американскими спутниками. Получалось, что часть кинетической энергии падающего метеорного тела, которая ушла на яркое излучение, была эквивалентна энергии от взрыва 200 тонн тротила.

Ясно, что не вся энергия уходит на излучение. Позднее всю энергию Витимского болида наши московские коллеги из Института динамики геосфер РАН оценили примерно в 2400 тонн тротила. На этом основании иркутский болид был включен в десятку крупнейших суперболидов, наблюдавшихся за последние пятнадцать лет (по состоянию на 2005 год).

Что и говорить, мощность внушительная (сопоставима с тактическим ядерным зарядом), но ни в какое сравнение не идет с энергией, выделившейся во время падения Тунгусского метеорита 94 года тому назад. Энергия Витимского болида по крайней мере в десять тысяч раз меньше.

Тем не менее траектория падения была известна. Я отправился в ИСЗФ. Григорьев задал прямой вопрос:

— Ты бы поехал?

Я ответил утвердительно.

Мы обсудили план командировки. Имело смысл отправиться на место, где спутники потеряли болид. Было естественно предположить, что метеорное тело взорвалось над этой точкой (такие разрушения под воздействием давления набегающего воздушного потока на больших скоростях — обычное дело для метеоритов).

Возможно, здесь еще можно было обнаружить следы воздушного взрыва, пока вся местность не ушла глубоко под снег.

Григорьев подготовил приказ об оплате моей командировки в Бодайбо из средств института. В университете я организовал командировку для сотрудника обсерватории Дмитрия Семенова. Дима с юных лет увлекается астрономией. Кроме того, он опытный путешественник (чего стоит только его поездка по непроходимой тайге вокруг Байкала на велосипеде), таежник, да и вообще — надежный человек. Он с удовольствием согласился отправиться вместе со мной на место падения метеорита. С нами также должен был поехать геолог из иркутского Института геохимии СО РАН, но уже в аэропорту у него с ужасом изъяли огромный самодельный тесак и в самолет не пустили. Кроме того, к нам должны были присоединиться специальный корреспондент «Комсомольской правды» и еще трое журналистов — интерес к Витимскому болиду был огромным.

Идея заключалась в следующем: мы надеялись отыскать в пробах снега микрочастицы метеорного тела, которые могли выпасть на землю после высотного взрыва.

Выяснилось, что к тому месту, куда мы собирались направиться (вблизи поселка Большой Северный на Витиме), через Бодайбо попасть уже невозможно: туда надо сплавиться по реке,

а на Витиме открылся ледоход. Поэтому лучше и безопаснее отправляться через поселок Мама: оттуда до места назначения ближе и можно проехать на автомобиле. Правда, в конце пути предстоит форсировать Витим, но это не больше километра — все-таки легче, чем преодолевать 50 километров вниз по реке среди льдин.

Пришлось срочно менять планы и отказываться от уже заказанных билетов на Бодайбо. Что касается Мама, то рейсовый АН-24 летал туда всего два раза в неделю. Я связался с мэром Мама Николаем Семеновичем Чекашкиным (он в то время как раз был в Иркутске). Выяснилось, что тот полетит в Маму (местные говорят «на Маму» или даже «на базу») тем же рейсом, что и мы...

Вечером 21 октября в астрономической обсерватории университета собрались участники экспедиции. Вот тут-то мы с Димой Семеновым впервые увидели Андрея Моисеенко — прилетевшего из Москвы молодого корреспондента «Комсомольской правды». Кто бы мог тогда подумать, что в будущем нам предстоит еще много совместных экспедиций в самые разные районы страны — от Патомского кратера до Северного Кавказа.

Утром 22 октября (с момента падения болида прошло четыре недели) команда из шести человек вылетела «на Маму».

Сергей Язев (слева) и Андрей Моисеенко (справа)

Самолет взял курс на север. Перед нашими глазами открылась грандиозная панорама Северной Сибири. Мощные бугры километровых гольцов, припорошенных снегом, узкие долины горных речек, уже покрывшихся тонким льдом, бурая щетина редкого леса, простиравшаяся до горизонта, производили сильное впечатление. Под нами расстилались гигантские пространства, на которых не было заметно никаких признаков существования человека.

Чекашкин, стуча указательным пальцем по стеклу иллюминатора, словно по карте, называл имена многочисленных рек. Он-то знал эти края как свои пять пальцев.

Через два часа самолет, сделав вираж, на бреющем полете пересек Витим (в темной воде были отчетливо видны крупные белые пятна льдин), а затем, поднимая фонтаны снежной пыли, покатился по полосе местного аэропорта. Над поселком нависала мрачная громада «горы Гитлера» — той самой, где в ночь падения болида ночевали трое девятиклассников.

Андрей Моисеенко

Главная достопримечательность поселка Мама — величественная река Витим.

По одной из версий, именно ее описал в своем романе «Угрюм-река» Вячеслав Шишков: «Угрюм-река все еще продолжала быть капризной, несговорчивой. В ее природе — нечто дикое, коварное.... Шиверы, пороги, перекапы, запечки, осередыши. А время шло, не останавливаясь. Парус у времени крепок, пути извечны, предел ему — беспредельный в пространстве океан».

Фортель истории: инженер-геодезист Шишков в начале века работал как раз в Восточной Сибири. И это он первым доложил «в центр» об огромном вывале леса, произошедшем из-за взрыва Тунгусского метеорита. А по прошествии сотни лет где-то в этих же местах упал новый болид, на поиски которого мы и отправились.

«Угрюм-река» и ее притоки — один из самых золотоносных участков на территории России. Только за последнюю четверть XIX века здесь было намыто 64 000 тонн золота. А сколько добыли после революции — неизвестно: государственная тайна. Впрочем, в районе, куда мы едем, золота нет. Здесь добывают слюду.

Кстати, в названии «Мама» ничего уменьшительно-ласкательного нет. С эвенкийского это слово переводится как «лесистый».

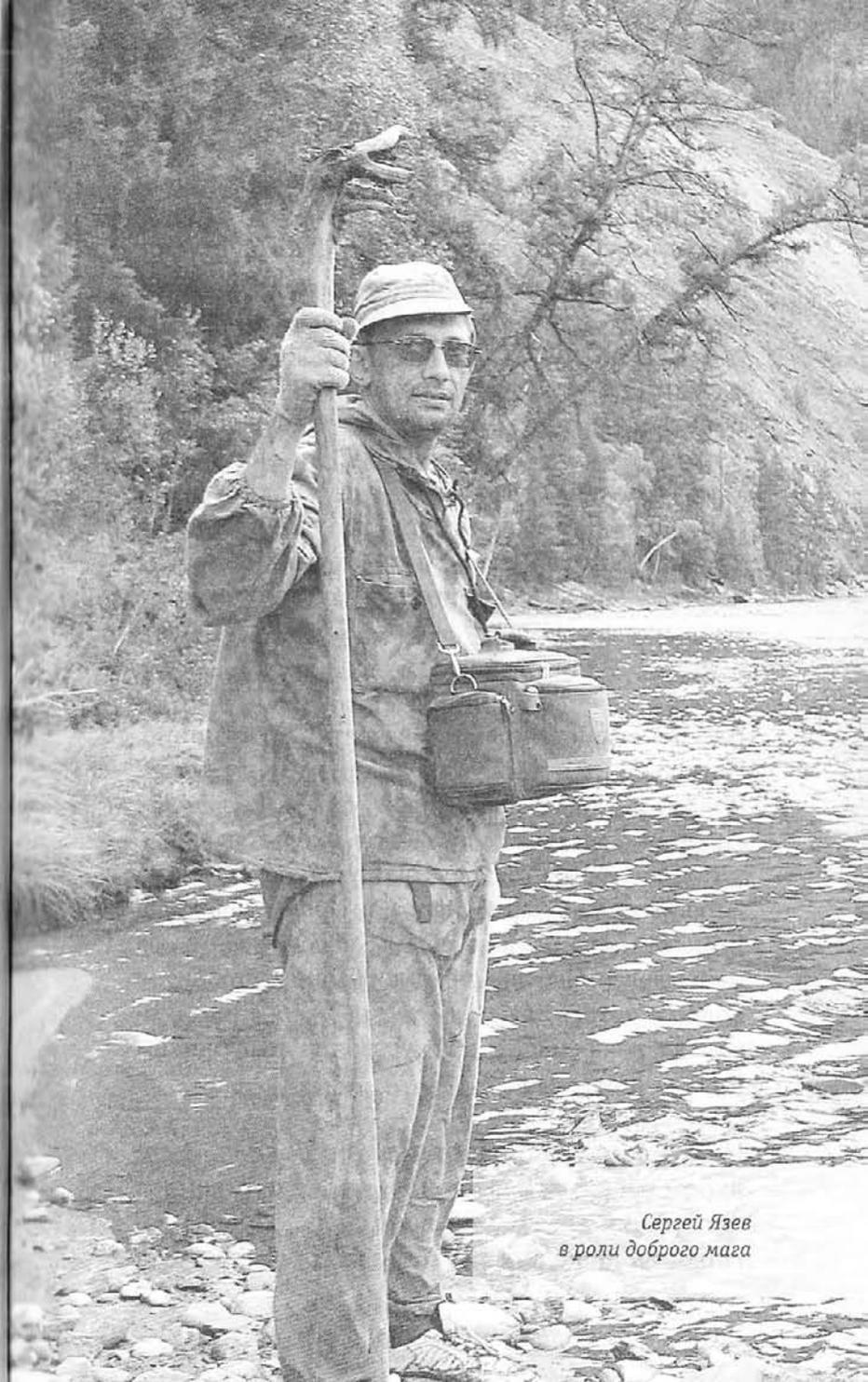

Андрей Моисеенко
на привале

Сергей Язев

Чекашкин увез нас на своем уазике в районную администрацию, и мы тут же начали работать. Уже через час нам «давал показания» очевидец Сергей Хамидулин. Мы съездили на берег «Угрюм-реки». Хамидулин показал, откуда и куда пролетел невиданный огненный орел. А когда мы вернулись, в коридоре уже сидели трое мальчишек, готовые рассказать, что они видели и слышали в ту ночь. Мы опросили их по одному. Мэр тем временем обзванивал поселки и деревни, и очевидцы сообщали все более впечатляющие подробности: где-то люди при виде болида в ужасе кидались на землю, закрывая голову руками; где-то удар распахивал двери; где-то падала посуда. Во время полета болида вполне могла загореться отключенная лампочка. Многие вспоминали свист и шелест. Я записывал показания, а Дима Семенов фиксировал на видеокамеру рассказы мальчишек и Хамидулина.

План дальнейших действий вырисовывался следующий. В поселке Витимский — выше по течению и на другой стороне реки — произошел некий (видимо, вполне обычный) инцидент. Мужики по пьяни подрались, но этого оказалось мало. Двое затолкали третьего в печку, однако растопить ее почему-то не удалось. В результате травмированного (с проломленной головой) и чудом не сгоревшего пострадавшего надлежало привезти с того берега в больницу. Для этого

*Сергей Язев
в роли доброго мага*

в поселок Мусковит — туда можно доехать по горной дороге через перевал — назавтра отправлялся уазик с фельдшером. Этот фургончик мог подобрать и нас. Пострадавшего должны были доставить в Мусковит с того берега на моторной лодке. Фельдшеру предписывалось забрать его и увезти на Маму, а нас оставить в Мусковите. А на следующее утро глава администрации поселка Витимский обещал прислать лодку уже за нами, чтобы переправить в поселок Большой Северный. Оттуда до точки, где американские спутники потеряли болид, можно добраться пешком. Правда, для этого предстояло как-то преодолеть еще одну реку — Большую Северную.

На ночь мы остановились в местной гостинице. Наутро почти новый уазик был подан к подъезду. Впереди, рядом с водителем, сидел фельдшер, который в деталях рассказывал, сколько человек и при каких обстоятельствах утонули, пытаясь переправиться через Витим во время ледохода. Впрочем, его нескончаемый рассказ пару раз прерывался. Сначала пришлось менять пробитое колесо, потом водитель не удержался, остановился и начал палить из двустволки по рябчикам (одного таки убил!).

Ничто вокруг не напоминало о болиде. В голубом небе светило солнце, а вокруг искрился чистейший свежавыпавший снег... Дорога изгибалась нещадно, виляя по склонам гольцов,

но в целом она шла вдоль траектории падения болида. Мы постепенно приближались к цели.

Во всех поселках, встретившихся нам по пути, мы опрашивали очевидцев. Чем дальше мы двигались, тем все более живописными становились рассказы. Все более мощные звуки упоминали потрясенные свидетели: земля дрожала, как будто трактор ехал по улице. Все короче становился в рассказах промежуток времени между ярким свечением неба и громopodobными раскатами. Многие подумали, что взорвался склад горючесмазочных материалов в поселке Витимский: столь мощным был удар, раскатившийся по хребтам и распадкам. Было ясно, что мы ехали в правильном направлении.

Наконец мы добрались до Мусковита. Уазик подобрал шедшего по заснеженной дороге человека с перевязанной головой в сопровождении почти плачущей женщины — это и был несгораемый потерпевший. Нас высадили возле котельной, машина приветственно библикнула и скрылась (надо сказать, что уазик с тяжелобольным будет встречаться в нашем повествовании еще не раз).

Из раздолбанной котельной, в которой работал один котел из трех и двое мрачных рабочих меланхолично подбрасывали уголь в ревущую топку, мы позвонили на правый берег, в поселок Витимский. Нам пообещали, что моторку пришлют следующим утром: уже темнело,

и плыть через Витим становилось действительно опасно.

Пришлось переночевать у продавщицы местного магазина, причем Андрей тут же отправился колоть хозяйке дрова. Та пригласила соседей (очевидцев), и мои записи пополнились важными подробностями о болиде.

Хозяева были польщены визитом ученых и журналистов, в том числе из столицы. Читатель все равно догадается, поэтому не буду скрывать, что на столе, кроме картошки, сала, соленых огурцов и помидоров, стояла запотевшая литровая бутылка водки — и это было очень кстати. Ночевали в спальнях мешках на полу. Всю ночь мне снились обугленные люди с перевязанными головами, которые один за другим тонули среди льдов.

Наутро грузовичок подвез нас к месту, где планировалась переправа. По Витиму сплошным потоком шел лед. Отдельные льдины были довольно велики — они соединялись в целые ледяные поля. Но зеленая моторка, которая двинулась к нам с того берега, ловко и уверенно лавировала между ними.

Командовал нашей переправой могучий бородастый Петрович. За три рейса, уваливая от льдин, мы перебрались на правый берег. Результат — три сломанных о льдины винта. В такую пору это

обычное дело. Сломанный винт отбрасывался в сторону, заранее припасенный новый винт надевался на ось, вместо шпильки вставлялся гвоздь — и лодка была готова к новым подвигам.

Большой Северный оказался мертвым поселком. Электричества не было — провода давно были сняты со столбов, смотаны и увезены, и только бессмысленный в этих условиях почти новый генератор стыл под замком в своей будке.

Среди добрых двух сотен брошенных домов оставалось лишь несколько, где еще сохранились целые окна и действующая печь. В одном из таких домов мы и поселились.

Раньше здесь кипела жизнь, работала пристань, были клуб и магазины. Теперь во всем поселке остался единственный житель, который пасет здесь своих коров. Печь он топит, разбирая на дрова соседние избы.

Мы последовали его примеру и растопили печку остатками оконных рам.

Встретивший нас местный охотник и предприниматель Назин вызвался провести нас по берегу речки Большой Северной до удобного места, где можно было организовать переправу. Но тут возле дома остановился уазик, откуда мужики

из поселка Витимский выгрузили пол-ящика водки, картонную коробку со свежим мясом и луком, хлеб, сало и чугунную сковородку гигантских размеров.

— Вы пока сходите на разведку, — сказали мужики, — а мы тут все приготовим.

Надо было поторапливаться: скоро должно было стемнеть. Мы быстро пошли по горной тропке, которая вилась по берегу Большой Северной.

Надо полагать, летом эту речку можно перейти вброд. Но сейчас она вышла из берегов, разлилась на десятки метров и покрылась тонкой коркой льда. Забереги¹ еще не выдерживали человека.

— Дно тоже покрыто льдом! — пояснил Назин, помахивая в такт ходьбе остро наточенным топором, который звенел, цепляясь за кусты. — Оно сейчас гладкое и очень скользкое. Если провалишься — не выберешься, так течением и унесет до самого Витима...

Километрах в четырех от устья мы подготовили переправу. Пришлось срубить несколько десятков молодых березок и осинок, которые затем уложили на забереги и прямо на воду, — Дима

¹ Полосы льда, окаймляющие берега рек и озер, при незамерзшей остальной части водного пространства.

с Андреем поработали на славу. Ночью деревья должны были обмерзнуть, и появлялись шансы перебраться на тот берег по образовавшемуся ледяному мосту.

Мы вернулись практически в полной темноте. В доме было жарко натоплено, комната освещалась огнем из печки, на столе издавала мощный дух исполинская сковорода с жареным мясом с луком, половина водки уже была выпита, а мужики беседовали о добыче слюды, которой в советские времена жило, и неплохо, местное население и которая прекратилась после распада Союза, из-за чего многие остались без работы и теперь погибали целые поселки. Не забыли и о болиде. Местные жители в свое время вели горные разработки и использовали, бывало, тонны взрывчатки, добывая слюду.

— Так тут грохнуло куда сильнее! — говорили мужики. — Тут так громынуло, что... блин! Такого тут никогда еще не было!

Потом начались обычные байки про золотодобытчиков, включая знаменитый рассказ о чистеньком благообразном дедушке в белых одеждах, у которого останавливались попить-поесть и переночевать авантюристы, бежавшие с приисков, прихватив с собой самородки. Согласно легенде, всех их — и бежавших, и самородки — потом нашли закопанными в подвале у чистенького дедушки. Эту историю я, смутно помнится, где-то

читал, и речь шла об очень давних временах — не позже XIX века...

На следующее утро мы успешно перебрались через речку. Дальше предстояло карабкаться по крутому склону, покрытому снегом. Наши с Димой брезентово-резиновые охотничьи сапожки, специально купленные в Иркутске для путешествия, бестолково скользили. Дима переобулся в ботинки, Андрей вытащил из рюкзака свои и отдал мне. Дима первым вскарабкался по скале и сбросил веревку, перекинув ее через ствол. Подтягиваясь за веревку, мы выбрались из узкой горной долины — дальше стало легче.

GPS-приемник показывал, что мы находимся примерно в километре от точки, где спутники потеряли болид. Следов разрушений не наблюдалось! Было много лежащих деревьев — но все они упали давно, много лет назад. Однако вскоре нам начали попадаться свежие следы. Несколько молодых сосен оказались сломанными: четырехметровые вершины валялись рядом, свежие сломы хорошо виднелись издали. Впрочем, их было немного. Мы отпилили слом одной из сосен и взяли его с собой.

Ни следов ударов, ни воронок, ни кратеров. Создавалось впечатление, будто здесь поработала

ударная волна — пробежала, резко качнув лес и запустив «эффект хлыста»: где древесина была непрочной, там и лопнула. Деревьев, посеченных падающими фрагментами метеорита, не было видно. Либо основная масса метеорного тела пронеслась дальше вдоль траектории на северо-восток, либо мощный поток плотного набегающего воздуха развалил космического

Свежий слом сосны.
Ударная волна или прямое попадание?

пришельца в мелкую пыль. В памяти всплыл рассказ мальчишек о «темной мути», которую они наблюдали в небе после полета болида. Похоже, метеоритное вещество можно было найти только в виде пылинок, скрытых слоем выпавшего снега. Да, искать мелкие фрагменты в снегу было бессмысленно.

В наш темный, но теплый дом мы вернулись уже ночью. План первой экспедиции был выполнен. Наутро моторка с неизменным Петровичем снова перебросила нас через ледяные потоки Витима. Тот же узик ждал на берегу. Вечером мы прибыли на Маму, чтобы на следующий день вылететь в Иркутск.

Потом были еще две экспедиции на Витим.

В апреле 2003 года геохимики под руководством доктора геолого-минералогических наук Виктора Сергеевича Антипина и я прибыли в те же места. На вершинах гольцов были взяты пробы снега, в котором могли сохраниться космические частицы.

Нам очень повезло: такие частицы действительно обнаружались. Геохимики проанализировали их. Стало ясно, что Витимский болид был порожден каменным метеорным телом массой не менее 60 тонн. Космический гость ворвался в атмосферу со скоростью не меньше 20 километров в секунду. Ни один минерал не

*Частицы Витимского болида
могут оказаться глубоко в снегу*

Вторая витимская экспедиция: заполнение полевого дневника — дело особой важности

выдерживает воздушного напора, обдувающего каменную глыбу с такой скоростью, — тело разваливается на мельчайшие фрагменты и пылинки. Крупный кусок может уцелеть разве что случайно, если скорость снизится до его разрушения.

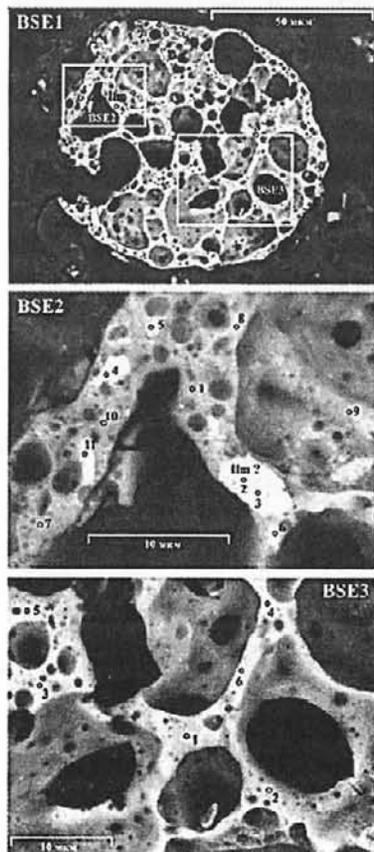
Летом 2003 года состоялась третья экспедиция, во время которой была обследована завершающая часть траектории. Ведь оставалась вероятность, что небесное тело (или его остатки) все-таки продолжало лететь на северо-восток, где впоследствии упало. Мы отыскивали обширные участки со сломанными деревьями, но найти кратеры так и не удалось. Похоже, крупных фрагментов Витимского метеорного тела все-таки не осталось. В этом смысле оно повторило судьбу Тунгусского метеорита.

Но это уже другая история. После нашей первой вылазки газеты и журналы пестрели сообщениями об экспедиции на место падения Витимского болида. Информация распространяется порой удивительными путями! Иркутский писатель Станислав Гурулев между делом сообщил о новости своему другу Вадиму Колпакову — старому геологу, некогда окончившему Иркутский госуниверситет и уже давно жившему в Москве.

Сам Колпаков не читал новостей (пенсионерам газеты не по карману), и рассказ о болиде,

пролетевшем над хорошо известными ему Мамско-Чуйским и Бодайбинским районами, действительно стал для него неожиданностью. И тут в голову Колпакову пришла идея...

А дальше события развивались так.

Микрофотография частицы Витимского болида. Вот ты какое, космическое вещество...

В декабре 2002 года в обсерватории ИГУ раздался телефонный звонок.

— Это писатель Станислав Гурулев, возможно, вы меня знаете, — услышал я. — Мой старый приятель Вадим Колпаков прислал из Москвы письмо, адресованное, судя по всему, вам: он просил передать его исследователям Витимского болида. Как мне выполнить его поручение?

— Где вы живете? — спросил я.

Выяснилось, что он живет в академгородке.

— Отлично! — сказал я. — Завтра я там буду: у меня дела в Институте солнечно-земной физики. А после работы мы могли бы где-нибудь встретиться.

Гурулев предложил встретиться на улице, неподалеку от его дома. Это немного напоминало шпионский детектив: по темной улице навстречу друг другу шли два человека, ранее никогда друг друга не видевших; они напряженно вглядывались во тьму, пытаясь угадать, с кем же необходимо встретиться. В конечном итоге мы, конечно, опознали друг друга. Гурулев передал пакет, и мы распрощались.

Письмо я прочел не сразу. Только поздно вечером я разрезал этот совершенно обычный конверт с необычным адресом. Четким почерком

на конверте было написано: «Иркутским исследователям болидов». Ожидая увидеть послание от очередного сумасшедшего, я хмыкнул, достал письмо и принялся читать.

С этого письма и началась история новых экспедиций — экспедиций к Патомскому кратеру.

ГЛАВА 2

Забытые экспедиции

Письмо из прошлого

Сергей Язев

Письмо, написанное уверенным разборчивым почерком, занимало три страницы.

Уважаемые исследователи болидов!

Узнал от С. А. Гурулева о падении в Бодайбинском районе болида и о Вашем намерении организовать туда экспедицию. Думаю, что полезно было бы присоединить к этому плану исследование еще более примечательного образования — Патомского кратера. Это образование, не имеющее на Земле аналогов, подобно лесоповалу на Тунгуске, создано падением уникального, как Тунгусский метеорит, и также не обнаруженного тела. Но если на Тунгуске взорвалась не достигшая твердой поверхности ледяная глыба, то на Патомском нагорье с неба ударил сверхплотный «бронедойный» снаряд, не взорвавшийся, а глубоко ушедший в горные породы.

Патомский кратер, который первоначально был назван Джедудьдинским по тогдашнему названию речки, был обнаружен мной в 1949 году. Он бросился в глаза на аэроснимках, возвышаясь среди тайги наподобие здания цирка или террикона. Когда вид на него открылся с горы, было

полное впечатление, что это вулкан, но почему-то белесый. Наблюдаемая высота его достигала 70 м, ширина основания — около 140 м. Кратер оказался насыпан не из вулканического материала, а из глыб известняка, слагающего хребет, на склоне которого образовался кратер.

В 1951-м во втором номере журнала «Природа» вышла моя статья «Загадочный кратер в Патомском нагорье». Кратер по всем признакам не являлся порождением геологических сил, и связать его можно было только с падением метеорита, что я и сделал.

Однако, в отличие от обычного взрывного кратера, это не отрицательная форма рельефа (воронка), а положительная (насыпная), какие образуются при невзрывном извержении вулканов. Но против вылета глыб из жерла говорит их форма — неокруженная и без следов обрыва одна об другую.

Глыбы свежие, размер их до 2 м, а некоторые составляли ранее обидный монолит (это видно!). Это указывает, что кратер образовался не извержением, а пучением известняка и выдавливанием массы известняковых обломков из какого-то колодца сравнительно небольшого сечения.

Представляется, что первоначально в склон хребта отвесно ударил болид с поперечником не более нескольких метров. Он не взорвался и углубился в известняк на много десятков,

а возможно, и более чем на сто метров. Пробирая породу, он создал вокруг подземной траектории цилиндрическую зону дробления, в которую внедрили подземные воды. Затем вода замерзла, вызывая пучение, и на поверхности образовался купол. Такие купола геологи называют гидролакколитами, или пиню. По мере выпячивания льда и раздробленной породы купол осыпался и расширялся. Но наступило какое-то потепление климата, и центральная часть купола — наиболее льдистая — просела в виде воронки. Вершина купола при просадке не разрушилась и сохранилась в виде центральной горки.

А. Портновым в журнале «Чудеса и Приключения», 2000, №8, высказано мнение, что Патомский метеорит отделился от Тунгусского и упал одновременно с ним в 1908 году. Судя по свежести глыб, так вполне могло случиться.

Патомский кратер находится в нескольких часах ходьбы от реки Хомолхо, около устья которой расположен поселок Перевоз, связанный автомобильным и воздушным сообщением с городом Бодайбо, и доступен для людей с туристическим снаряжением.

Что за космический пришелец пожаловал и куда это произошло? Все эти вопросы не решены. Безусловно, многие вопросы могут возникнуть в ходе нового исследования. Но во всех случаях можно гарантировать, что изучение кратера даст новый интересный для широкой общественности материал, возможно сенсационный.

Мне, видевшему и обследовавшему кратер более половины столетия назад, очень интересно было бы вернуться к нему и определить, какие изменения там произошли.

К возрасту кратера можно по-новому подойти, разрыв почву, приваленную его краями, и добравшись до пней и корней погребенных деревьев. Подтвердить участие льда в строении кратера можно, пробив на кратере шурф, разобрав с поверхности каменную кладку. Для поиска самого метеорита можно использовать геофизические методы — магнитометрию и вертикальное электрическое зондирование.

Колпаков Вадим Викторович,
геолог, выпускник Иркутского
университета 1952 года.

25 ноября 2002 года.

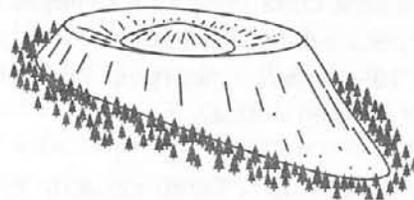

Схема Патомского кратера (по рисунку, сделанному В. В. Колпаковым в 1949 году)

Итак, Патомский кратер. Я припомнил, что лет десять назад о чем-то подобном писали в журнале «Земля и Вселенная». В то время статья показалась мне любопытной, но очень странной.

Поскольку подшивка журнала была под рукой, я тут же полез в шкаф и довольно быстро отыскал статью (она была опубликована в первом номере за 1993 год).

Ее автор, доктор геолого-минералогических наук А. М. Портнов, уверял, что Патомский кратер образовался в результате падения фрагмента Тунгусского метеорита, который «отвалился» по дороге и упал в Бодайбинском районе, за семьсот километров до эпицентра основного взрыва.

Что касается необычной формы кратера, то автор писал о ней так: «Предположение о том, что Патомский кратер возник при ударе интенсивно дегазирующего вещества кометы (лед, твердая углекислота или метан), способного продолжать дегазировать, возможно, даже после падения, меняет привычные представления. Мы не знаем, как будет вести себя снаряд из твердой углекислоты, пробивающий известняк с начальной скоростью 15–20 км/с и застревающий в конце концов на глубине 200 м...»

С этим утверждением было сложно спорить. Действительно, никто не знает, как должен выглядеть результат такого столкновения: подобные прецеденты науке неизвестны.

В журнале была приведена фотография, сделанная с высоты, — запечатленный на ней кратер и правда выглядел очень необычно.

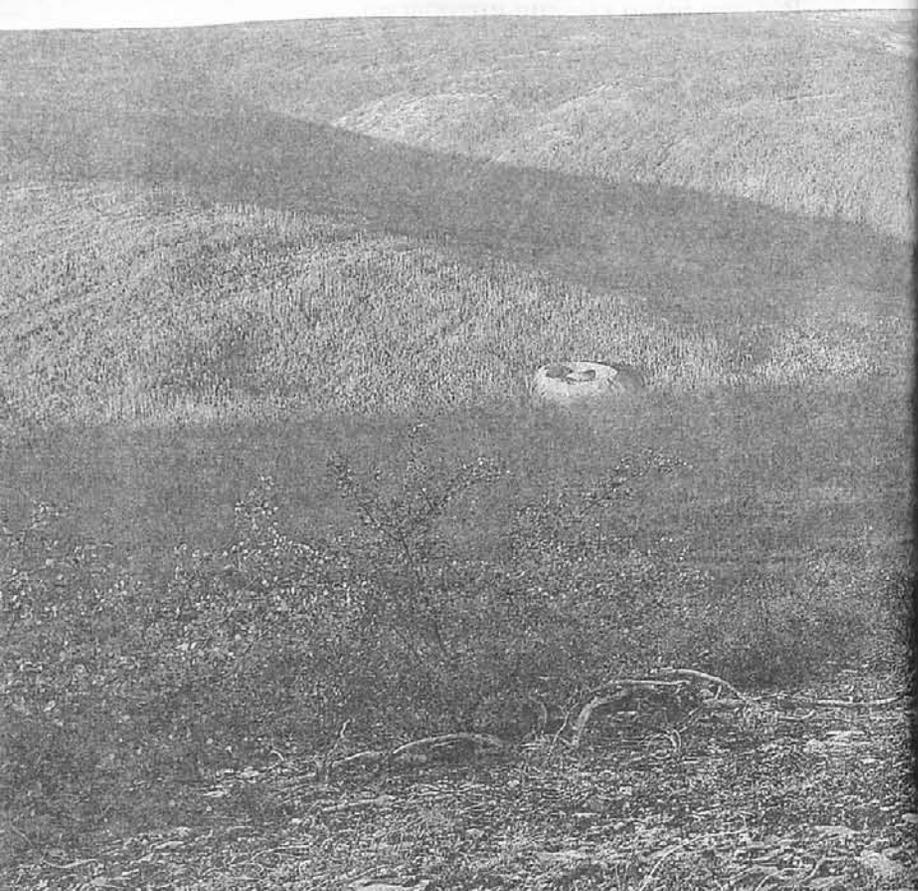
Снимок кратера с самолета, сделанный В. С. Федоровским в 1971 году, долгое время оставался единственной известной фотографией загадочного объекта

Все это было крайне интересно.

Выводы Портнова казались совершенно фантастическими, но чем, как говорится, черт не шутит? Главное — объект существует на самом деле. Загадочный кратер в тайге явно был не выдуманным, а абсолютно реальным: об этом свидетельствовала фотография, а также вполне трезвое и взвешенное письмо Колпакова. Но где искать Патомский кратер? Мне вспомнилось, как выглядит эта часть Сибири с высоты птичьего полета. Не зная точного местонахождения, объект можно разыскивать месяцами. Однако, к счастью, первооткрыватель кратера жив («Интересно, — подумал я, — сколько ему лет?») и, судя по письму, пребывает в ясном уме и трезвой памяти.

Мысль о том, что кратер связан с Тунгусским метеоритом, была, прямо скажем, заманчивой. Знаменитый вывал леса вблизи фактории

Ванавара и Патомский кратер находились, по сибирским меркам, сравнительно недалеко друг от друга. Я не очень верил, что часть ледяной глыбы могла, не взорвавшись, ни с того ни с сего углубиться на сотни метров в каменные породы, в то время как другая ее часть взрывообразно испарилась на большой высоте в атмосфере. Но, в конце концов, кратер мог быть образован и другим, не Тунгусским (а значит, не ледяным) метеоритом — от этого он не становился менее интересным.

Сын за отца не отвечает?

Сергей Язев

Как всегда, все оказалось не так однозначно! Мне удалось раздобыть в библиотеке раритетный экземпляр журнала «Природа» за 1951 год.

Выяснилось, что к статье Колпакова прилагался комментарий, написанный профессором

Обручевым — сыном знаменитого академика Владимира Обручева. Обручев-младший и сам был незаурядным ученым — геологом, этнографом, исследовавшим Сибирь. Он категорически не соглашался с метеоритной версией.

В Джебульдинском кратере мы не видим широкой центральной впадины, а лишь высокий и крутой усеченный конус обломков и центральную, сравнительно узкую воронку. Отношение диаметра к глубине кратера у всех известных метеоритных кратеров бывает большей частью от 10 до 30, в редких случаях — от 6 до 10. (То есть метеоритные воронки обычно бывают широкими, но неглубокими. — С. Я.) Для Джебульдинского кратера это отношение будет равно приблизительно 3. Такая форма конуса ближе всего напоминает шлаковые конусы вулканов...

...Кратер мог образоваться только в результате прорыва со значительной глубины газов или паров, которые, как это обычно бывает, пробили цилиндрическую трубку в участке, ослабленном тектоническими разломами. Как ни трудно увязать эти предположения с геологическим строением Бодайбинского района, но другие гипотезы в данном случае неприменимы. Против метеоритной гипотезы говорит и отсутствие обломков метеорита: преобладание обломков известняков указывает на то, что главная часть материала выдрана из верхнего отрезка трубки взрыва.

Итак, авторитетный геолог считал, что Патомский кратер имеет вулканическое происхождение. До извержения дело не дошло, но мощное давление раскаленных газов снизу могло разрушить толстый слой известняков и вспучить их в виде гигантского холма. Газ вышел в атмосферу, выдавленные обломки просели, образовав на вершине холма воронку... Все выглядело вполне убедительно. Но в эмоциональном и непримиримом комментарии профессора Обручева была одна зацепка. Он признавал, что наличие вулкана трудно увязать с геологическим строением Бодайбинского района. Здесь почти нулевая сейсмичность, и никаких молодых вулканов нет на многие сотни километров вокруг.

Андрей Моисеенко

Вторая причуда судьбы. Писатель-фантаст Владимир Афанасьевич Обручев в романе «Плутония», которым зачитывается уже бог знает сколько поколений мальчишек, выдумал необычный метеорит, который пробил Землю далеко вглубь. Отважные герои романа проникли в эту полость, расположенную где-то на севере России, и обнаружили доисторический мир с динозаврами и первобытными людьми.

Приведу цитату из книги: «...Труханов высказал предположение, что когда-то на Землю упал огромный метеорит, который пробил

кору толщиной в 2377 метров и остался внутри, превратившись в планету Плутон...»

Но когда сыну писателя спустя сорок лет после создания «Плутонии» стало известно о загадочной находке иркутского геолога Колпакова, он с ходу отверг версию о загадочном метеорите. Сын вот так просто отмахнулся от того, о чем всю жизнь мечтал его отец?

Когда я, уже много позднее, напомнил об этой истории Колпакову, он пожал плечами:

— Я пытался спорить с авторитетным членом-корреспондентом Академии наук. Но кто он, а кто я? Вскоре меня и вовсе переключили на изучение Якутии, и о Патомском кратере я надолго забыл. Похоже, что зря. Ведь только после выхода на пенсию, в 80-е годы, я случайно узнал, что в начале XX века в районе Бодайбо, тогда еще поселка, золотоискатели слышали странный грохот и наблюдали громадный свето-дымовой столб в небе. Есть свидетельства, что высота его была не менее 20 километров. В такие «точные» подсчеты я верю слабо, но уверен: что-то все же произошло. А наблюдали местные жители сие загадочное явление 30 июня 1908 года — в день, когда сейсмостанции всего мира зафиксировали падение Тунгусского метеорита. Это уже не шутка.

— А почему скрывали свои сведения от общественности?

— Я хотел организовать экспедицию для изучения кратера. Закидывал письмами разные ведомства, но безрезультатно. Тогда советская геология решала две масштабные задачи: поиск урана для ядерной бомбы и составление подробной геологической карты страны. Потом переключились на поиск нефти и газа. Изучение же Патомского кратера не сулило выгоды. Мое начальство настойчиво советовало не публиковать в прессе материалы о кратере. Если бы им заинтересовались в Академии наук и отправили туда экспедицию, то обслуживать ее — обеспечивать транспорт, связь, общий контроль — все равно бы пришлось геологам. Пришлось бы делиться вертолетами, вездеходами... А у нас были свои задачи и планы, которые, кровь из носу, надо было выполнять. В общем, получился конфликт интересов разных ведомств. Поэтому в те времена на Патомском кратере и не побывала ни одна научная экспедиция.

Впрочем, Вадим Викторович ошибался.

Брызги, сферы, полусферы

Сергей Язев

Если возникают вопросы и сомнения — нужно консультироваться со специалистами. А главные российские специалисты по метеоритам работают в Москве — в Комитете по метеоритам РАН.

В декабре 2002 года я был командирован в Москву, где на семинаре рассказал о первой экспедиции на место падения Витимского болида. Между делом я заехал на Воробьевы горы в Комитет по метеоритам. Здесь, за маленьким столом среди многочисленных стеллажей с книгами и геологическими образцами, отодвинув кипы черновиков и распечаток, мы пили чай со старейшиной отечественной метеоритной науки, Михаилом Александровичем Назаровым, и обсуждали итоги первой экспедиции. Уже прощаясь, я спросил о Патомском кратере. Мне показалось, что Михаил Александрович слегка поморщился.

— Мы знаем об этом кратере. Там еще в 60-е годы работала экспедиция из Томска, и выяснилось, что к метеоритам он никакого отношения не имеет. Форма кратера совершенно нетипичная. Это геология, а не метеоритика.

Мы попрощались, и я ушел. Значит, была экспедиция из Томска?! Ситуация стала казаться более приземленной. Но поразмыслив, я понял, что уникальный Джебульдинский (как его называл Колпаков), или Патомский (как он фигурировал в статьях Портнова), кратер не стал от этого менее загадочным.

Колпаков писал, что кратер не имеет аналогов на Земле. Этого, кстати, никто не отрицал! Не оспаривал данный факт и Назаров. С этим в принципе были согласны и профессор Обручев, и уж тем более Портнов, с 1961 года отстаивавший экзотичнейшую версию об осколке Тунгусского метеорита.

Кроме того, подумал я, этот странный конус из дробленого известняка может не иметь отношения не только к астрономии, но и к геологии! А если это археологический объект? Если это рукотворное сооружение, которое воздвиг... неизвестно кто и когда? Если это искусственная сибирская пирамида, возведенная либо древними цивилизациями, либо, в конце концов, узниками ГУЛАГа? И что же на самом деле удалось узнать томской экспедиции?

Андрей Моисеенко

Эх, было время, были люди — энтузиасты науки, бескорыстно отдававшие любимому делу

свободное время, здоровье, ну и, не без этого, все свои скромные материальные сбережения.

Летом 1963 года к Патомскому кратеру отправились несколько молодых ученых. Их никто не заставлял — они поехали по собственной инициативе во время отпуска.

Увы, не все из них дожили до наших дней. Однако одного из участников тех событий отыскать удалось. Это Лев Николаевич Ощепков, до недавнего времени работавший главным механиком Томского государственного университета систем управления и радиозлектроники. Он и поведал мне ту давнюю историю.

— Еще в 1959 году специалистами нескольких сибирских научных центров было создано неформальное сообщество — Комплексная самостоятельная экспедиция (КСЭ). Я тоже стал одним из участников этой группы. Главной нашей целью было изучение Тунгусского феномена и некоторых других интересных районов Сибири. В свободное от работы время и за свой счет мы ездили в экспедиции. В основном, конечно, люди тратили на это отпуска. В 1963 году мы сначала намеревались проверить слухи о некоем чудовище, якобы живущем в якутском озере Лабынкыр. Но в мае в кулуарах одной из конференций КСЭ прошел слух о непонятном Патомском кратере. И наши планы поменялись.

Экспедиция КСЭ к «Гнезду Огненного Орла» отправилась 13 июля. В группе было 13 человек: девять из Томска и четверо из Новокузнецка.

— И в поезде Москва — Лена тоже в 13-й вагон попали, — смеется Лев Николаевич. — Хорошо, что компания несусеверная подобралась.

Сначала поездом до Усть-Кута, потом парходом до Бодайбо, а оттуда на самолете Ан-2 — в поселок Перевоз. Последний участок группа прошла пешком. На лошадях везли кирки, лопаты, научное оборудование. Шли пять дней. Продвижение замедляло еще и то, что один из участников экспедиции серьезно поранил ногу топором, после чего ковылял на самодельных костылях. Потом и местный проводник повернул назад в Перевоз.

— А места там и правда очень глухие, безлюдные, — вспоминает Ощепков. — Если поедете, то неподалеку от кратера наше ружье можете найти. На листовницу мы его закинули. Вполне могло сорок лет там провисеть. Груз был неподъемный, так один из наших ребят дедовский подарок — «Зауэр» — в тайге бросил.

Участники экспедиции должны были проверить версию о том, что Патомский кратер образовался от падения метеорита. Для этого использовали несколько методов:

Лев Ощепков
во время экспедиции к кратеру (на снимке справа)

- металлометрическую съемку района со взятием почвенных проб для изучения и поисков аномальных частиц;
- промыв породы для обнаружения мелких метеоритных частиц;
- поиск в окрестностях кратера сравнительно крупных осколков метеорита, которые могли выпасть при его предполагаемом взрыве.

Первая загадка: металлометрия и анализ пород, взятых с разной глубины и в разных точках в окрестностях кратера, показали повышенное содержание магния — в некоторых пробах в пять раз выше фонового уровня. Объяснить эту аномалию никто не взялся. Но и доказать наличие

метеоритного вещества в кратере при помощи данного метода не удалось.

Второй пункт исследований дал более интересные результаты. В лагере была развернута походная лаборатория, в которой ученые промыли 800 килограммов почвенных проб.

Из отчета экспедиции 1963 года

...был извлечен 101 шарик из намагниченного железняка — магнетина. Размеры их колебались от 0,5 микрона до 0,11 миллиметра...

Начиная с шиха (пробы. — А. М.) №6, появляются какие-то изогнутые, неправильной формы, с середристым отливом пластинки, весьма напоминающие искусственные образования (типа стальных стружек, микроскопических обломков от лопаты, кайла и т. п.). Эти обломки сильно магнитны...

В пробе №48 обнаружено пять металлических шариков диаметром от 60 до 80 микрон. Встретилось сферическое тельце типа колбочки, аналогичное найденным в районе падения Сихотэ-Алинского метеорита на Дальнем Востоке. Колбочка прозрачная, желтого цвета...

В пробе №37 обнаружен пустотелый шарик размером 0,11 мм...

Все находки можно расклассифицировать на три группы:

- ~ идеально правильные сферы (полые шары) с гладкой блестящей поверхностью — некоторые легко разрушаются или сжимаются в ленточки при надавливании, другие — нет;*
- ~ полусферы с гладкой синеватой или черной поверхностью;*
- ~ капли, «брызги от электросварки».*

— Еще мы затащили в тайгу военный миноискатель, — продолжал Лев Николаевич Ощепков. — На случай, если в окрестностях кратера найдутся крупные обломки металлического метеорита. Увы, на поверхности и на глубине до трех метров ничего обнаружить не удалось.

Зато в отчете указано, что найдено множество листовенниц с механическими повреждениями: с содранной древесиной, с застрявшими в стволах камнями; также были деревья, сломанные или приваленные обломками породы.

Участники экспедиции передали все «намагниченные» находки в несколько институтов для исследований.

Ощепков с товарищами на Патомском кратере (на снимке: крайний слева)

— И где они теперь? — спросил я.

Ощепков пожал плечами:

— Где они сейчас, я не знаю. Понимаете, нашей основной задачей была загадка Тунгусского феномена — на нее и были брошены все наши крайне скудные ресурсы, ведь все делалось без поддержки государства, за свой счет. Явных признаков связи Патомского кратера с Тунгусским метеоритом мы не обнаружили, да и вообще не слишком он похож на метеоритный кратер. Поэтому он потом и выпал из сферы наших интересов.

Вывод экспедиции 1963 года

К сожалению, собранных данных оказалось недостаточно, чтобы отдать предпочтение метеоритной или вулканической гипотезе происхождения Патомского кратера.

Так кто же все-таки прав? Владимир Обручев с Михаилом Назаровым, которые своими глазами кратер так и не видели? Или же Вадим Колпаков с Александром Портновым? С чем мы имеем дело: с вулканом или метеоритом?

ГЛАВА 3

Надо ехать!

История, рассказанная на ночь

Сергей Язев

Рассуждать о Патомском кратере в городе, сидя за компьютером, было абсолютно бессмысленно. Разобраться в том, что это такое, можно было, только отправившись на место! Кратер мог оказаться чем угодно — и следом падения метеорита, и вулканом, и продуктом рук человеческих.

Идея Колпакова о том, что исследования Патомского кратера и района падения Витимского болида можно совместить, выглядела вполне разумной. Поэтому зимой 2003 года, когда еще только начиналась подготовка ко второй витимской экспедиции, я рассказал ее будущим участникам — геохимикам — о предложении Колпакова. Все согласились, что это очень интересно. Однако было ясно, что к кратеру надо идти только летом.

Весной состоялась вторая витимская экспедиция, в ходе которой иркутским геохимикам удалось найти в снегу микроскопические частицы вещества Витимского метеорита. А летом 2003 года на Север отправилась третья экспедиция. Включить в план работ обследование Патомского кратера на этот раз не получилось: Сибирское отделение РАН выделило не так уж много средств, к тому

же научный руководитель экспедиции, Виктор Сергеевич Антипин¹, в заявке на организацию экспедиции ни о каком Патомском кратере не упоминал. Было ясно, что на два объекта мы не успеем: в июле — августе совместно с коллегами из Комитета по метеоритам, екатеринбургскими метеоритчиками и экспедицией из Красноярска предстояло обследовать огромную площадь вдоль траектории падения болида. Мы решили отложить обследование Патомского кратера на следующий год.

Время шло. В 2004 году экспедиция не состоялась по многим причинам. У геохимиков предполагалось выполнение большого проекта, связанного с Монголией, и времени на Витим и Патом не хватало. Тем не менее в серьезных научных журналах были опубликованы результаты наших витимских экспедиций, и Антипин подтвердил, что теперь будет писать заявку на организацию экспедиции в следующем году — летом 2005-го.

Мне же предстояла поездка в Москву на очередную астрономическую конференцию. И тогда я сделал то, что следовало, по-хорошему, осуществить еще полтора года назад, — написал письмо Колпакову. Я сообщил, что в июне 2004 года буду в столице и хотел бы встретиться

¹ В. С. Антипин — доктор геолого-минералогических наук, заведующий отделом иркутского Института геохимии СО РАН, профессор.

с ним, чтобы посоветоваться по поводу будущей экспедиции к кратеру.

Конечно, я волновался. В своем письме Колпаков писал, что он окончил университет в 1952 году, это означало, что ему к тому времени должно было исполниться как минимум 22 года. Следовательно, к лету 2004 года его возраст должен быть вполне почтенным — не менее 72 лет. С одной стороны, не так уж и много, но всяко бывает. Здоров ли он, сможет ли встретиться?

К счастью, через пару недель я получил ответный конверт.

Уважаемый Сергей Артурович, — писал Колпаков все тем же уверенным почерком. — Встретиться с Вами интересно. Телефон подтверждаю. Звоните в любое время. Прихватите топографическую карту с Перевозом и рекой Хомолхо в масштабе 1 : 200 000... Вполне реальна версия, что Патомский кратер околотоврастен с Тунисским пришельцем. Так ли это, должна сказать новая экспедиция. Если так, то проблемы объединятся и кадилло раздуется по-новому...

*С уважением,
В. В. Колпаков*

Нечего и говорить, с каким волнением я, договорившись по телефону, звонил в дверь квартиры, расположенной на пятом этаже хрущевки по бульвару Рокоссовского. Открыл дверь сам Вадим Викторович Колпаков — невысокий, в очках с сильными стеклами. Мы прошли в комнату и сели за большой старый стол, покрытый скатертью. На столе уже лежали материалы экспедиций полувековой давности. Здесь были фотографии, аккуратно подписанные все тем же — уже знакомым — почерком, ксерокопии географических карт, полевые дневники и другие документы.

Вадим Викторович Колпаков в 2004 году.
Воспоминания о кратере

Честно говоря, я был потрясен. Колпаков говорил негромко, но четко и внятно. Он помнил все! Он рассказал, что впервые заметил кратер как странное светлое пятно на аэрофотоснимках. В 1949 году он шел по маршруту, пролежавшему вблизи кратера, и специально сделал небольшой крюк, чтобы посмотреть, что это такое. С вершины соседнего хребта он и увидел воочию этот удивительный объект.

— Мы поработали на нем недолго, — рассказывал Вадим Викторович. — У нас было задание, времена были жесткие, мы должны были выполнить его в срок, и отвлекаться надолго было нельзя. Тем не менее я успел сделать описание, зарисовки, сфотографировал кратер в разных ракурсах.

Колпаков, тогда еще совсем молодой человек (он окончил университет спустя три года), вполне профессионально описал уникальное природное образование. Это описание долгие годы оставалось единственным и не утратило научной ценности до сих пор.

— Как туда попасть? — спросил я.

— От Бодайбо идет дорога на север. Но здесь, — Вадим Викторович показал на карте, — километрах в двухстах от Бодайбо дорога поворачивает на восток, к Перевозу. А вам надо будет продолжать движение на север. Дороги там нет. Поэтому

добраться до кратера можно так. На лодках вы сплавитесь вниз по реке Хомолхо до устья речки Джебульдин (сейчас она называется Явальдин). Сплаваться предстоит километров пятьдесят. У устья Явальдина вы остановитесь, и отсюда вверх вдоль Явальдина до кратера останется километров десять-пятнадцать. Этот путь вы легко преодолеете пешком. Километрах в двух от устья должно быть якутское стойбище — якуты всегда становятся не на самой реке, а на притоке, в паре верст от устья. Карта мелковата, я нарисую...

Я достал лист бумаги, и Колпаков начал уверенно набрасывать план местности. Он рисовал Хомолхо, ее притоки, включая впадающую в Хомолхо речку Явальдин вместе с ее притоками.

— Здесь должно быть зимовье, — показал Колпаков.

Я скептически ухмыльнулся, и старый геолог это заметил.

— Даже если оно сгорело, его, несомненно, отстроили на том же месте, — объяснил он. — Это удобное место, напротив выхода тропы. Здесь должна быть оленья тропа. А вот отсюда, с хребта, кратер будет виден как на ладони. Но сюда можно пройти и вот так, по долине речки...

Он уверенно чертил, ставил условные знаки, подписывал названия речек и гор, указывал

ориентиры, хотя был в тех местах всего один раз полвека назад и больше никогда не видел открытого им кратера — только на своих фотографиях невысокого качества, да еще на полученном в 1971 году аэроснимке, сделанном известным геологом В. С. Федоровским (эта фотография была опубликована на обложке журнала «Природа» в 1973 году).

— Вот так, — сказал Колпаков. — Очень хотелось бы туда попасть еще раз, посмотреть, насколько он изменился за 50 лет. Но боюсь, без вертолета мне туда уже не добраться. Если поедете, пишите, пожалуйста. А будете в Москве — потом все расскажете и покажете.

Документы были убраны. Жена Вадима Викторовича принесла хлеб, масло, сыр, вареные яйца и домашнее варенье, и за тем же столом мы попили чаю из старых кружек. Кстати, Антонина Петровна — тоже геолог, много десятилетий она проработала в геологических партиях в Сибири.

Я спросил, есть ли видеомагнитофон (с него пришлось стереть основательный слой пыли), и показал фильмы о наших витимских экспедициях. Супруги Колпаковы внимательно вглядывались в экранчик маленького телевизора, на котором расстилалась северная тайга, на протяжении долгих лет остававшаяся для них и домом, и рабочим местом, и смыслом существования.

— А если будет возможность раздобыть вертолет, мы готовы лететь с вами! — сказала Антонина Петровна. — Я могла бы мыть шлихи...

Вадим Викторович Колпаков с женой Антониной Петровной

Мы не взяли с собой супругов Колпаковых — даже три года спустя, когда благодаря усилиям «Комсомольской правды» в нашем распоряжении действительно оказался вертолет. Не сложилось.

Я бережно спрятал чертеж Колпакова. Кратер, скрывавшийся в далекой тайге, становился все более достижимым. Теперь было ясно, где и как его искать!

За двумя зайцами

Сергей Язев

— Теперь ясно, где и как его искать! — заявил профессор Антипин.

Совещание проходило в его кабинете в иркутском Институте геохимии. Я только что рассказал о разговоре с Колпаковым и показал чертеж («схему Острова сокровищ», как заметил позже Андрей Моисеенко). Антипин принес подробную карту местности, еще недавно бывшую секретной. Оказалось, что план Колпакова полностью передавал истинное расположение хребтов и рек. На карту была торжественно нанесена жирная точка — наша будущая цель.

Не откладывая, мы позвонили коллегам-геологам в Бодайбо, чтобы уточнить общую диспозицию. Дороги к кратеру действительно не было, что естественно: иначе он был бы широко известен. Как выяснилось, артели, добывающие золото, находились в десятках километров оттуда, поэтому дорогу сквозь тайгу в окрестностях кратера никто никогда не пробивал. Получалось, что маршрут, предложенный Колпаковым, выглядел наиболее реалистичным. Предстояло добраться рейсовым самолетом из Иркутска до Бодайбо, потом на машине ехать до поселка под названием Векша, затем плыть по Хомолхо до устья Явальдина и наконец совершить двенадцатикилометровый пеший переход вдоль долины речки — вплоть до самого кратера.

Антипин сказал, что решение принято. Он сообщил, что от имени Института геохимии подготовит заявку на финансовую поддержку экспедиции

и направит ее в Новосибирск, где расположен президиум Сибирского отделения РАН. Если геохимикам выделят целевой грант, летом 2005 года три человека смогут отправиться к Патомскому кратеру.

Мне, в свою очередь, обещали финансовую поддержку и в университете, и в Институте солнечно-земной физики. Это позволило бы команде из астрономической обсерватории университета — Диме Семенову, Толе Арсентьеву и мне — присоединиться к геологам.

К тому времени я проанализировал сейсмограммы, полученные тремя сейсмостанциями на севере Сибири, и провел дополнительные расчеты, на основании которых можно было довольно точно определить, где упал крупный фрагмент Витимского болида. Это место находилось сравнительно недалеко от Патомского кратера! Поэтому появлялась реальная возможность в ходе одной экспедиции попытаться решить две задачи и обследовать сразу две точки — в соответствии с давним планом Колпакова.

Сначала предполагалось добраться до Патомского кратера и неделю поработать там, а затем спуститься на лодках до Перевоза и уже оттуда на автомобиле доехать до окрестностей точки, где, согласно новым расчетам, имело

смысл поискать следы падения Витимского метеорита.

На чем сплавляться по Хомолхо?

Сперва мы решили использовать надувные лодки. Но когда выяснилось, сколько они стоят, энтузиазм угас: на пару лодок должно было уйти больше половины всех средств, которые в принципе способно было выделить на экспедицию Сибирское отделение РАН! А нам еще предстояло долететь до Бодайбо и обратно, закупить продукты, да еще приберечь деньги на аренду автотранспорта и непредвиденные расходы...

— Ничего, — сказал Дима Семенов, — обойдемся без лодок. Кстати, велик шанс продырявить их на камнях Хомолхо. Кроме того, и вес у них приличный, так что везти их самолетом в Бодайбо — себе дороже. Что мы, пару плотов на месте не построим? Или молодость не победит разум?

На том и порешили.

— Надо Андрею написать, — сказал Толя Арсентьев, сотрудник обсерватории, участвовавший в третьей витимской экспедиции. — Может, он тоже поедет на кратер? За метеоритом он ведь с нами уже ездил!

Вот тогда-то и ушло в редакцию «Комсомольской правды» электронное письмо. Мы сообщили Андрею Моисеенко о Патомском кратере и о том, что экспедиция туда обязательно состоится. «Нас ждут великие открытия! — написали мы с Димой. — Твоя газета не сможет пройти мимо. Пора собирать рюкзак!»

ГЛАВА 4

Самолет, машина, плот

Дорога на Векшу

Андрей Моисеенко

В то время как Язев и К^о проводили всю организационную работу, я даже не подозревал о существовании Патомского кратера. О нем уважаемый Сергей Арктурович молчал, как партизан, даже когда я вместе с ним в очередной раз искал следы Витимского болида летом 2003 года. Потом он объяснил, что не хотел шумихи. Не доверял, значит! А может, просто не хотел волновать.

Я точно помню, когда впервые увидел черно-белые снимки кратера, — 16 июля 2005 года. В тот день исполнилось 60 лет со дня испытаний на Земле первой ядерной бомбы, и я писал для «Комсомолки» статью о том, как академик Андрей Сахаров впоследствии предлагал с помощью ядерного оружия налаживать контакты с инопланетянами — вывести бомбы на границу Солнечной системы и взрывать их через определенные промежутки времени. Неудивительно, что в тот день голова у меня была забита ядерными взрывами и НЛО. А Патомский кратер действительно производит впечатление чего-то неземного, не поддающегося рациональному объяснению. Первая мысль, возникающая при виде его: это не природное явление. Тут явно приложили руку... уж не знаю, homo sapiens или кто-то иной. Подземный взрыв?! В глухой тайге,

за сотни километров от каких-либо следов цивилизации?! Место крушения НЛО? Я человек здравомыслящий, и это было первое действительно необъяснимое явление, с которым я столкнулся за пять лет работы в «Комсомолке».

Язев поклялся, что это не «фотошоп» и не монтаж старых снимков. Все равно история выглядела сомнительно. Тогда он прислал несколько фотографий, сделанных при помощи космических спутников: в районе предполагаемого расположения кратера была видна странная точка, явно выделяющаяся на местности. Даже это не убедило меня окончательно. Поколебала мое недоверие лишь версия о падении фрагмента Тунгусского метеорита. А почему бы и нет?

— Когда выезжаем? — спросил я.

Сергей Язев

3 августа 2005 года, среда

Месяцы подготовки позади — и мы в аэропорту. Из-за ремонта здание иркутского аэровокзала превратилось в неудобный сарай, перегороженный какими-то ширмами. Сидеть негде, стоять негде, вылет задерживается из-за тумана.

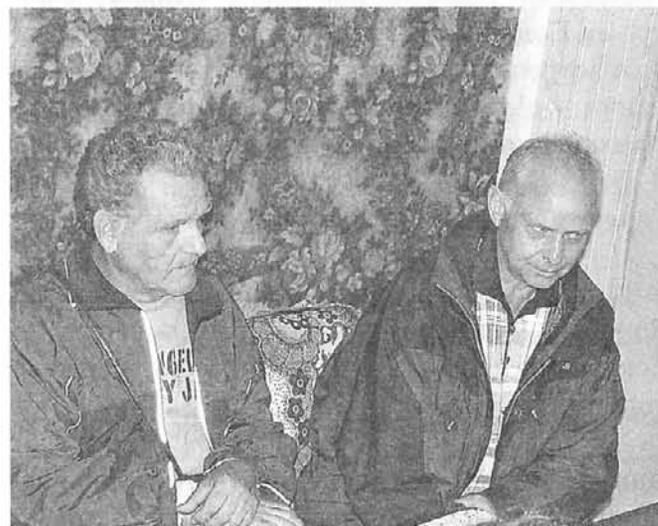
Мы — это второй отряд экспедиции, так называемые астрономы: Дима Семенов, Толя Арсентьев

и я. Мы едем на деньги Института солнечно-земной физики, Иркутского госуниверситета и обсерватории ИГУ. Толе Арсентьеву на всю командировку казенных средств не хватило, и авиабилет до Бодайбо он покупал на свои деньги. Вместе с нами к кратеру отправлялся прилетевший из Москвы корреспондент «Комсомольской правды» Андрей Моисеенко — наш старый боевой товарищ по витимским экспедициям. Задержка и беспорядок в аэропорту нервируют невыспавшегося Андрея — он часто выбегает на улицу и курит, поглядывая на небо. Но туман рассеивается крайне медленно.

Первый отряд — геологи — вылетел в Бодайбо вчера. Профессор Антипин уговорил своего однокашника Евгения Ивановича Воробьева — опытного геолога, открывателя нескольких месторождений — возглавить экспедицию. Воробьева очень заинтересовал Патомский кратер, и он загорелся идеей его обследовать. У него сразу же возникла собственная версия происхождения кратера — оригинальная модификация метеоритной гипотезы Колпакова. В состав отряда был также включен Саша Федоров — сотрудник Воробьева. Антипин взял на себя обязанности научного руководителя экспедиции по геологической части.

Мы торчали в аэропорту уже два часа, когда наконец объявили регистрацию и посадку. Мы уселись в кресла обшарпанного Ан-24 и стали

ждать дальше: команды на взлет по-прежнему не было.

Последний вечер в Бодайбо. Старые друзья Евгений Воробьев и Виктор Антипин

Но вот в самолет вошел (точнее, его ввели) припоздавший пассажир, видимо уже изрядно поддавший. Он громко общался со всем миром — угрюмые пассажиры слегка оживились.

— О-о-о, да тут кабели!.. Этот аэроплан — он электрический, что ли? — громогласно вопрошил парень.

Все так и покатались от смеха — не удержался даже мрачный Андрей.

В это время дверь закрылась, винты дрогнули и начали вращаться. Взлетели мы ровно в 10 утра — с двухчасовым опозданием. А через два часа десять минут самолет покотился по полосе аэродрома Бодайбо. На выходе из аэропорта нас уже встречали журналисты местной телекомпании — благодаря «Комсомольской правде» об экспедиции уже писали многие СМИ.

Геологи ожидали нас у ворот аэропорта.

— Мужики, я договорился с КамАЗом, — сказал Воробьев. — Он готов взять двоих и увезти до Векши. Но ехать надо прямо сейчас, водитель торопит!

Дима и Андрей переглянулись, надели свои огромные рюкзаки, и Воробьев повел их к КамАЗу. Саша Федоров помог тащить купленный в Иркутске запас продуктов, который тоже забросили в машину. Дима с Андреем влезли в кабину и помахали нам рукой. Огромный грузовик посигналил и немедленно двинулся в путь. Нас осталось пятеро.

Андрей Моисеенко

3 августа 2005 года, среда

Три КамАЗа и ЗИЛ с цистерной бензина. Где-то на трассе Бодайбо — поселок Перевоз из-

за оползня изменилось русло ручья и он стал размывать грунтовую дорогу. А трасса важная: по ней идет все снабжение золотопромышленных артелей. По ней же и золото вывозят. Поэтому дорогу нужно содержать в целостности и сохранности. На КамАЗах везли три бетонных кольца для прокладки нового русла, а ЗИЛ понадобился, чтобы дозаправлять грузовики по дороге: все-таки 300 километров в один конец. Нам с Димой предстояло проехать с колонной 200 километров. В путь отправлялись и водители-сменщики, поэтому нашлось только два свободных места: одно в КамАЗе, другое — в заправщике. Я сделал удачный выбор (по крайней мере, так мне показалось сначала) — как заядлый курильщик, сел в грузовик: с бочкой бензина за спиной не покуришь. Да и спутник попался интересный — абorigine Николай, знающий все достопримечательности в окрестностях дороги.

Оказывается, деревня Векша, где нам с Димой предстояло сходить, когда-то была перевалочной базой золотодобытчиков. Позже там создали совхоз «Верный путь». Еще позже, когда оказалось, что «путь» вовсе не верный, местные жители стали искать каждый свою дорогу — и народ разбежался.

— А вон Тришкино озеро.

— Почему Тришкино?

— Говорят, лет сто назад был такой мужик. Он тут китайцев топил. Тех, кто по перевалам сюда забирался, золото мыть.

Наверное, чтобы почтить память сего почтенного человека, у Тришкина озера мы остановились перекусить. В ожидании отставшего бензовоза из недр кабины изъяли первую бутылку...

Бензовоза, который вез, помимо топлива, и моего некурящего товарища, мы в тот день так и не дождались. Оказалось, километра в пятидесяти от Бодайбо водитель свернул к артели — навестить своего приятеля. А там ЧП: у одного из ребят день рождения, а водки нет! Пришлось срочно метнуться на бензовозе назад «в цивилизацию». В общем, заправщик добрался до Векши только следующим утром. А КамАЗы 200 километров проехали за девять часов. Это я тоже узнал только утром, потому как уже после третьего перекуса, во время которого были выпиты бутылки с «огненной водой» № 8 и 9, не следил за течением времени.

Нас, хочу напомнить, было шесть человек. Была впоследствии еще одна остановка, где мы торжественно дошли № 10 и 11. Впрочем, случилось это уже после того, как мы преодолели главный перевал. Дорога пошла вниз, и друг мой Коля пояснил: «Доедем без проблем». Проблемы? Какие проблемы? И у кого?

Сергей Язев

3 августа 2005 года, среда

Антипин пояснил, что добраться до Векши, откуда предстояло сплавиться по Хомолхо, весьма проблематично. Автобусы по этой дороге не ходят, и остается договариваться с попутками — машинами местных золотодобывающих артелей. А вахтовки ходят далеко не каждый день. И даже не каждую неделю. Подвернувшийся КамАЗ — большая удача. Но других КамАЗов не наблюдалось.

По пути к Векше. Сергей Язев,
Евгений Воробьев, Александр Федоров
(на снимке: слева направо)

Мы заселились в гостиницу аэропорта. Я начал звонить нашему хорошему другу, местному предпринимателю Павлу Петровичу Быкову, который крепко помог во время предыдущей (третьей витгимской) экспедиции. Но его телефон молчал.

Нужно было искать транспорт. Мы с Воробьевым и Антипиным отправились в контору «Лензолота». Здесь сказали, машины каких артелей ездят по нужной нам дороге. Но, увы, все складывалось не в нашу пользу! Машина артели «Тайга» ушла как раз вчера. У артели «Дальняя тайга» машины сейчас вообще не было. И дальше в том же духе.

Мы вернулись в гостиницу. Хмуро поели в столовой, а затем мы с Толей Арсентьевым продолжили поиски транспортной оказии. Воробьев с Антипиным тоже ушли: в Бодайбо у них было много знакомых геологов, которые могли помочь.

В отделении МЧС бравый подполковник дал нам с Толей ряд ценных советов. Воодушевившись, мы отправились на местное автотранспортное предприятие. Начальника, господина Неуймина, на месте не оказалось, но милые сотрудницы рассказали, какие машины можно взять в аренду: «Уазик... До Векши это будет стоить — сейчас посмотрим — по 920 рублей с человека. Подойдите завтра к 8 утра, когда начальник бу-

дет на месте. Машина есть, заплатите и поедете себе спокойно!»

Это был вполне приемлемый вариант. Поскольку время до вечера у нас еще оставалось, мы с Толей отправились на другой конец города, где, по данным МЧС, можно было договориться с частными водителями «газелей». Увы, здесь все было дороже: с нас хотели взять по 1200 рублей, причем выезжать предполагалось также не раньше завтрашнего утра. Мы вернулись в гостиницу и объявили о своих достижениях. Саша сходил к администратору гостиницы за электроплиткой и принялся варить макароны. Я снова набрал номер Быкова — и он наконец отозвался.

— Вы в гостинице? Сидите и никуда не уходите! — сказал Быков в трубку.

Его серебристый джип подкатил буквально через десять минут. Из машины вылез двоюродный брат Быкова — Алексей. Мы поздоровались и обнялись, Алексей пожал руки Воробьеву и Саше, с недоумением посмотрел на булькающие в кастрюле макароны, затем крикнул и сказал:

— Собирайтесь! Оставляйте здесь рюкзаки, берите с собой спальники, зубные щетки — и в машину!

Воробьев и Саша смущенно помялись, а мы (все остальные) торопливо полезли в свои рюкзаки за вещами первой необходимости. По позапрошломu году мы уже хорошо знали, чего следует ожидать.

Алексей привез нас на загородную спортивную базу. За широким столом под открытым небом сидела компания; нам навстречу поднялся замечательный, все знающий и все умеющий Павел Петрович Быков. Мы усаживаемся на широкую скамью, Алексей подставляет нам тарелки и стаканы, а Быков представляет присутствующих: вот, например, гостеприимный хозяин — начальник этой самой базы, а вот это — Владимир Федорович Неуймин, директор бодайбинского АТП...

— А мы вас искали! — хором сказали мы с Толей.

— А вот и нашли! — хором ответили Быков с Неуйминым.

Вопрос решился в одну минуту. Завтра к гостинице отправят уазик, который довезет нас до Векши. Местные мужики начали обсуждать вопрос нашей транспортировки. Оказалось, что за Векшей начинается еще одна дорога, идущая через горные перевалы. Она выходит к реке Хомолхо недалеко от устья Явальдина — оттуда до устья придется топтать километров семь

пешком. Если найти грузовик типа ГАЗ-66, он добросит нас почти до места и не будет необходимости пересаживаться с уазика на плот. И вот уже кто-то пошел звонить знакомому водителю ГАЗ-66, а кто-то уверял, что водитель опытный и доедем мы без проблем, а еще кто-то все время подкладывал огурцы («Свои! Я сегодня снимал!»), а я громко рассказывал о Патомском кратере и показывал ксерокопию знаменитого аэроснимка 1971 года. Воцарилась тишина. Все сосредоточенно рассматривали снимок, пока кто-то не произнес:

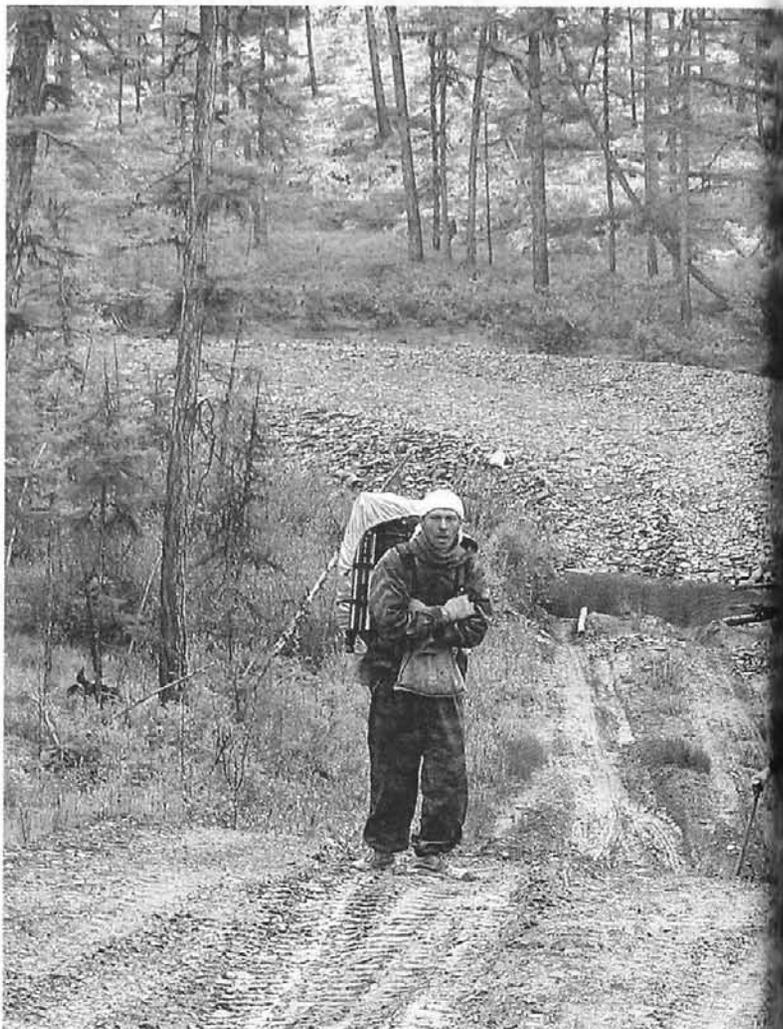
— На женскую титьку похоже.

Выпили еще. Стемнело и похолодало. Начальник базы повел нас в дом («Спальники же есть? На ковре тут устройтесь!»).

Закипел чайник, Алексей притащил аккордеон, и мы еще долго пели сибирские народные песни: и «Славное море — священный Байкал», и «Бродяга Байкал переехал», и «Ты уехала в знойные степи — я ушел на разведку в тайгу», и даже «Бредут на север — срока у всех огромные», и еще много чего. Два старых друга-геолога — Евгений Иванович Воробьев и Виктор Сергеевич Антипин — пели от всей души. Все было хорошо. Все было даже замечательно. Все в конечном итоге получалось, и Патомский кратер постепенно начинал обретать реальные черты.

4 августа 2005 года, четверг

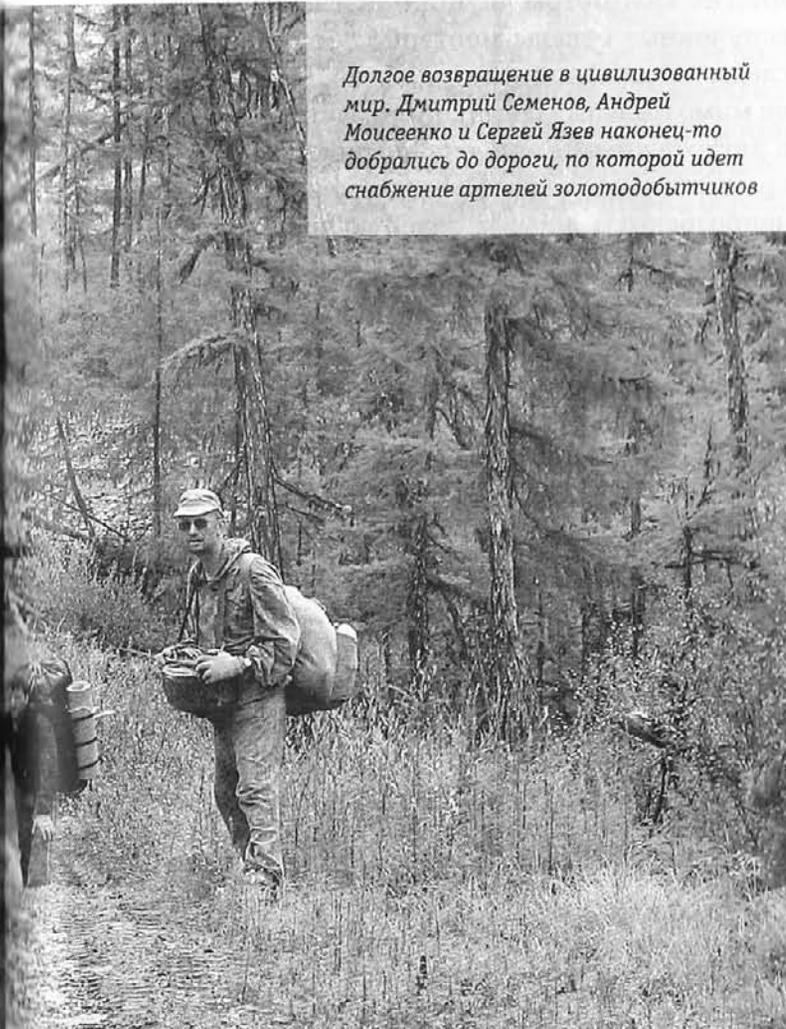
Быков, деловитый и свежий как огурчик, приехал в семь утра. Вариант с ГАЗ-66 не прошел: водитель ехать отказался, не зная дороги. Воробьев с Сашей отправились на АТП платить за

уазик. Мы с Антипиным и Толей направились в гостиницу за вещами.

Арендванный нами уазик прибыл в 12:40. Быков обнялся со всеми, пожал руки и пожелал удачи. Мы тронулись в путь.

Долгое возвращение в цивилизованный мир. Дмитрий Семенов, Андрей Моисенко и Сергей Язев наконец-то добрались до дороги, по которой идет снабжение артелей золотодобытчиков

Дорога производила сильное впечатление. Нам встретился обелиск, поставленный на месте Ленского расстрела: в 1912 году император Николай Александрович, будущий наш православный святой, распорядился стрелять по рабочим, взбунтовавшимся от нечеловеческих условий труда. Мы видели протянувшиеся на многие километры «лунные пейзажи» — дико вспученные отвалы мертвой серой породы — следы масштабной золотодобычи. Мы проезжали мимо пыльных поселков без единого деревца, с двухэтажными покосившимися домами, сохранившимися с советских времен. Мы видели непрозрачную ядовито-зеленую воду реки Хомолхо, мертвую от химии, применяемой в технологиях золотодобычи.

Водитель тем временем пояснял образцы местного жаргона. Выяснилось, что большой экскаватор здесь емко называют «гинекологом» (тем же словом — заодно и экскаваторщика). Экскаватор поменьше (с ковшом объемом меньше десяти кубов) почему-то зовется «трахомой» (а экскаваторщик на нем — «трахомщик»). Шагающий экскаватор именуется уважительно — «шагарь». Машина — «шушлайка», бензовоз — «налив» с ударением на первом слоге и так далее.

Уазик резво двигался все дальше на север. За окном величественно расстилалась бескрайняя тай-

га. Она постепенно оживала: прииски остались позади.

Конечно, в пути пришлось сменить пробитое колесо — без этого еще ни разу не обходилось.

В 18:40 мы прибыли в Векшу.

Когда-то Векша была поселком. Теперь от большинства домов остались одни фундаменты или их следы. Торчало несколько деревянных домов, в одном из которых обитал единственный местный житель — хромоватый седой Вова с перебитым носом. Вова был даже не пьяный — он был бухой, причем, судя по всему, всегда. У Вовы была рация, по которой можно было связаться и с Бодайбо, и с Перевозом. Дом Вовы — перевалочный пункт на трассе от Бодайбо до Перевоза. Здесь останавливаются отдохнуть водители тяжелых «наливов» и вахтовок, ползущих в таежные артели.

В 15 километрах за Векшей — поворот на север через горы, на другую дорогу, по которой могут пройти только тяжелые машины. Как раз туда нам и нужно было, но для нашего уазика это была непосильная задача.

Навстречу нам вышел Дима Семенов.

— А где Андрей? — закричали мы с Толей.

Андрей, как выяснилось, отсыпался после долгой дороги в кабине КамАЗа. Поездка в сопровождении батареи бутылок давала о себе знать.

Поняв, что дальше мы на уазике не поедem и придется готовить плавсредства, Дима несколько погрузнел. Он-то надеялся, что машина довезет нас до окрестностей устья Явальдина. Но уже через полминуты Дима приободрился. Остановить его на пути к цели, как показал опыт многих совместных экспедиций, в принципе невозможно.

— Приступаем к постройке плота! — сказал он. — Здесь есть остатки старого коровника, можно взять доски. Вы надувные камеры привезли?

И все принялись сооружать плот. Легкие сухие доски, выбеленные солнцем, мы притащили на берег уже чистой в этих местах Хомолхо. Выспавшийся Андрей резво орудовал складной пилой. Дима сколачивал каркас — ржавых и кривых гвоздей было с избытком. Мы с Сашей подтаскивали доски. В дыму травяного дымокура, сооруженного Толей (без него становилось все печальнее: по мере приближения вечера начали заедать комары!), рождался поразительный образец судостроительного искусства. Огромные камеры от большегрузных автомобилей, которые удалось надуть с помощью отдыхав-

шего здесь КамАЗа, явились важной составной частью плота.

Я написал записку с просьбой прислать сюда машину к вечеру 12 августа и попросил водителя, допивавшего чай под навесом летней кухни, передать ее своему начальству. Тот сунул записку в бардачок, уазик приветственно посигналил и покотился назад в Бодайбо.

Наконец плот был спущен на воду, и Дима с Андреем, заедаемые надсадно гудящими комарами, испытали плот на устойчивость. Конструкция оказалась надежной. Впрочем, в этом мало кто сомневался.

Плот втащили на берег.

— Завтра с утра построим второй, — заявил Дима. — Погрузим вещи и отправимся.

Вниз по Хомолхо

5 августа 2005 года, пятница

Утро, как говорится, было туманное. Дима накормил всех рисовой кашей из ведра. Строить второй плот мы не стали: у берега стояла небольшая металлическая лодка. Андрей с Димой пошли к Воле договариваться.

— Чья там лодка?

— Да Петина, — отвечивал Вова.

— А как его найти? Хотим у него попросить лодку — спуститься до устья Явальдина, а потом до Перевоза. Привезем на грузовике на обратном пути.

— Берите! — махнул рукой Вова.

— А как же Петя?

— Перебьется Петя, х... с ним! — убедительно сказал Вова.

Вопрос был решен.

Мы привязали веревками груз: палатки, спальные мешки, продукты, уложенные в большие полиэтиленовые пакеты, и рюкзаки — к плоту, а затем понесли его к воде. Плот спокойно

выдерживал груз и еще двоих человек. В 9:30 Андрей и Дима, вооружившись шестами, оттолкнулись от берега и начали двигаться по реке. Воробьев и Антипин погрузились в лодку — она заметно просела — и отправились следом.

Спустя двадцать минут Саша Федоров, Толя Арсентьев и я двинулись пешком. Река делала здесь большой крюк: судя по карте, мы могли пройти сначала по дороге, потом по тропе, срезав путь, и снова выйти к реке в 12 километрах ниже по течению. Так начался наш путь по Хомолхо, продолжавшийся два с половиной дня.

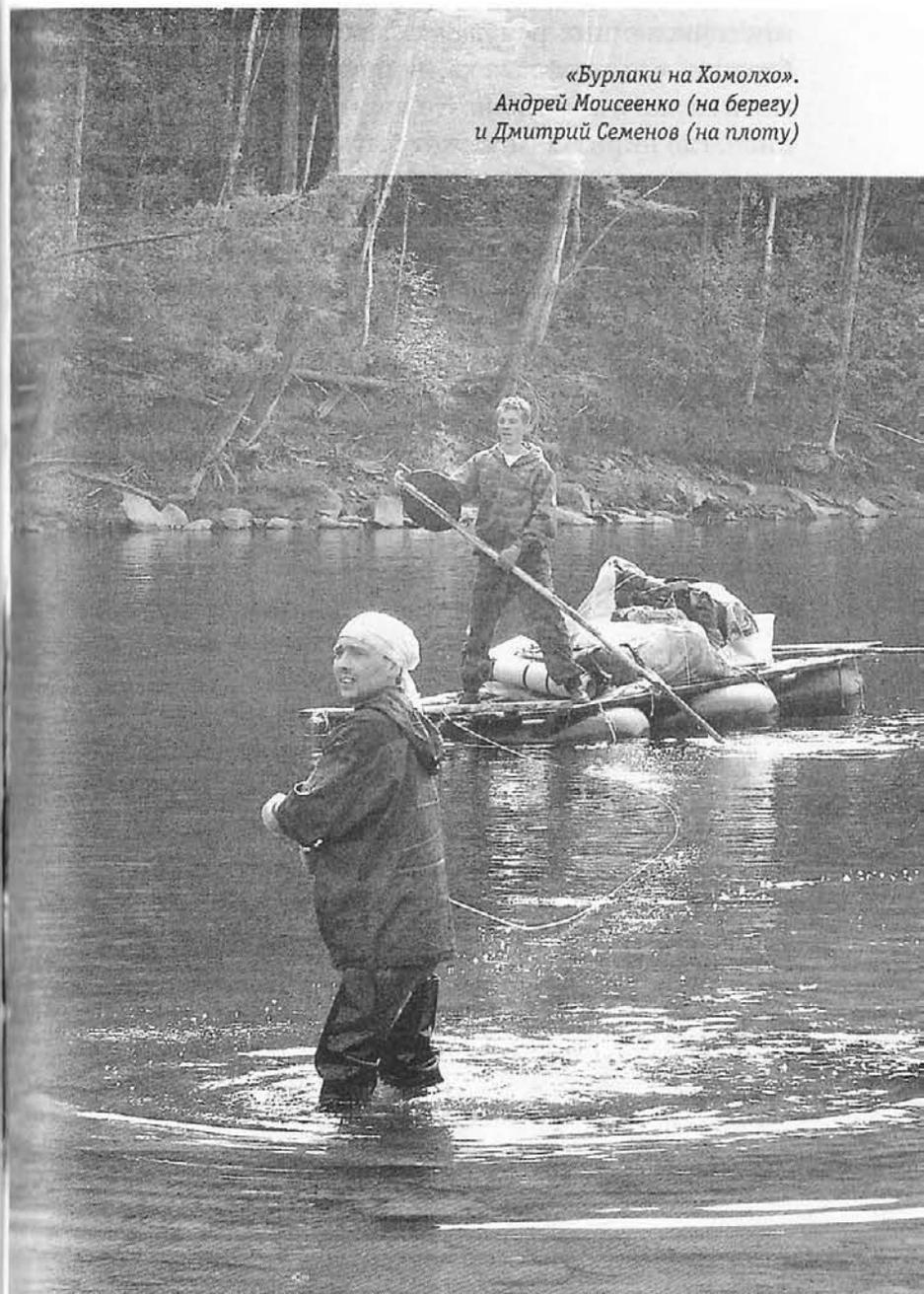
*«Гребля ломами».
На борту — Дмитрий Семенов
и Андрей Моисеенко*

Отталкиваться шестами оказалось неудобно (похоже на греблю ломами, как сказал Дима). На первом же привале к ним прибили куски фанеры и валявшуюся на берегу крышку от кастрюли — и шесты превратились в весла.

Лодка и плот двигались по реке со средней скоростью пешехода. Четверо плыли, трое шли налегке. Когда тропа становилась непроходимой или исчезала за скалистыми прижимами, плот перебрасывал пеших на другой, пологий берег, и путешествие продолжалось. Иногда на пути возникали шивера¹ — и плот с трудом проходил по большим камням, вокруг которых шумела и кипела вода. Мы боялись, что лопнут привязанные к деревянному каркасу надутые автомобильные камеры или плот перевернется на камнях и груз окажется в воде. Но все обошлось, и груз остался сухим. На ровных участках, где течение было совсем медленным, мы, изображая бурлаков, тянули плот на веревке. Иногда пешеходы подсаживались на плот и до ближайших шиверов плыли, свесив ноги в воду.

В Хомолхо впадали притоки, река постепенно становилась все более полноводной и глубокой, и все реже попадались трудные каменистые участки. В мелком песке возле устьев

¹ В Сибири и на Урале: каменистый мелководный участок русла реки с быстрым течением.

*«Бурлаки на Хомолхо».
Андрей Моисеенко (на берегу)
и Дмитрий Семенов (на плоту)*

многочисленных речушек сверкали на солнце блески. «Золотой песок», — говорили астрономы, а геологи поясняли: это пириты, но, в принципе, где пирит, там может быть и золото...

На одном участке мы заметили вереницу свежих следов: где-то впереди в том же направлении, что и мы, шли медведица с медвежонком.

Оружия у нас не было — только фальшфейер, привезенный Андреем, но, к счастью, и он не понадобился.

Позади оставались устья притоков с экзотическими именами — Кара-Сырдак, Чипикет, Бугарихта... Карта показывала, что мы неуклонно приближаемся к цели.

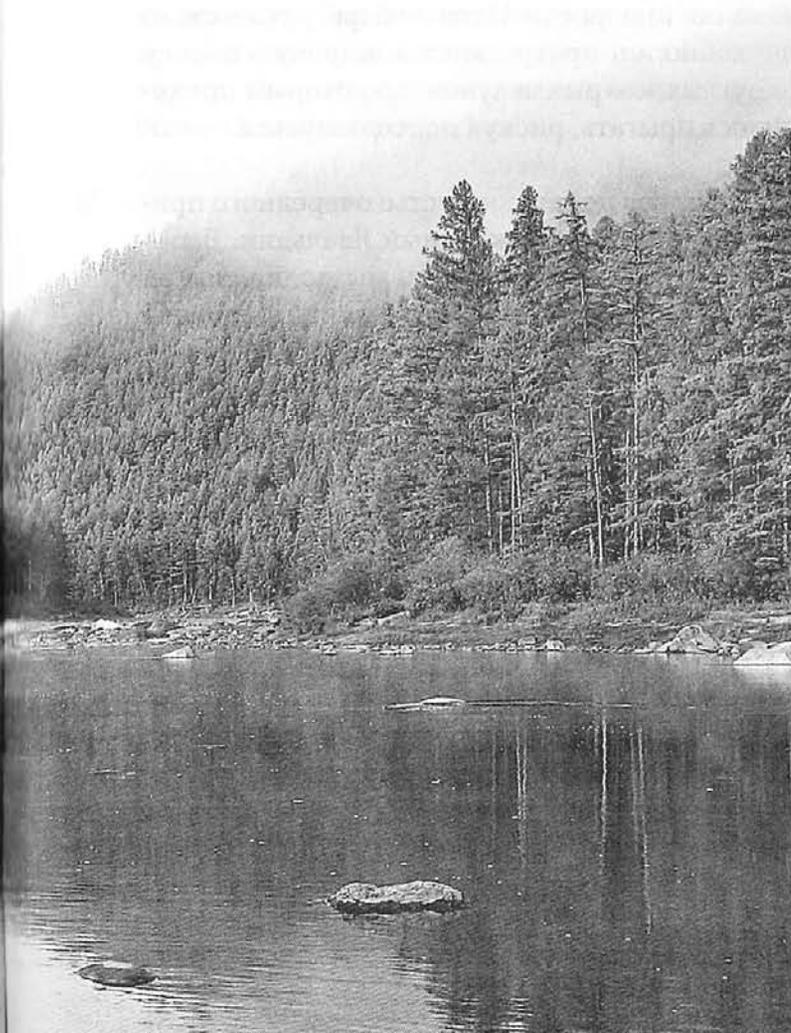
*Вниз по Хомолхо.
В лодке — Сергей Язев,
Виктор Антипин
(стоит),
Евгений Воробьев
и Александр Федоров*

Тихо было в тайге. Практически не кричали птицы, только еле слышно шумела, звенела, журчала вода Хомолхо. Погода понемногу портилась.

В узкой долине реки, зажатой между высокими горами, вечером быстро темнело, поэтому на ночевки приходилось останавливаться рано: в темной воде были незаметны опасные подводные камни, которые могли повредить наши плавсредства (на второй день прохудилась лодка, и Воробьев залатал трещину в дюрале, замазав ее разогретой на огне лиственничной смолой). Мы расставляли на берегу палатки, чтобы наутро снова собрать их, погрузить на

плот и двинуться дальше. У вечернего костра геологи травили бесчисленные байки. Все рассказы Воробьева почему-то заканчивались одинаково: геологи вдвоем или втроем оставались в тайге с одной банкой тушенки и нужно было неделю ждать вертолета (или пока спадет вода), а вертолет все не летел (вода все не спадала)...

По ночам становилось холодно, и мы отчетливо сознавали, что это север и лето тут короткое.

7 августа 2005 года, воскресенье

Наконец пошел дождь. Судя по карте, оставалось совсем немного. Мокрые насквозь путешественники продрогли. Идти по берегу тоже стало неудобно: он превратился в широкую полосу округлых мокрых валунов, по которым приходилось прыгать, рискуя поскользнуться.

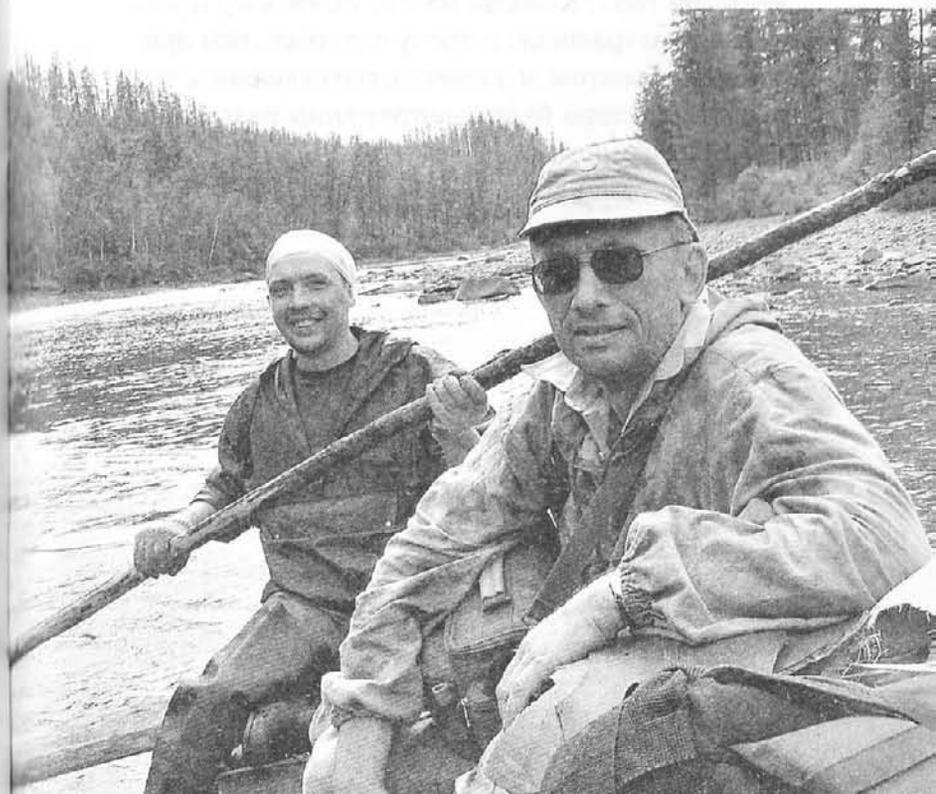
Но вот слева показалось устье очередного притока. Это был долгожданный Явальдин. Вытащив на берег плот и лодку, мы поднялись на высокий берег. Здесь была отличная ровная поляна, где и было решено разбить основной лагерь.

Андрей Моисеенко

Позже мы узнали, что именно здесь некогда стояла изба купеческого приказчика, торговавшего со старателями. После его смерти якуты разобрали дом и перетащили выше по ручью. На мысу осталась лишь заросшая травой прямоугольная яма. Опытный Воробьев сказал, что это остатки погреба. Мы даже пожалели, что нет металлоискателя. Наверняка можно было отыскать какие-нибудь следы человеческой жизнедеятельности: старую подкову или ржавый гвоздь.

Сергей Язев

Застучал топор, запахло дымком. Незаметно кончился дождь, и на голубом небе между редкими облаками засияло вечернее солнце. Дима с Андреем воздвигли навес для рюкзаков. Воробьев и Саша Федоров тут же отправились вверх по Явальдину на разведку. Антипин надел резиновые сапоги и спустился к устью посмотреть, есть ли тут хариус. До кратера, судя по карте, оставалось не более 12 километров.

Разведчики вернулись уже в темноте — радостные и возбужденные: в получасе ходьбы живет семья якутов и они знают о кратере и нас готовы проводить до места.

Мы долго сидели у костра, наливая в миски наваристый суп из ведра и обсуждая загадку Патомского кратера. Над нами ярко светили гигантские звезды, к которым устремлялись оранжевые искры.

Завтра мы должны были достичь цели. Завтра должно было состояться то, к чему мы готовились три года. Каждый из нас по-своему представлял завтрашнюю встречу с уникальным природным объектом, и, конечно, все надеялись, что загадка кратера будет непременно разгадана, и совсем скоро.

ГЛАВА 5

Первая смерть

Сергей Язев

8 августа 2005 года, понедельник

Я выбрался из палатки в 7 утра. Утро выдалось солнечным, а небо голубым — ни облачка. Блестела сочная трава, ярко, будто в мае, зеленели листовенницы, и переливчато плескалась вода на камнях в устье Явальдина. На пенке сидел Дима Семенов и брился, а на костре уже призывно булькали Андреев кан с чаем и ведро с утренней гречкой.

— Чего ты решил бриться? — спросил я.

— Так день сегодня особенный! — ответил Дима. — Выходим на кратер!

Впрочем, кроме него, никто бриться не стал. Мы умылись, позавтракали и стали готовиться к последнему этапу путешествия.

— Космонавты не говорят «последний», — заметил Андрей. — Говорят «крайний».

— Да неважно, — отозвался Воробьев. — Какая разница — крайний или последний? Главное, что мы уже у цели.

Было решено идти внятером. В лагере должны были остаться двое дежурных — Саша Федоров и Толя Арсентьев.

— Готовьте ужин, — успокоил их Антипин. — Завтра назначим других дежурных. Не беспокойтесь, вы обязательно попадете на кратер: Саше там еще работать и работать.

Дима извлек из недр своего рюкзака ослепительно белую нейлоновую рубашку. Это, естественно, вызвало множество обязательных комментариев: «А как насчет галстука?», «А брюки погладить?», «А обувь почистить?», «А где у тебя?..» — и так далее.

Воробьев уже стоял посередине лагеря с рюкзаком за спиной и геологическим молотком в руке, нетерпеливо поглядывая на нас.

Мы покинули лагерь в 9:25. Ровно в 10:00, пройдя по живописной тропе, которая иногда ступеньками поднималась по камням обрывистого правого берега Явальдина, мы вышли на обширную поляну, где стояло якутское жилище.

Андрей Моисеенко

Этот убогий сарайчик иначе как жилищем и не назовешь. Сруб из черных рассохшихся бревен, кое-где снаружи обшитый досками. Внутри, как я потом увидел, на деревянном полу стоят грубо сколоченный стол, широкие нары и тумба без дверцы. Вещи развешаны на вбитых в стену гвоздях.

Не знаю, как зимой, но сейчас аборигены готовят еду на улице. Перед домом — ржавая железная печь, на которой греется помятая, когда-то, очевидно, эмалированная кастрюля.

Жилище Непряхиных стоит здесь уже полвека

Итак, вот они, жители бодайбинской тайги, которые при желании могли бы приватизировать Патомский кратер и неплохо зарабатывать на туристах и любопытных ученых.

Вся семья была в сборе. Анна Петровна Непряхина — женщина лет пятидесяти. В момент нашего появления она варила варенье из голубики. О «Гнезде Огненного Орла» она знает от мужчин: сама никогда туда не ходила, потому что якобы женщинам это делать не рекомендуется. Так говорила ее бабка.

Ее старший сын Кеша, нынешний глава семьи, пил чай. Он подозрительно быстро согласился провести нас к Патомскому кратеру. Потом выяснилось, что дело было не в простом любопытстве или страсти к бродяжничеству. На днях к дому Непряхиных должен был прийти их родственник Иван с оленями. Кеше же, в свою очередь, нужно было отогнать стадо куда-то дальше, и не очень ему хотелось этим заниматься.

Младший сын Вася — на вид лет двадцати — тем временем точил топор. Парень служит постоянным объектом насмешек для окружающих, потому что никогда не сможет стать охотником — и даже просто выстрелить из ружья. Дело в том, что в детстве Кеша с Васей играли в очень увлекательную игру. Один клал на пенек ладонь, а второй бил по ней топором, и первому надо было успеть выдернуть руку. Однажды Вася не успел, и старший брат отрубил ему указательный палец на правой руке. Тот самый указующий перст, которым, как известно, спускают курок любого огнестрельного оружия. Из-за этого Вася

теперь должен страдать всю жизнь. И не может найти себе невесту.

Настя Непряхина — сестра Кеша и Васи — сбегала в отчий дом из ближнего поселка Перевоз, потому как не сошлась характером с мужем-алкоголиком. С нами она разговаривала мало, сторонилась. Но слегка оттаяла, когда Воробьев взялся лечить ее дочку.

Пятилетняя Аня, дочь Насти, с чужими почти не разговаривала. Сзади на правом бедре девочки виден был огромный след от ожога: упала в костер. Старая, покрытая коростой и грязью рана не заживала уже больше двух месяцев. Воробьев промыл девочке ножку, смазал какой-то мазью из своих запасов и оставил лекарство матери, объяснив, когда и как процедуру надо повторять.

Сергей Язев

Антипин и Воробьев начали торопить команду, которая с любопытством рассматривала якутское стойбище.

— Кратер ждет! — сказал Воробьев, с сожалением вернув Кеше винтовку с почерневшим от времени прикладом и выбитой надписью «1886 год».

Кеша быстро собрался и резво пошел вперед, Воробьев двинулся за ним, стараясь не отставать.

Следом, на ходу надевая рюкзаки, потянулись остальные. Якут взял довольно резвый темп. Вдруг тропа начала круто уходить вверх, и Кеша повернул к речке.

— Лучше перейдем на тот берег — там тропа ровнее.

Наша команда уверенно двигалась вперед. Я ускорил шаг, обогнал Воробьева, достал видеокамеру и остановился у обочины, чтобы снять членов экспедиции на тропе. Мимо меня прошагал, тяжело дыша, Воробьев, опирающийся на ручку геологического молотка, как на трость. Я запечатлел его спину с ярко-зеленым рюкзаком и снова повернулся навстречу участникам похода. Мимо меня прошествовали Дима, Андрей и Антипин. «Фильм получится неплохой», — подумал я, уже прикидывая, как монтировать кадры и какую музыку накладывать, после чего снова погрузил камеру в рюкзак и поспешил вслед за товарищами.

Над тропой нависали живописные скалы, под ногами хлюпала влага — родничок подпитывал небольшое болотце.

Впереди раздался непонятный звук, как будто кто-то резко, с хрипом, давясь, громко кашлянул. Я увидел, что Андрей вдруг побежал — между лиственницами был хорошо виден его рюкзак. Я ускорил шаги, а потом тоже побежал, то и дело оскальзываясь на болотине.

Евгений Иванович Воробьев лежал ничком возле тропы. Дима и Андрей суетились возле, снимая с него рюкзак и осторожно переворачивая на спину. Антипин судорожно расстегивал свой рюкзак, чтобы достать таблетки — нитроглицерин и валидол. Лекарства легли под язык. Андрей пощупал запястье.

— Пульса нет! — задыхаясь, сказал он.

— Ничего, откачаем, — уверенно ответил Дима. — У нас в деревне был такой же случай на свадьбе... Мужуку сделали искусственное дыхание — ожил!

Дима встал на колени и, наклонившись над Евгением Ивановичем, стал делать искусственное дыхание изо рта в рот. Грудь Воробьева с хрипом и клеточком приподнялась.

— Легкие наполняются!

Мы стояли вокруг, ища, чем помочь. Подсунули под голову Воробьеву свернутую куртку, развязали кроссовки, расстегнули рубашку. Пульса по-прежнему не было.

Так прошло почти полчаса. В тишине раздавалось хриплое дыхание Димы. И тогда Кеша, стоявший рядом, негромко произнес:

— Бесполезно.

Мы все с ужасом ждали этого слова, потому что уже знали, что это правда. Дима тяжело поднялся, отвернулся и отошел в сторону. Я протянул ему кружку, он зачерпнул из ключа, проглотил таблетку и запил.

— От нервов, — извиняющимся тоном сказал Дима. — А то у меня обычно аллергия выскакивает на нервной почве, сейчас весь пятнами пойду.

Мы стояли неподвижно.

Евгений Иванович Воробьев умер. Умер мгновенно, как потом показало вскрытие.

— Обширный инфаркт, — неделю спустя сказал Антипину врач в бодайбинском морге. — Когда упал, был уже мертвый.

Все было кончено. Все было как полчаса назад: так же светило солнце и небо было таким же голубым. Но все это относилось теперь к далекому, нереальному прошлому. Там, в прошлом, можно было шутить и ерничать, хохмить и трепаться, мечтать и обсуждать будущие открытия, пить чай. Здесь, в настоящем, осталась черная безысходная реальность. Воробьев лежал у тропы, не дойдя до кратера шесть километров. Не крайних, а последних.

На Антипина было страшно смотреть. Казалось, он постарел вдвое за эти полчаса. Воробьев был

его коллегой, более того — другом со студенческих времен. Именно Антипин рассказал о кратере Воробьеву, и тот согласился возглавить экспедицию, которую ему не суждено было завершить.

— Надо выносить, — подал голос Кеша. — Рубим носилки.

Носилки, сделанные из двух молодых лиственниц и привязанных к ним станков от двух рюкзаков — Евгения Ивановича и моего, получились невысказанно тяжелыми, и нести их вчетвером по узкой тропе оказалось невозможно — уже метров через пятьдесят мы снова опустили тело Евгения Ивановича на землю. А переправить эти носилки через часть тропы, которая уступами взбиралась по прижиму над рекой между тесно растущими деревьями, было нереально. Стало ясно, что доставить их к лагерю у устья Явальдина можно только по реке. Мы с Димой и Андреем отправились в лагерь, чтобы принести автомобильные камеры от плота. Возле тела остались Виктор Сергеевич Антипин с Кешей.

Весть поразила Сашу и Толю. Мы оставили в лагере записку: «У нас беда» — и пошли обратно. Пошли, конечно, все.

К плоту, построенному Кешей, привязали камеры. Тело Евгения Ивановича, завернутое в полиэтилен, привязали к плоту.

Чтобы перетащить плот через крупные камни, пришлось погружаться по колена, а то и по пояс в воду. Солнце садилось. В долине Явальдина, зажатой между высокими горами, быстро темнело, и вода становилась все холоднее.

9 августа 2005 года, вторник

Транспортировка Евгения Ивановича к устью Явальдина заняла почти сутки. В 5 утра Дима и Андрей отправились к нему — чтобы медведь не нашел тело.

Идея Кеша и его родственника Ивана Максимова, который в это тяжелое утро как раз появился с оленями, о том, что можно перевезти печальный груз на нартах, не сработала: молодые, необученные олени отказались впрягаться.

Мы вшестером несли носилки по пологому берегу Явальдина, через каждые сто метров опуская их на землю и валясь в траву. Через пять минут поднимались и шли дальше. К тому времени Кеша с Антипиным пригнали от дома якутов лодку. Палатки геологов уже были сняты.

Было решено везти тело Евгения Ивановича вниз по Хомолхо до поселка Перевоз (около 50 километров). Затем нужно было на машине ехать в Бодайбо (300 километров) и оттуда отправляться рейсовым самолетом в Иркутск. На двух лодках — разобранный плот использовать уже

было нельзя — готовились отправиться Кеша, его брат Вася, а также друзья и коллеги Воробьева, геологи Антипин и Федоров.

Настал момент, о котором мне до сих пор тяжело вспоминать. Антипин подходил к каждому из нас (астрономов), предлагая ехать вместе. Мы отказались. Помочь мы уже не могли; с телом Евгения Ивановича отправлялись четыре человека — этого было вполне достаточно. Ехать кому-то еще — только перегружать небольшие лодки. Кроме того, лодки не могли взять на борт еще четверых, а это означало, что кому-то из нас все равно предстояло выбираться из этих мест пешком.

Мы решили: прежде чем идти к автотрассе — до нее было около 35 километров через три перевала, — надо все-таки попытаться дойти до кратера. Нам казалось, что дело нужно довести до конца — хотя бы для того, чтобы смерть Евгения Ивановича не оказалась напрасной. Трое астрономов и один журналист, конечно, не могли профессионально выполнить комплексное геологическое обследование уникального природного объекта (впрочем, в душе мы надеялись, что удастся обнаружить признаки его внеземного происхождения). Но определить точные координаты кратера с помощью GPS-приемника, качественно сфотографировать и обмерить кратер, взять пробы породы и древесины, другими словами, подготовить базу для будущих

исследований, мы могли. Более того, мы считали, что таков наш долг — в память о мечте Воробьева добраться до кратера.

Я знаю, Антипин никогда не простит мне, что я не поехал с ним и отправился с ребятами к кратеру. До сих пор думаю, что поступил тогда правильно, но вспоминать об этом мне всегда будет невыносимо тяжело.

Мы разделили продукты — большую часть отдали Саше, Антипину и нашим якутским товарищам. Антипин дал краткие рекомендации по отбору образцов. Нужно было торопиться: путь геологам предстоял неблизкий, а солнце начинало клониться к закату. Наконец мы простились, и две лодки поплыли вниз по реке.

Теперь нас было четверо — Дима Семенов, Толя Арсентьев, Андрей Моисеенко и я. До кратера по-прежнему оставалось 12 километров. Вот только окружающий мир стал совсем другим.

ГЛАВА 6

**И все-таки
он существует!**

Андрей Моисеенко

Перед сном выпили полбутылки спирта, обнаруженного в вещах Воробьева, — все равно пришлось разбирать его рюкзак.

Настроение было скверное. Все эти разговоры о гибели местных якутов. И странная, нелепая смерть Воробьева. Причем в тот момент, когда, казалось, до кратера было рукой подать. Вроде бы вот-вот должны были дойти до первой точки, откуда открывался вид на него. Словно какая-то незримая сила решила не пускать нас к Патомскому кратеру.

10 августа 2005 года, среда

С утра собирались нехотя и очень долго. Все признались, что ночью не очень-то и спалось. Нет, все мы были, конечно, атеисты, но... Погано было на душе, очень погано. Как знать, случайно ли Кеша решил сам сопровождать тело нашего товарища, а вместо себя отправил Ивана? Не лучше ли было нам всем убираться из этого проклятого места?

Иван сразу заявил, что не возьмет в поход к кратеру свой карабин и охотничий нож. Суть его путаного объяснения сводилась к следующему: гибель всех, кто приближался к кратеру, была как-то связана с личным оружием. Так, например, застрелился Кешин старший брат. Его тело

с разнесенным пулей черепом нашли в отдаленном зимовье. Судя по всему, он только что освежевал убитого изюбря, а потом по каким-то причинам пустил себе пулю в лоб. В свое время в тайге пропали и их отец с дедом. Находили лишь тела с огнестрельными или ножевыми ранениями.

Не знаю, связаны ли те давние происшествия с «Гнездом», но с нами, к счастью, больше ничего трагического не произошло. Мы вышли из лагеря рано утром и к 3 часам дня добрались до цели.

Сергей Язев

Нас вели молодой якут Иван и его желтовато-белая лайка. Мы шли почти налегке — только рюкзаки за спинами. Две палатки остались в лагере.

Спустя три часа добрались до стойбища. Здесь стояли зимовье и лабаз, валялись многочисленные нарты. Как и сотни лет назад, крыши были сделаны из кусков лиственничной коры. Во время перегона оленей семья Непряхиных обычно останавливалась здесь. Мы тоже решили отдохнуть.

— Долго еще до кратера? — спросил Толя, колдуя у костра.

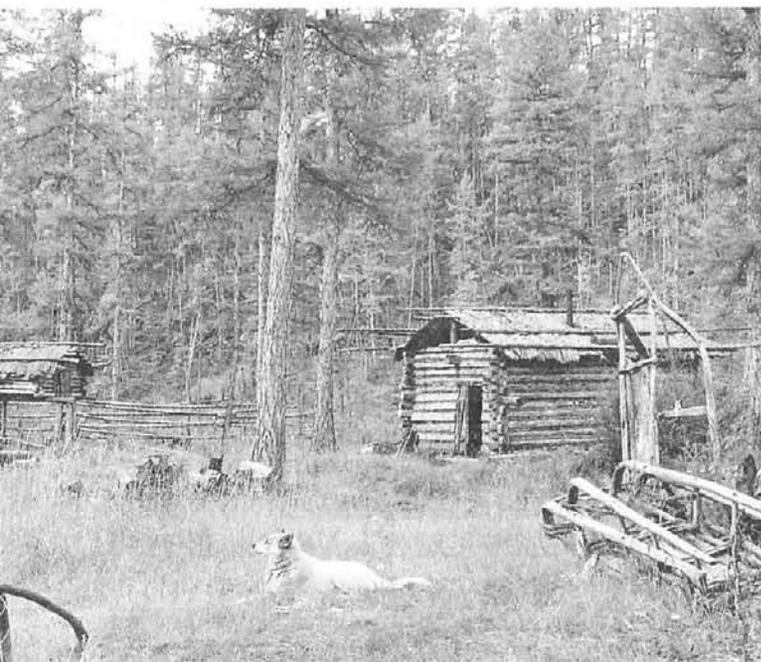
— А вот он, — ответил Иван.

Мы вскочили.

Впереди на довольно крутом склоне хорошо просматривалось странное светло-серое пятно.

— Километра два-три до него, — пояснил Иван.

Мы похлебали чаю и двинулись дальше. Перейдя речку по бревну, мы разделились: нужно было получить снимки кратера со стороны. Андрей

«База Ивана» — до кратера не больше 3 километров

и Дима полезли на соседнюю гору: оттуда кратер должен был отлично смотреться. Мы с Толей пошли за Иваном прямо к кратеру.

Андрей Моисеенко

Гора была крутая. Продираясь сквозь чапыжник, мы забрались довольно высоко, чтобы оказаться на одном уровне с кратером, но весь вид загораживали лиственницы. Мы принялись освобождать обзор, для чего пришлось срубить несколько

Патомский кратер: вид с соседней горы

деревьев. Я установил видеокамеру на штатив, увеличил картинку. По валу кратера кто-то шел — человек казался совсем крошечным на фоне серой громады.

Сразу стало понятно, чему так удивился Колпаков и почему он сравнил аномалию с египетскими пирамидами.

Патомский кратер — нечто совершенно иное, неестественное. Над ярко-зеленой тайгой возвышается мрачная беловато-серая гора с ровной, будто ножом отрезанной вершиной. Кратер доминирует над местным пейзажем и притягивает взгляд из любой точки, откуда только виден.

Сергей Язев

Сердце колотилось не только потому, что пришлось подниматься по довольно крутому склону. Когда мы наконец взобрались на вал, у нас невольно вырвалось: «Ух ты!»

В своей статье Колпаков писал, что кратер производит ошеломляющее впечатление. И это чистая правда. Казалось, перед нами предстало нечто невозможное, немислимое.

Чудовищный холм был словно кем-то обрзан.

Мы стояли на срезе — на кольцевом валу. Его диаметр составлял не меньше 80 метров. Ширина вала была разной: с одной стороны кратера — широкой, как дорога (метра четыре), и довольно плоской, с другой стороны — узкой (не шире метра); там громоздились друг на друге светлые остроугольные глыбы.

Вал имел форму правильного кольца и охватывал огромную воронку, уходившую вглубь холма. На дне воронки возвышалась округлая центральная горка, яйцеобразным куполом вздыбившаяся посередине этой удивительной конструкции. Все было так, как на рисунке Колпакова и знаменитом аэроснимке с обложки журнала «Природа». И в то же время все было совсем иначе!

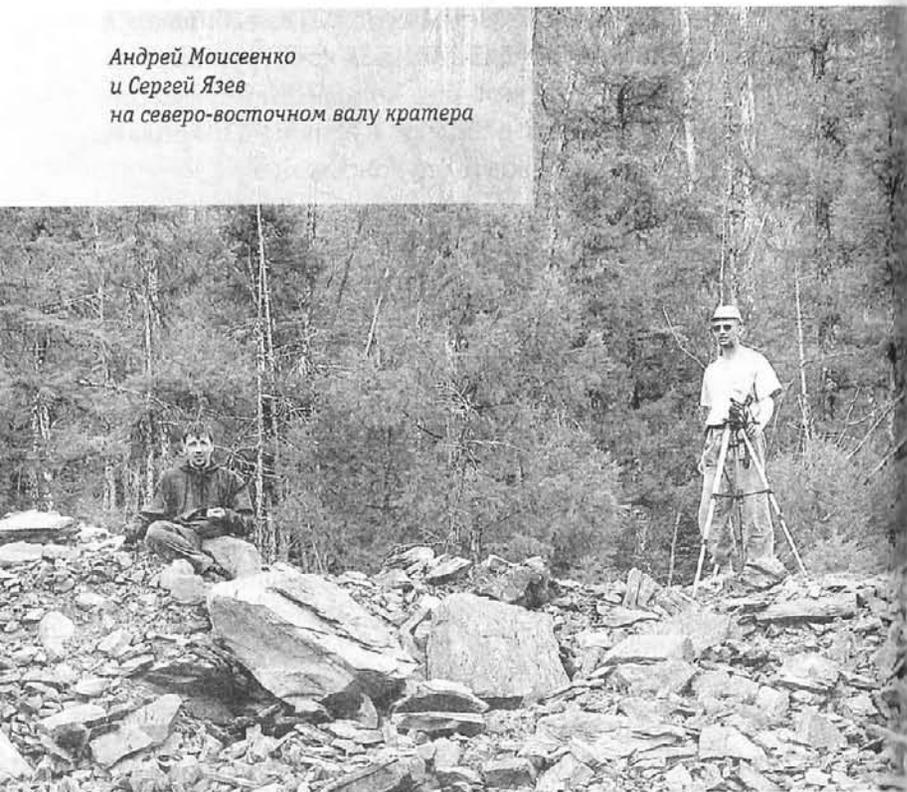
Колпаков изобразил кратер с ровным горизонтальным срезом, как будто кто-то, примерившись, одним взмахом отсек вершину, после чего середина просела, провалилась внутрь, оставив по краям высокий кольцевой вал. Но он не был горизонтальным! Он напоминал наклоненное кольцо с перепадом высот не менее пяти метров. Кольцо было наклонено в направлении склона, где располагалась самая длинная осьпь. Похоже, с этой стороны вал проседал, глыбы постепенно сползали и скатывались вниз. Кратер был жив!

Мы с Толей рассматривали диковину во все глаза. Иван сидел на противоположной стороне вала, его собака спокойно лежала рядом.

Мы начали работать. Надо было произвести измерения, взять образцы породы по инструкции Антипина, сфотографировать и снять на видео удивительный кратер. Ощущение глубокой вселенской несправедливости не отпускало: вместе с нами здесь должны были находиться специалисты-геологи — Воробьев, Антипин, Федоров.

Спустя пару часов на вал взобрались Дима и Андрей. Было видно, что они здорово устали.

*Андрей Моисеенко
и Сергей Язев
на северо-восточном валу кратера*

Андрей Моисеенко

Завершив фото- и видеосъемку, мы спустились с горы и снова полезли вверх.

Внешние стенки кратера сложены из глыб размером от нескольких сантиметров до 5–7 метров. От этого кратер издалека действительно кажется творением рук человеческих: уж слишком он геометрически правильный. И непонятно, что за сила воздвигла загадочную гору, используя в качестве стройматериалов около полумиллиона тонн камней (так оценили массу кратера мои спутники-ученые).

Представьте себе стадион «Лужники». Очень похоже. Только кратер абсолютно круглый, в центре его расположено «яйцо» — еще один круглый холм. На краю кольцевого вала в ушах свистит ветер, а спускаешься внутрь — окутывает тишина.

Интересно, что за 56 лет, прошедших с открытия кратера Колпаковым, природный (?) феномен так и не зарос деревьями, хотя в этой местности отвалы земли и скальных пород, перелопачиваемые драгами золотодобытчиков, заново покрываются лесом за 20–25 лет.

Есть и еще одна загадка: некоторые глыбы рассыпались под нашими ногами, превращаясь в мелкий песок, похожий на цемент.

Еще в Москве, собираясь в экспедицию, я рассчитывал ночь-другую провести на самой вершине Патомского кратера. Геологи планировали основательно поработать: взять пробы камней, прорыть шурфы, обмерить кратер. Возможно, в составе проб удалось бы обнаружить необычные вкрапления, как, например, произошло на известной сопке 901 на Дальнем Востоке: в обычных с виду кусках известняка исследователи нашли микроскопические вольфрамовые пружинки.

Но из-за печальных задержек в пути на исследование аномалии у нас оставалось менее суток.

Кольцевой вал был перекошен — это противоречило данным Колпакова. Может быть, наша каменная гора проседает? Это подтвердило бы версию о том, что кратер образовался сравнительно недавно — всего 100–200 лет назад. Если бы он был старше, все процессы «усушки и утряски» давно прекратились бы.

Кеша Непряхин утверждал, что его прадед Яков поселился в этих местах в 20-х годах прошлого века и кратер в те времена уже был. Значит, кратеру никак не меньше 80–85 лет. Но нужны были более точные сведения о его возрасте. С северо-восточной стороны кратера, у самой границы каменной осыпи, нам удалось найти странную лиственницу. Она росла под необычным углом к кратеру, словно выбираясь из-под каменного

завала. Создалось впечатление, будто дерево росло здесь еще до возникновения кратера, а потом под напором странной силы, образовавшей кратер, наклонилось в сторону.

Чтобы определить возраст кратера, пришлось спилить дерево. Это была самая старая лиственница в окрестностях холма.

Тем временем солнце садилось. Нужно было возвращаться. Язев и Толя Арсентьев упаковали в рюкзаки образцы камней (слагавшие центральную горку камни лежали совсем неплотно, между ними были большие воздушные промежутки) и тяжелый толстый лиственничный блин.

Мы начали спускаться — и в этот момент быстро уходящее за горы светило окрасило облака зловещим алым цветом. И если бы из-за вершины появился огромный огненный орел — никто из нас не удивился бы.

Сергей Язев

Ночевали в тот вечер в зимовье, а перед сном сидели у костра и делились впечатлениями.

Если кратеру около 100 лет, почему он до сих пор не зарос лесом? Почему острые светлые пластины известняковых глыб, как будто вчера

вытолкнутые неведомой силой из недр земли, еще не тронуты ни лишайниками, ни травой? Почему лишь редкие чахлые лиственницы угнездились на склонах мрачного холма и буквально несколько корявых деревьев торчало из глыб центральной горки?..

Наконец все улеглись.

Ночью пошел дождь, а утром мы решили, что пора выбираться отсюда: продуктов оставалось совсем мало. Дима выгреб со дна рюкзака припасенный сюрприз — сушеные ананасы, которые мы бросили в предпоследнюю порцию рисовой каши.

Обратный путь был тяжелым. Мы прошли 12 километров до устья Явальдина, свернули палатки, упаковали вещи, оставив ненужное Ивану. Он проводил нас по оленьей тропе до брода, где мы по колено в воде пересекли Хомолхо.

— Здесь начинается дорога, по которой ходят наливывы на дальние прииски, — сказал Иван. — Она идет через три перевала и выводит на трассу, соединяющую Перевоз с Векшей и Бодайбо.

Он попрощался и скрылся в лесу — налегке, даже без ножа, сопровождаемый верной собакой. Километрах в тридцати, сказал он, на соседнем притоке Хомолхо живут его родственники. Туда он и пойдет.

Судя по карте, нам тоже предстояло преодолеть около 35 километров, по пути поднимаясь на километровые гольцы. Вариантов не было — мы пошли. Ночевали в палатке на горе — было очень холодно, и мы думали, что ночью выпадет снег.

Когда к вечеру следующего дня мы вышли на трассу, у нас оставалась предпоследняя банка сайры и немного риса. Трасса была накатанной, но пустынной, попуток не наблюдалось, и мы двинулись в сторону Векши. Шли долго. Толя изрядно стер ногу, у моих кроссовок отрывались подошвы (их пришлось подвязать). Наконец попутный уазик подхватил нас и довез до Векши, где мы высадились. Вечно бухой Вова рассказал, что только сегодня мимо проезжал направлявшийся из Перевоза в Бодайбо КамАЗ с нашими товарищами и телом Евгения Ивановича Воробьева.

Здесь, в Векше, лежали кое-какие наши вещи. Мы поужинали помидорами и огурцами, которыми нас снабдил водитель попутки. Вова включил рацию и связался с бодайбинским АТП. Я надеялся, что его директор Неуймин все-таки

отправил за нами уазик, как я попросил его в записке. Но сквозь треск и шорох помех нам ответили, что никаких записок не получали и машину никто не отправлял. Оставалось только мысленно обругать водителя уазика, который, видимо, забыл передать записку своему начальнику, и ждать попуток. До Бодайбо было 200 километров.

В Векше мы прождали сутки. Вова, ворча, пожертвовал нам куриные окорочка, которые хранились в огромной кастрюле, закопанной в холодную землю.

Вечером, уже в темноте, пришла машина, которая везла тяжелобольного в Бодайбо. Мы спешно погрузились в нее. Стояла кромешная тьма, хлестал холодный дождь, шофер гнал по каменистой дороге, поднимая фонтаны воды из луж. За час до Бодайбо больной, лежавший на матрасе на полу машины, вдруг вскинулся, сел, промычал что-то несвязное и снова упал на матрас. Сестра, сидевшая в кабине рядом с шофером, остановила машину и пришла к нам, чтобы сделать укол. Но больной уже не дышал. Вторая смерть за последние несколько дней.

Мы сидели молча. Уазик нещадно трясло, дождь хлестал в ветровое стекло, свет фар прыгал по ночному лесу по сторонам дороги. Число несчастий в нашей первой патомской экспедиции становилось угрожающим.

Часа в четыре ночи мы въехали в Бодайбо. Водитель подкатил к больнице (здесь же был морг), попросил помочь занести умершего в помещение, а затем в знак благодарности подкинул нас до гостиницы.

В круглосуточном магазине Дима купил хлеба и водки. Мы сварили пельмени и мрачно поужинали (или позавтракали?). Близилось утро.

Наутро в этой же аэропортовской гостинице мы встретили Антипина и Федорова, приехавших вчера вечером, а затем все вместе купили авиабилеты на Иркутск. В Бодайбо оставался только Антипин — ему предстояло дожидаться грузового рейса, который должен был перевезти в Иркутск тело Воробьева.

Евгений Иванович Воробьев был похоронен в Иркутске 17 августа — через девять дней после его скоростной кончины вблизи Патомского кратера.

Так завершилась наша первая экспедиция.

ГЛАВА 7

Первые итоги

Инопланетный гость...

Андрей Моисеенко

После первой экспедиции ученым так и не удалось разобраться в причинах образования кратера. Однако стало ясно, что он действительно уникален: ничего подобного в мире не существует. Но откуда он взялся? По форме кратер не похож на метеоритный, а вулканов в этой местности не было уже миллионы лет. Геологи сказали, что он похож на так называемый булгуннях, или пинго, — бугор пучения, когда замерзающая подземная вода расширяется и выталкивает породу наружу. Но булгунняхы никогда не встречались на крутых склонах...

Глыбы известняка, из которых сложен кратер, рассыпаются в пыль

В статье, опубликованной осенью 2005 года, я написал, что убедительных версий у нас пока нет: по каждому предположению можно выдвинуть существенные возражения. Поэтому я попросил читателей высказать свои гипотезы. Вот что получилось.

Взрыв урана. Примерно в 600 километрах от Патомского кратера расположено крупнейшее в России месторождение урановых руд. Не могло ли получиться так, что под кратером тоже были залежи урана: началась самопроизвольная ядерная реакция, а потом произошел взрыв?

Но считается, что природная урановая руда не может взорваться произвольно. А чтобы началась цепная реакция, условия нужны чуть ли не лабораторные — особое соотношение различных изотопов урана, свободный доступ углерода и т. д. В мире известен только один такой природный ядерный реактор — урановое месторождение на юге Африки, в Габоне. Он «работает» уже два миллиона лет, и до сих пор не набралось критической массы, необходимой для самопроизвольного взрыва.

Испытания ядерного оружия. Может быть, ученые и военные провели первые секретные испытания ядерного оружия в тайге, подальше от любопытных глаз. Но, по официальным данным, первый ядерный взрыв в СССР был осуществлен

лишь 29 августа 1949 года под Семипалатинском. Там был сооружен отличный полигон, оборудованный всевозможными научными приборами. Какой смысл было везти ядерный заряд в глухой таежный район на границе с Якутией? Кроме того, чудо-машины, такие как вертолеты, вездеходы и бульдозеры, не могли остаться незамеченными.

Уничтожение запасов устаревшего оружия, оставшегося со времен Великой Отечественной. Эта версия также не проходит, так как раньше не существовало возможности доставлять в те края тяжелые грузы.

Удар молнии. Специалисты отвергли и данный вариант: максимальная мощность молний на Земле — 200 миллионов киловатт, а этого недостаточно, чтобы поднять на поверхность миллион тонн камней, из которых состоит видимая часть Патомского кратера. К тому же молния не могла пробить в известняковой сопке канал глубиной в сотню метров, откуда камни выдавило бы на поверхность. Если причиной образования кратера и стала молния, то молния аномальная, каких пока никто не наблюдал.

Взрыв метана или других природных горючих ископаемых. Просто так взрыв произойти не может. Гипотетическое месторождение необходимо было чем-то «расшевелить». Опять возвращаемся к версии с метеоритом.

Тут и впрямь поверишь, что в возведении кратера поучаствовали какие-нибудь мифические существа наподобие гипербореев с лемурийцами.

Артефакт по прозвищу «холодильник»: таинственная сила вытолкнула из недр земли почти правильный куб из известняка

Есть другие версии?..

Тем временем подоспели результаты исследований. Первыми откликнулись специалисты Института проблем механики (ИПМ) РАН. Проведя

ряд экспериментов, они доказали, что причиной аномалии вполне могло стать тело, упавшее с неба. Но не метеорит. При такой скорости падения никакая каменная либо железная глыба не могла уцелеть после соприкосновения с грунтом — ее бы просто разнесло в пыль. Похоже, если тут и произошло падение, то упал некий сверхпрочный объект.

— Еще с советских времен наша лаборатория работала над оценкой глубины проникания в грунт жестких тел, летящих с большими скоростями. Делалось это по заказу военных, которых интересовало поведение головок баллистических ракет при ударе о поверхность, — рассказывал Игорь Валентинович Симонов¹. — Поэтому, получив снимки и все размеры необычного Патомского кратера, мы решили с помощью своих наработок проверить, мог ли он образоваться от падения какого-либо тела.

Результатом работы Симонова и его коллег стала сенсационная научная статья «Математическое и экспериментальное моделирование образования уникального Патомского кратера».

— Мы создали модель, исходя из двух предположений, — пояснил Игорь Валентинович. — Произошел удар по сопке высокоплотным и прочным

¹ И. В. Симонов — доктор физико-математических наук, заведующий лабораторией волновой динамики ИПМ РАН.

телом цилиндрической формы (именно цилиндрической, поскольку шарообразный объект не смог бы проникнуть столь далеко в недра), вследствие чего на поверхность вытолкнуло огромное количество породы. На определенной глубине наш объект остановился, дойдя до подземной полости, заполненной газом под большим давлением, — о существовании таких линз геологам известно. Газ, как поршень, медленно вытолкнул перемолотую нашим объектом породу на поверхность.

— Мы создали математическую модель, — продолжил ученый. — И расчеты подтвердили реальность наших предположений. Более того, в лаборатории мы даже поставили два эксперимента, в которых вместо известняковых пород Патомского кратера использовали речной песок и гранитную крошку. В обоих случаях форма и размеры полученных кратеров почти идеально соответствовали пропорциям кратера натурального.

— Но что это за загадочный «цилиндрический объект»?

— Понятия не имею. Я механик и не могу компетентно рассуждать о природе этого тела. Но поскольку Патомский кратер — феномен уникальный, логично предположить, что и объект, ставший причиной его образования, тоже возник вследствие каких-то исключительных

причин. Впрочем, сам факт образования где-то во Вселенной или даже в пределах Солнечной системы такого тела не вызывает особых противоречий в науке.

— Можете ли вы назвать размеры объекта?

— По нашим расчетам, его приблизительная длина — 6–16 метров, диаметр основания цилиндра — около трех метров. Точнее сказать не могу, поскольку неизвестна скорость, с которой он врезался в склон сопки.

— Объект остался цел? Или все-таки взорвался?

— Взрыва не было: об этом свидетельствует форма кратера. Куски породы не хаотично разбросаны на огромной территории, а аккуратно, вероятно, очень медленно, выдавлены из недр.

— На какую глубину объект вошел в сопку?

— На 100–300 метров. Повторю, что мы не знаем скорость в момент столкновения и можем давать только приблизительные оценки.

Не давал покоя еще один вариант. Эту версию; выдвинутую когда-то геологом Портновым, вполне допускал и Колпаков.

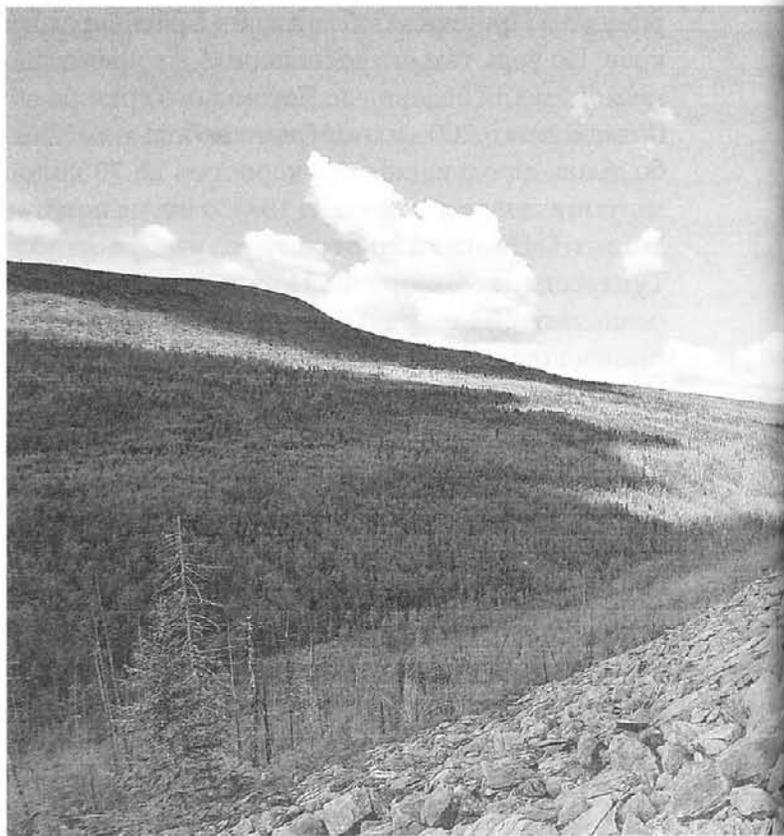
Может ли Патомский кратер представлять собой след падения Тунгусского метеорита? В экспедиции я задал этот вопрос профессору Антипину, но он уклонился от ответа. Я давно заметил, что серьезные ученые не любят публично рассуждать о Тунгусском метеорите: слишком много легенд и баек накручено вокруг этой истории.

Однако, на мой взгляд, все выглядело очень логично. Пусть Тунгусский метеорит, как считается, упал не в Иркутской области, а в Красноярском крае. Но ведь там его не нашли! А от предполагаемого места падения до Патомского кратера по прямой всего 700 километров с небольшим. Для болидов, движущихся со скоростью до 70 километров в секунду, это всего 10–15 секунд полета. Может, Патомский кратер как раз и есть воронка Тунгусского метеорита? По времени тоже все совпадает. ЧП на речке Подкаменная Тунгуска произошло в 1908 году — сто два года назад. И это совпадает с оценкой возраста Патомского кратера, сделанной геологами нашей экспедиции. Неужели нашелся родимый? Сергей Язев, кстати, рассказал, что, когда он показал фильм о нашей первой экспедиции известному российскому планетологу Леониду Ксанфомалити, тот сразу отметил: на кольцевом валу знаменитого Аризонского метеоритного кратера в США точно такие же глыбы — острые, торчащие вверх.

Туман рассеивается

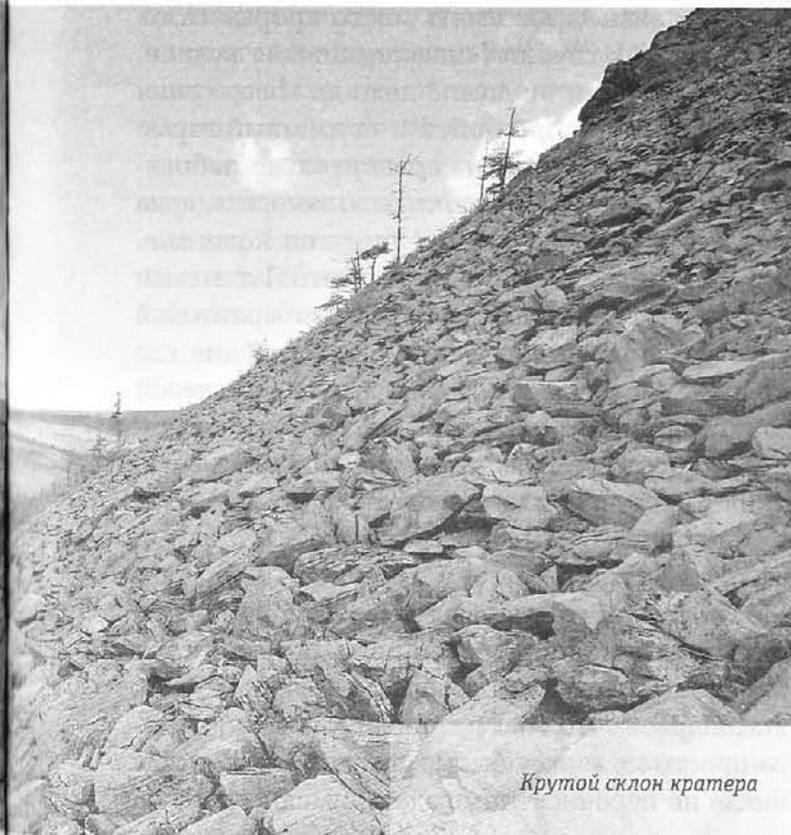
Сергей Язев

У себя в Иркутске мы с интересом читали статьи Андрея Моисеенко, публиковавшиеся в «Комсомольской правде», а также подборку всевозможных версий, выдвинутых читателями газеты.

Было ясно, однако, что основных версий может быть две:

- экзогенная — кратер возник в результате воздействия снаружи;
- эндогенная — кратер соорудили внутренние силы, действующие в глубинах Земли.

Крутой склон кратера

Обе версии, в свою очередь, могли разбиваться на множество частных гипотез. Например, экзогенная версия могла учитывать самые разные варианты, включая падение уникального метеорита, инопланетного корабля, столкновение Земли с микроскопической черной дырой или осколком сверхплотного вещества, из которого состоят, например, нейтронные звезды.

Эндогенная версия также была неоднозначной. Действительно, мог иметь место прорыв газов с мантийных глубин («недоделанный» вулкан, в котором так и не дошло дело до извержения магмы). Но мог произойти и подземный взрыв водорода или метана на сравнительно небольшой глубине. Могла вспучиться, замерзая, вода в подземной линзе, как предполагал Колпаков. В конце концов, могло оказаться, что Патомский кратер — это навершие молодой кимберлитовой трубки, зародившейся на громадной глубине, где под воздействием огромного давления углерод мог превратиться в алмазы... Эту гипотезу выдвинул у костра, наполовину в шутку, Дима Семенов, и, насколько я понимаю, она тоже может войти в список возможных объяснений.

Моя надежда, что, увидев Патомский кратер, мы сразу поймем, с чем имеем дело, рухнула в тот же момент, когда мы взобрались на кольцевой вал. Первое, что тогда пришло в голову: «Этого просто не может быть!» Все гипотезы, в том числе не перечисленные здесь, имели право на

существование, но ни одна не была достаточно убедительна.

Я, как профессиональный астроном, весьма скептически относился (и отношусь!) к идее о посещениях Земли инопланетянами: астрономы, как никто другой, знают, насколько велики межпланетные, а тем более межзвездные расстояния. На то, чтобы преодолеть их, требуются десятки и сотни тысяч лет. Поэтому, в отличие от Андрея, гипотезу об инопланетных кораблях я никогда не принимал всерьез. Но на прямой вопрос: «Можете ли вы на сто процентов исключить гипотезу об инопланетянах?» — я вынужден дать прямой ответ: «Нет». Пусть эта вероятность составляет доли процента, все же она не равна нулю. Когда мы имеем дело с уникальным объектом, весь прежний опыт может оказаться неприменимым.

Во время экспедиции мы впервые провели качественную фото- и видеосъемку Патомского кратера и определили его точные координаты. Впервые за последние сорок лет мы измерили габариты кратера. Мы доставили профессиональным геохимикам образцы породы. Кроме того, мы спилили самое старое дерево у подножия кратера, что позволило уточнить возраст объекта. Уже в Иркутске мы вручили спил доктору биологических наук Виктору Воронину, и он сказал, когда образовалась наша аномалия.

— На вашем спиле удалось насчитать более 450 годичных колец! При этом не видно следов никаких особенных событий. Ясно, что если бы рядом с уже растущим деревом вдруг вспучился гигантский холм, это отразилось бы на приросте древесины. Но ничего такого не видно. Значит, кратер возник до появления дерева и ему должно быть не менее пятисот лет. Кстати говоря, на годичном кольце 1908 года, когда упал Тунгусский метеорит, тоже нет особенностей. Все здесь было спокойно.

Я написал о заключении Воронина Колпакову и Андрею Моисеенко — оба не обрадовались. Гипотеза Портнова с треском рухнула: кратер оказался гораздо старше Тунгусского метеорита. Одной версией стало меньше. Но что делать — истина дороже сенсаций.

Андрей Моисеенко

Увы, красивая версия с Тунгусским метеоритом блистательно провалилась. Если Патомский кратер действительно образовался в результате падения космического тела — то какого-то другого, еще в XV–XVII веках, если не раньше. Но тогда «огненного орла» вполне мог никто и не заметить. В те времена эта территория уже принадлежала Российской империи, но люди тут не жили. Активно осваивать Бодайбинский

район начали много позже, когда здесь нашли первое золотышко.

Патомский кратер между тем стал еще таинственнее. Лежащая на поверхности гипотеза опровергнута. Но что же все-таки породило загадочный объект?

Пора вновь собираться в дорогу.

Сергей Язев

Благодаря публикациям Андрея о Патомском кратере узнал весь мир. Но никаких дополнительных данных, которые помогли бы окончательно ответить на вопрос о том, как образовался феномен, мы не получили.

Это означало, что нужно было возвращаться к кратеру — возвращаться с приборами, со специалистами, с новой программой исследований. Андрей совершенно прав: пора было собираться в дорогу.

Видимость — ноль

Андрей Моисеенко

Вторая экспедиция не состоялась бы в полном объеме, если бы не интерес главного редактора «Комсомольской правды» Владимира Николаевича Сунгоркина. Сам он, выходец с Дальнего Востока, долгое время проработал собкором одной центральной газеты на строительстве БАМа и прекрасно знает многие районы Восточной Сибири. Однако ни о чем, подобном Патомскому кратеру, он даже не слышал.

— Ну что, Моисеенко, собирайся-ка ты на следующий год опять к кратеру. Надо бы до конца разобраться. Бери ученых — и вперед, — заявил как-то Владимир Николаевич, прочитав в газете материал о наших похождениях.

Я почесал в затылке. Честно говоря, не очень хотелось снова мокнуть на самодельном плоту и с тяжеленным рюкзаком ломиться сквозь кедрач. Много приборов туда не дотащишь, а значит, толку от трудов наших праведных будет маловато. Да еще смутила фраза: «Бери ученых». Будто я помещик-крепостник и у меня под рукой всегда имеется пара-тройка научно-исследовательских институтов с подневольными профессорами и академиками. Ученых еще и заинтересовать надо. Хотя предложение звучало заманчиво.

— Владимир Николаевич, авторитетные специалисты — люди хоть и увлекающиеся, но в большинстве привыкшие к мало-мальскому комфорту. Не думаю, что найдутся еще авантюристы, желающие сплавляться на самодельных плотках и дырявых лодках, а потом несколько суток топтать по тайге. Да и про смерть Воробьева «на тропе» многие знают.

Тут призадумался уже Сунгоркин:

— А как еще можно добраться до кратера?

— Вертолетом из Бодайбо — примерно полтора часа лету. Но, думаю, это обойдется в копеечку.

Наш главный редактор (наверное, как и все главреды) лишних трат не любит. Но его энтузиазм был настолько велик, что и это его не смутило. Разглядывая принесенные мной снимки кратера, он недовольно произнес:

— Такое открытие намечается, а ты о деньгах думаешь. Эх, люди. Сенсация же может получиться! Надо вертолет — найди. Полет оплатит «КП». А уж добровольцев с научными степенями, будь добр, ищи сам. И если потом не объяснишь мне, откуда взялся Патомский кратер, можешь оставаться в тайге со своими друзьями — якутами Непряхиными. Будешь их детей грамоте учить. На лодке ворованной плавать.

Сергей Язев

То, что надо возвращаться к кратеру, было ясно. Антишин дал слово, что геохимики туда отправятся — хотя бы в память о Воробьеве. Он рассчитывал на грант Сибирского отделения РАН, которого хватило бы только на авиабилеты до Бодайбо, продукты и аренду автотранспорта для троих человек. Вырисовывался план — от Бодайбо ехать на вездеходе до брода на Хомолхо. Но оттуда до кратера оставалось 17 километров, и, значит, взять большой груз было невозможно.

Возможности предстоящей экспедиции выглядели весьма ограниченными: опытные геологи вынесли бы несколько десятков килограммов образцов — и на этом исследования закончились бы. Что касается меня, то я не собирался ехать, хотя, честно говоря, очень хотелось: северные места притягивали к себе как магнит. Но в астрономической обсерватории было море работы: мы как раз готовились к переходу на новую тематику. А кратер, отношение которого к астрономии оставалось сомнительным, в тематический план штатных исследований не вписывался.

Было понятно (по крайней мере, мне), что без вертолета серьезную исследовательскую программу не выполнить. Но вертолет — удовольствие дорогое! Ближайший вертолет Ми-6 базировался в Бодайбо — примерно в полутора часах

лета от кратера. А час полета стоил в 2006 году около 45 тысяч рублей. Один полет (три часа) — 135 тысяч. А ведь надо было не только попасть к кратеру, но и вернуться. Таким образом, второй полет — еще 135 тысяч. 270 тысяч — деньги шлевые для олигарха или крупного менеджера, но довольно значительные для людей науки. Таких денег на изучение Патомского кратера у нас не было.

И вот когда бесконечные споры о вертолете, деньгах, спонсорах безнадежно зашли в тупик и я уже решил было, что к кратеру поедет группа Антишина, а я в эти игры больше не играю, раздался телефонный звонок.

— Товарищи ученые, чините свои амперметры, чтобы к отлету были готовы! — сказал Андрей. — Сунгоркин принял решение: «Комсомольская правда» организует экспедицию на наш кратер. Будет вертолет.

В ту же секунду мне стало ясно, что я снова еду. Жертвовать рабочим временем нельзя — значит, придется потратить на экспедицию отпуск.

Итак, если доставка на место будет организована, можно брать с собой аппаратуру. Кроме того, можно взять специалистов — тех, которые готовы исследовать кратер, но вряд ли дойдут до него пешком. Причем специалисты потребуются разного профиля.

Оставалась одна проблема: нужны были люди, согласившиеся бы работать бесплатно. Нанимать сотрудников какой-нибудь геологической компании было не на что. «Комсомольская правда» была готова обеспечить исследователей вертолетом и продуктами, но не зарплатой. Кроме того, на данном этапе необходимы были энтузиасты.

И такие люди в Иркутске нашлись. Это Александр Георгиевич Дмитриев¹ и его сын Алексей. Дмитриев, узнав о кратере, тут же сказал: «Едем!» Он обещал провести радиационную и магнитную съемку кратера.

Я бросился звонить геохимикам. Ажиотаж был полный. Воодушевившись, мы начали готовиться к экспедиции. Все шло отлично. Жаль только, Андрей сразу не сообщил, что вертолет-то будет, но лишь в одну сторону...

Андрей Моисеенко

Команда сформирована — к нам даже присоединилась съемочная группа одного центрального телеканала. Сроки поездки определены. Но в последний момент экспедиция чуть не сорвалась. Казалось бы, нет ничего проще, чем в славном

Бодайбо — столице золотопромышленников, довольно крупном населенном пункте — найти вертолет. Ведь в тайге это основной транспорт, наряду с вездеходом. Увы, так было лишь в советские времена.

— Вертолет? — удивленно протянул начальник бодайбинского аэропорта, когда я дозвонился до него из Москвы. — Нет. Нету. Ни за какие деньги. Рад бы помочь, но не могу.

— Да как же вы без вертолетов в тайге живете?! А если срочно понадобится вывезти больного из какого-нибудь медвежьего угла? А заблудившихся искать?

— Так и живем. Раньше было восемь машин. А сейчас — ни одной. Остались только проржавевшие корпуса. На их обслуживание средства не выделяются. Да и пилоты давно разбежались. Три раза в неделю из Иркутска прилетает Ан-24, а в остальные дни в аэропорту выходной. В общем, видимость — ноль. Так что полет ваш не состоится.

¹ А. Г. Дмитриев — заведующий кафедрой геофизики Иркутского технического университета, профессор.

ГЛАВА 8

Возвращение к «Гнезду Огненного Орла»: вторая экспедиция

Куда исчезли якуты?

Андрей Моисеенко

Все насмарку. Срывались летние планы у 12 человек: девяти ученых и троих журналистов, включая меня. Срывалась сенсация, на которую так рассчитывал главный редактор «Комсомолки». Но духи «гиблого места» под названием Патомский кратер, видимо, все-таки скучали в своей глуши, и им хотелось поразвлечься с пришлыми чужаками вроде нас. Продолжавшиеся несколько дней непрерывные звонки в самые разные места: аэропорты Иркутской области и Якутии, местные отделения МЧС, Минздрава, МВД, а также крупным предпринимателям — наконец увенчались успехом. К счастью, некая фирма собиралась перегонять вертолет из Бурятии в Республику Саха (Якутию), а одна из дозаправок планировалась в Бодайбо. Руководители компании были не прочь подзаработать в пути: это снижало их собственные расходы на перелет. Сумму с нас затребовали немалую, но Владимир Сунгоркин сдержал слово и, хмураясь, подписал платежку.

Правда, денег хватало, чтобы оплатить полет только в одну сторону.

— Как назад выбираться, думай сам, — сказал главный редактор. — Один раз ведь уже выбрались.

Сутки мы провели в гостеприимном доме Павла Петровича Быкова, расположенном на берегу Витима в пригороде Бодайбо, а в назначенный срок загрузили продукты и научное оборудование в старенький вертолет Ми-8Т.

У вертолета

Странное дело: когда мы показали фотографии Патомского кратера авиадиспетчеру, который должен был отвечать за наш полет, он недоуменно почесал в затылке:

— Столько лет здесь летаем, а кратера никто не видел.

Откуда такая «слепота», непонятно.

Мы летели уже где-то час двадцать, когда из «вертушки» открылся потрясающий вид на Патомский кратер — в ясную погоду он заметен издалека.

Здравствуй, старый друг! Сразу становится понятно, почему якуты сравнивают его с орлиным гнездом. С километровой высоты кратер действительно выглядит как гнездо — огромное, в центре которого лежит каменное яйцо метров сорока в диаметре.

Патомский кратер с высоты орлиного полета

Сергей Язев

Все, кто был на борту вертолета, прикинули к иллюминаторам. Щелкали фотоаппараты, работали три видеокамеры. По нашей просьбе пилоты специально сделали два круга над кратером. Мы, не отрываясь, вглядывались в огромный серый холм правильной геометрической формы, рядом с которым десятиметровые лиственницы смотрелись как травинки. И снова поражало положение кратера: не на вершине или в долине — а на ровном и довольно крутом склоне сопки, как будто неожиданно вздулся гигантский прыщ, раздвинув шерсть леса.

А потом были посадка и стремительное десантирование: винт вертолета бешено вращался, низенькие лиственницы гнулись до земли, а мы, пригибаясь, бросали в глубокий мох ящики и рюкзаки.

Лагерь разбили на «базе Ивана», в двух километрах от кратера. Поставили палатки. Вечером у костра два наших профессора — Виктор Антипин, несмотря на множество трудностей и потерю друга, добравшийся наконец до цели, и Александр Дмитриев, доставивший геофизическую аппаратуру, — долго дискутировали о возможном происхождении кратера. Потрескивал огонь, взлетали искры, и в темноте не был виден мрачный холм, великолепно просматривавшийся из лагеря при дневном свете. А главные

помощники наших главных специалистов — их сыновья Максим Антипин и Алексей Дмитриев, — прихлебывая обжигающий чай, внимательно слушали спор своих ученых отцов.

На следующий день вся команда была на объекте.

Пешком на работу. От лагеря до кратера — час ходьбы

Андрей Моисеенко

Первым делом ученые расчехлили радиометр. Радиационный фон на месте нашего лагеря оказался не выше 11 микрорентген в час. Для

человека это абсолютно безопасно — даже меньше, чем во многих российских городах. Например, в ближайшем к кратеру городе Бодайбо средний радиационный фон — 18 микрорентген в час, а в Москве — 15.

Однако новые загадки не замедлили появиться.

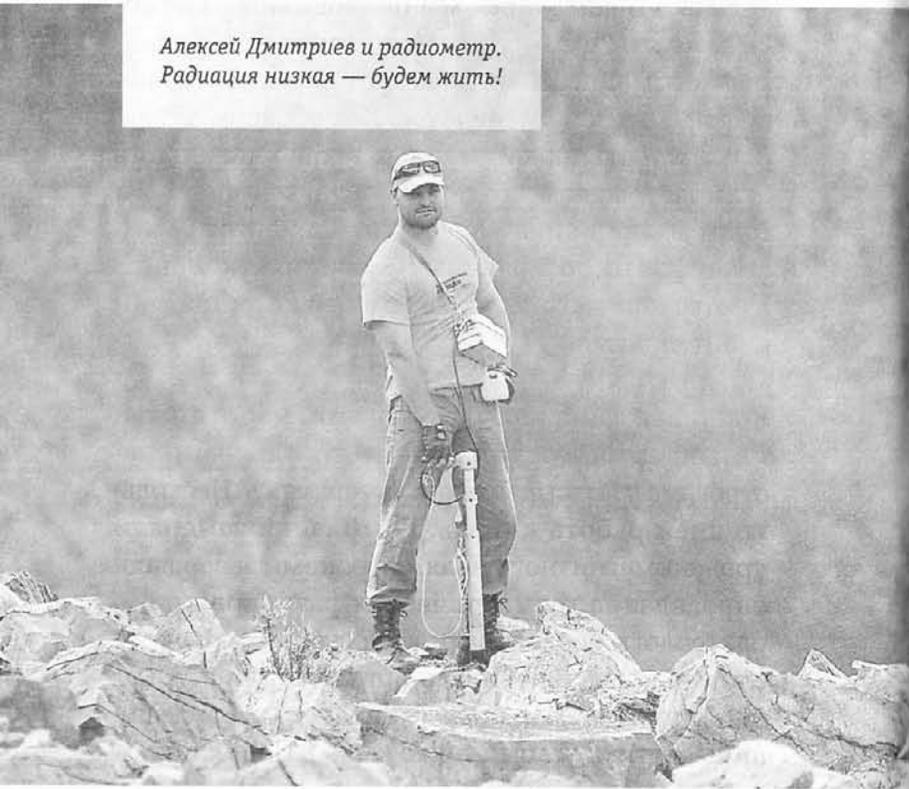
Загадка первая. На следующее утро, когда мы отправились к кратеру, специалисты проводили измерения через каждые 100 метров. Удивительно, но чем ближе мы подходили к «Гнезду Огненного Орла», тем ниже становился радиационный фон. А на самом кратере он составлял всего 5 микрорентген в час. Как объяснить этот факт, ученые пока не знают. Стало ясно одно: если Патомский кратер и считается «дурным местом», причина вовсе не в радиации. А это значит, что об урановых рудах или ядерном взрыве и речи быть не может — еще одной версией меньше.

Как только выяснилось, что в этом месте можно «жить и работать» без риска для здоровья, настроение у всех мгновенно улучшилось. Несколько дней работа кипела. Геофизики замеряли уровень магнитного поля, астрономы завершали определение геометрических размеров кратера, геологи обследовали вещество, из которого сложен холм, и отбирали образцы пород. А вот нам, журналистам, стало скучновато, и мы решили навестить старых знакомых — Непряхиных.

От нашего лагеря до их избы — полдня пешим ходом.

Сначала мы надеялись, что якуты, услышав вертолет, сами наведуются в гости, ведь в избе постоянно кто-то живет: если мужчины и могут надолго уходить в тайгу на охоту или чтобы перегнать оленей, то женщины остаются на месте. Но гостей мы не дождались, поэтому, нагрузившись гостинцами: одеждой и сигаретами для

*Алексей Дмитриев и радиометр.
Радиация низкая — будем жить!*

взрослых, сладостями и книжками для детей, а также фотографиями, сделанными в прошлом году, отправились к ним сами.

Загадка вторая. Неприятный сюрприз: изба оказалась покинута. Вокруг дома валялись самодельные детские игрушки: деревянные машинки и тряпичные безглазые куклы, внутри на столе стояла посуда, лежал пакет со спичками. Рядом с домом кто-то заготавливал дрова, но

*Под флагом «Комсомольской правды».
Экспедиция-2006 на центральной горке
Патомского феномена*

поленница осталась недоложенной: топор торчал в полене. Еще один остро наточенный топор лежал в избе возле двери.

А вот зола в очаге оказалась холодной. На заднем дворе, возле оленьего загона, там, где якуты возделывали огородик размером два на пять метров, виднелась грядка с морковкой, уже поросшая сорняками. Правда, не будучи специалистом, сложно оценить, сколько времени огород не пропалывали.

Куда делись люди — непонятно. Можно предположить, что какая-то нужда заставила их срочно покинуть дом. Но топоры, которые в тайге во многих случаях гораздо полезнее огнестрель-

Максим Антипин готовится к съемкам кратера с горы Джебалдо

ного оружия, просто так не бросают. Прямо мистика какая-то.

Телевизионщики заинтересовались бытом отшельников-якутов и принялись снимать избу изнутри. Грубо сколоченный стол, топчаны... Показав на висевшие над входной дверью амулеты: поделки из перьев, засушенные птичьи головы, — оператор шутливо спросил: «Это что за утконос?» Через пару секунд в воздухе запахло паленым и камера выключилась. Досадное происшествие, ведь запасной у ребят не было. Но стоило нам вернуться в лагерь, и камера заработала как ни в чем не бывало.

Еще одно случайное совпадение?

Сергей Язев

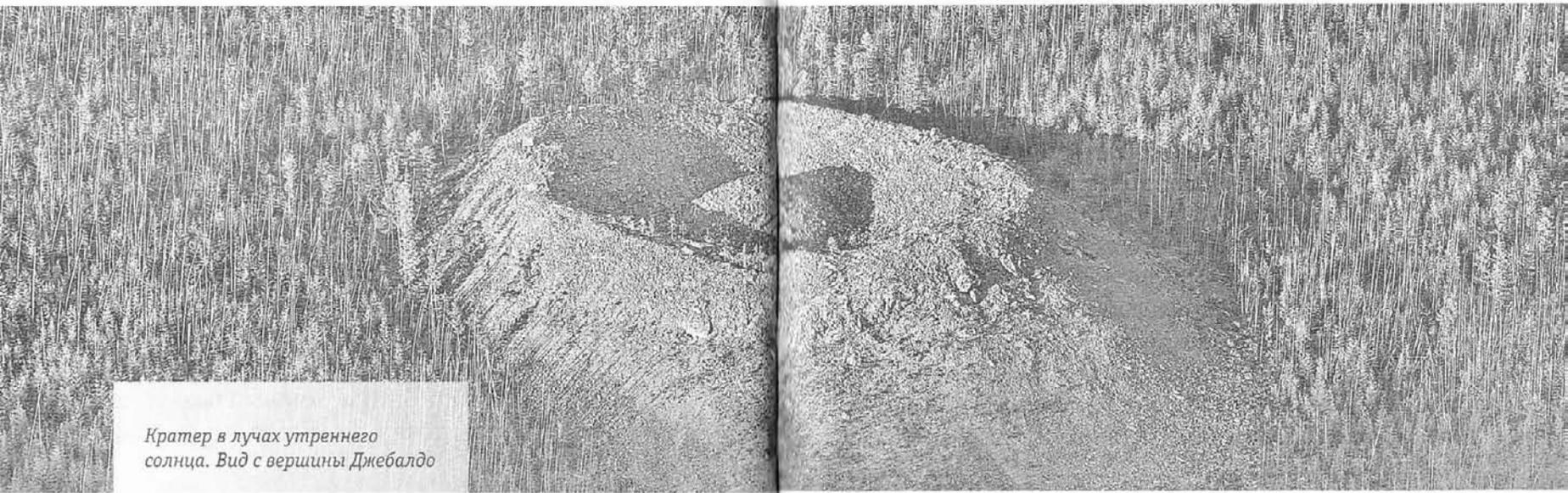
Исчезновение якутов и поломка профессиональной видеокамеры «Бетакам» произвели на Андрея, да и на телевизионщиков, сильное впечатление. Все это и впрямь выглядело странным, но я привык всегда находить самые простые объяснения. Например, якуты отправились за водкой и макаронами в ближайший поселок или, испугавшись чужаков, ушли в лес и оттуда наблюдали за нашими журналистами. Впрочем, фантазировать можно сколько угодно, а что случилось на самом деле, до сих пор неизвестно.

Что же касается поломки, а затем чудесного «исцеления» видеокамеры — все так и было. И объяснить этот факт я не могу. Впрочем, я не специалист по видеотехнике, может, там какой-нибудь контакт отвалился. А потом встал на место. Не знаю.

Я же к загадкам кратера, о которых рассказал Андрей, могу добавить еще одну. Антипин, опытный геохимик, подметил, что кольцевой вал кратера оказался двойным, причем возраст у колец разный! Внешний вал — явно молодой: светлые острые глыбы торчат в небо, на них нет ни малейших следов лишайников или травы. Внутренний вал — постарше: камни лежат плотнее, кое-где виднеется травка, да и черные

лишайники уже давно облюбовали это место. Центральная горка наверняка моложе всего: здесь ширина промежутков между камнями не меньше, чем сами камни, а трава и лишайники отсутствуют.

Что же все это значит? Неужели конус формировался за несколько этапов? Как будто в недрах земли под кратером что-то несколько раз начинало шевелиться, выпучивая наружу новые порции лопнувшего от напряжения известняка. Или действительно судорожно вздрагивал вулкан, готовясь извергнуть очередной снап раскаленного газа? Или, как предполагал Андрей, срабатывали исполинские механизмы внутри межзвездного корабля, лежащего глубоко под холмом?

Кратер в лучах утреннего солнца. Вид с вершины Джебалдо

Кто под кратером живет?

Андрей Моисеенко

— Всерьез теперь можно рассматривать только две версии: вулканическую и метеоритную, — заявил за ужином Виктор Антипин. — Но проблема в том, что никакого метеоритного вещества мы на кратере пока не обнаружили, а вулканов, даже потухших, нет в округе чуть ли не на тысячу километров; район считается абсолютно не вулканическим. А кратер действительно «свежий»: породы на внешнем кольцевом валу даже не успели обветриться и зарости мхом. Я оцениваю его возраст не больше чем в 500 лет. Похоже, это все-таки вулкан, правда, «недоделанный». Газовая продувка из недр вспучила земную кору, но до извержения дело так и не дошло.

Дима Семенов подбросил в костер лиственничных веток, и свет костра выхватил из темноты фигуру Александра Дмитриева, который изрядно опоздал к ужину, поскольку последние пару часов колдовал на пеньке с ноутбуком.

На магнитное обследование кратера ушел целый день. Через каждые 10 метров — замер, потом — запись, замер — запись и т. д. Центральная горка, ров, внешний конус; вниз по насыпи, вдоль, поперек... Более нудную работу трудно себе представить — я прочувствовал это в полной

мере, когда помогал геофизикам проводить измерения: носил прибор и таскал провода. Тем приятнее было услышать, как Дмитриев-старший огласил свои результаты, ставившие вулканическую версию под сомнение.

— Магнитная съемка с протонным магнитометром — самый простой и быстрый способ определения железорудных месторождений, — сказал Дмитриев, прихлебывая чай. — Если под землей имеются залежи, например, железа или других ферромагнетиков, то напряженность магнитного поля резко повышается. Очень удачно, что Патомский кратер стоит в районе, где практически нет железных руд. И если магнитное поле на кратере будет выше, чем в его окрестностях, то, значит, под ним действительно лежит нечто с повышенным содержанием железа или, скажем, титана.

— И что у вас сегодня получилось? — спросил Толя Арсентьев.

— Уж я не знаю, метеорит это или космический корабль, но определенно под кратером что-то есть. Нечто с аномально высоким для этих мест содержанием железа или других ферромагнетиков.

Обработка данных магнитометрии показала, что лежит это «нечто» на глубине 100–150 метров. И меняет магнитное поле настолько, что

приборы чувствуют изменения на территории, в два раза превышающей размеры кратера.

— Мне все-таки кажется, что Колпаков был прав и мы имеем дело с метеоритом, — заключил Александр Георгиевич. — Но с метеоритом странным, который не взорвался от удара о землю, а, как бур, ушел глубоко внутрь. Впрочем, подобных метеоритов еще никто никогда не видел, поэтому от вулканической версии отказываться пока рано.

— Мне, как астроному, конечно, ближе метеоритная версия. По крайней мере, хотелось бы, чтобы она оправдалась! — старательно чистя хариусов, пойманных в ручье со странным названием Эксёкюллях, заявил координатор нашей экспедиции Сергей Язев. — Однако метеорит этот действительно непростой. Проникнуть в землю так глубоко могло только сверхпрочное тело. На нашей планете таких материалов не существует — ни природных, ни сделанных руками человека. Версия, на первый взгляд, фантастическая, но речь идет об осколке нейтронной звезды, плотность которой равняется миллиардам килограммов на кубический сантиметр. Астрофизики уже давно знают о подобных объектах. Возможно, кусочек звезды и столкнулся с нашей Землей. Вспомните об эксперименте профессора Симонова из Института проблем механики, как раз подтверждающем эту версию. Я не утверждаю, что так оно и было, — закончил

Язев. — Более того, понимаю, насколько это маловероятно. Но такую гипотезу тоже можно иметь в виду. Если не сработают более простые гипотезы...

Если развивать эту гипотезу дальше, то к визитам «гостей из космоса» можно привязать и вулканическую версию. Сейчас астрономы подозревают, что во Вселенной существуют звезды, более плотные, чем нейтронные, — кварковые. Если кусочек такой звезды с большой скоростью врезался в Землю где-нибудь в районе Тихого океана, у берегов Чили, то он вполне мог прошить планету насквозь и вылететь наружу как раз в Бодайбинском районе Иркутской области. По каналу, пробитому им в Земле, к поверхности пошла магма, которую сквозь известняки и почувствовал магнитометр. В этом случае кратер, аналогичный Патомскому, должен существовать на дне Тихого океана.

Эта версия только на первый взгляд кажется слишком фантастической. Похоже, такие «космические пришельцы» уже посещали Землю, и не так давно. Например, имеющиеся данные позволяют предположить, что два подобных «метеорита», правда, гораздо меньших размеров, чем в случае с Патомским кратером, прошли через нашу планету в 1993 году.

22 октября 1993 года сейсмостанции Индии, Австралии, Боливии и Турции зафиксировали очень необычное землетрясение силой 4 балла. Очагом его была не точка, а линия, насквозь пронизывающая земной шар. Землетрясение началось на одном из островов у берегов Антарктиды, «ушло» вглубь земли и через 26 секунд вышло в районе Индии.

Через месяц, 24 ноября, произошло второе аналогичное ЧП. Землетрясение сначала зафиксировали вблизи Австралии, потом оно «ушло» под землю и выскочило на поверхность у берегов Антарктиды в Тихом океане.

У ученых есть только одно объяснение произошедшему: Земля подверглась бомбардировке кварковыми, то есть суперплотными, мини-метеоритами. Объекты размером с пылинку, но массой с легковой автомобиль (а может быть, и больше — кто знает) на скорости несколько сотен километров в секунду легко пронзили нашу планету, оказавшуюся на пути. К счастью, все произошло в необитаемых районах. А пробираясь сквозь земную толщу, эти метеориты создавали сейсмозомущение, которое и фиксировали научные станции, призванные отслеживать землетрясения.

Первым версию о том, что во Вселенной существуют кварковые метеориты, которые порой могут сталкиваться с Землей, еще в 1984 году выдвинул

американский физик, лауреат Нобелевской премии Шелдон Ли Глэшоу. И через девять лет они впервые были обнаружены. Сложно сказать, что произойдет, если такой мини-метеорит попадет в человека или, например, в летящий самолет. Радует лишь то, что они падают на Землю намного реже, чем обычные метеориты.

Сергей Язев

Мистическое совпадение: о существовании кварковых метеоритов я впервые прочитал в журнале «В мире науки», когда ехал на встречу с первооткрывателем кратера Вадимом Колпаковым. Даже мысль мелькнула, что место входа сверхплотного метеорита в Землю или выхода из нее вполне может выглядеть именно так, как Патомский кратер. Да, надо было иметь в виду и эту идею, но мне думалось, что правильной окажется совсем другая гипотеза.

Между тем исследования продолжались. Наконец, когда цикл геофизических измерений завершился, а геохимики — Антипины и Саша Федоров — набрали столько образцов, что возникли серьезные сомнения, сможем ли мы все это вынести из тайги, пришло время прощаться с кратером. Мы разложили по рюкзакам камни и спилы лиственниц, которые весили не меньше камней. Профессор Дмитриев пожертвовал, по-моему, половиной своего багажа, оставив

в зимовье Ивана ботинки и часть таежного гардероба. Мы выставили на стол оставшиеся бутылки подсолнечного масла, с закупкой которых Дима явно перестарался, привязали к потолку пакет с несъеденными крупами и макаронами и по оленьей тропе двинулись в обратный путь.

— Ничего, — сказал Андрей извиняющимся тоном, — еще будет у нас вертолет в оба конца.

Чтобы преодолеть семнадцать километров, нам понадобился почти целый световой день. Полтора месяца назад я повредил связки на правой ноге и гипс снял всего за три дня до начала экспедиции, поэтому передвигался по лесу исключительно с палкой. Я очень опасался, что транспортировка тяжелого рюкзака не пройдет для меня даром. К счастью, нога выдержала: ничего не порвалось и не сломалось.

Мы прошли мимо места, где год назад умер Воробьев. Антипин достал бутылку перцовки. Помянули Евгения Ивановича, постояли немного и двинулись дальше.

Уже вечером наша команда достигла брода через Хомолхо. Без особых проблем мы перебрались через реку, прошли еще три километра по берегу — и вот оно, счастье! Здесь уже стоял КамАЗ, присланный Павлом Быковым. Накануне мы с ним созвонились по спутниковому телефону и подтвердили заказ на тяжелую машину: только

такой транспорт мог добраться сюда. В прошлый раз эти 35 километров до основной трассы мы проделали пешком.

И был ужин у костра, и мы съели коробку конфет «Метеорит», припасенную Димой Семеновым для такого случая, и наконец-то подожгли фальшфейер, который Андрей второй год таскал с собой в рюкзаке.

Наутро КамАЗ двинулся в путь. Сидя в кузове, мы преодолели три перевала, через которые в прошлом году перебирались пешком. Кстати, один из них называется «О Господи!». Такое название дали ему водители «наливов», доставляющие по этой дороге топливо в далекие артели. В общем, изречение «Лучше плохо ехать, чем хорошо идти» мы оценили в полной мере — спасибо КамАЗу.

В Векше нас встретил сердитый Вова.

— А Петина лодка где?! Обещали же вернуть в прошлом году!

Мы были в замешательстве. В прошлом году Антипин и Федоров, вывозя тело Воробьева из Перевоза, оставили лодку якутам, которые должны были доставить ее в Векшу. Значит, не доставили. Может, поэтому они и не захотели встречаться с нами. Боялись, что гости из вертолета спросят их: «А Петина лодка где?!»

Впрочем, Вова сменил гнев на милость и разрешил нам попить чаю в летней кухне. Но от предложенной водки все-таки отказался — сердито махнул рукой и заковылял к себе.

На базу Быкова мы прибыли только к вечеру — пыльные как черти, а тележурналист Паша даже со сломанным ребром. Он неудачно оперся о борт машины, когда КамАЗ в очередной раз подпрыгнул на чудовищной горной дороге, по которой ездить бы только на танке. Паша героически молчал о своей травме — и только гораздо позже рассказал о ней Андрею.

На следующий день мы вылетели из Бодайбо в Иркутск. Вторая патомская экспедиция успешно завершилась. Пашино ребро и ботинки Дмитриева оказались единственными жертвами, которых потребовал от нас Патомский кратер в 2006 году.

Все как в Чернобыле

Андрей Моисеенко

Через день после прибытия в Иркутск мы сидели в кабинете Виктора Ивановича Воронина и обсуждали итоги только что завершившейся эпопеи.

Стало ясно следующее.

- Возраст кратера и по дендрохронологическим, и по геологическим данным — как минимум 500 лет, поэтому к Тунгусскому метеориту он не имеет никакого отношения.
- «Гнездо Огненного Орла» нерадиоактивно, но под ним существует некая магнитная аномалия, причиной которой предположительно является металлический объект, лежащий на глубине 100–150 метров.
- Похоже, кратер до сих пор «живой»: его форма все еще меняется — проседает склон, обращенный к речке, и, возможно, вздымается или вздымалась недавно центральная горка.

Профессор Виктор Сергеевич Антипин, руководитель геологической группы нашей экспедиции, уверен, что под землей произошло не одно, а несколько странных событий. Он считает, что было как минимум три подземных взрыва или

похожих явления в течение сравнительно небольшого (по геологическим меркам, естественно) промежутка времени. Благодаря этому трижды выпучивались на поверхность каменистые породы, которые и образовали кратер.

Но почему и как это произошло в одном и том же месте, ученые все же не понимают. То ли продолжает работать активный канал, по которому иногда прорываются к поверхности горячие газы с огромной глубины, то ли по неизвестным причинам периодически происходят глубинные взрывы.

Сергей Язев

Антипин и Федоров построили подробную геологическую карту кратера и детально проработали версию о вулканическом происхождении кратера. Согласно этой гипотезе, кратер образовался на пересечении двух разломов — кольцевого и линейного (прямого), уходящих глубоко в недра земли. Именно поэтому здесь и прорвались к поверхности вулканические газы, вздыбив и разорвав толщу известняков.

Активный канал сработал не раз. Первым возник внутренний кольцевой вал, за ним — внешний. Затем, вероятно, просела центральная часть выпученного вещества, образовав воронку. И уже после этого возникла центральная горка — самая

молодая часть вулканического конуса, где до сих пор нет ни почвы, ни травы, ни лишайников.

Эта версия была позже опубликована в солидных научных журналах «Доклады Академии наук» и «Природа». Дополнительным доводом в ее пользу стали результаты исследования химического состава взятых образцов. В породах обнаружены окись углерода и водород, почему-то недоокисленные кислородом до двуокиси углерода и воды, как обычно. Но нехватка кислорода — верный признак глубоких недр, где его мало. Другими словами, известняки подверглись действию газов, пришедших с большой глубины — наверное, оттуда, где движется расплавленная магма. А значит, Патомский кратер — вулканическое образование.

Ни одного свидетельства в пользу метеоритного происхождения кратера не найдено, утверждает Антипин, и — что уж тут говорить — это истинная правда. Значит, верна вулканическая версия. А обнаруженное Дмитриевым металлическое тело под кратером может оказаться магмой, так и не прорвавшейся к поверхности.

Все выглядит очень убедительно.

Остается лишь одна проблема. И кольцевых, и линейных разломов на Земле полно. Наверное, даже на Патомском нагорье их немало. А кратер — единственный в мире. Почему?

Районы с развитым вулканизмом обычно обширны. Здесь лава и вулканические газы прорываются во многих местах, здесь множество трещин, разломов, каналов и гейзеров, здесь активной является огромная территория.

В районе Патомского нагорья когда-то также наблюдался вулканизм, но было это миллионы лет назад и в сотнях километров от кратера. С тех пор там все спокойно: сейсмичность крайне низкая, активных разломов нет. Если почему-то образовался канал, уходящий на десятки километров вглубь, прямо к мантии Земли, — неужели его диаметр столь мал? Почему рядом нет ничего похожего? Почему не прорвались глубинные газы, например, в двухстах метрах отсюда, где по долине бежит речка? И если газ подошел к поверхности, вспучив гигантский холм, неужели не прорвалась бы следом и лава по пробитому сквозному каналу? Разве известны другие вулканические объекты, обладающие теми же признаками?

Кроме того, остается подозрение, что разломы, на которых стоит Патомский кратер, на самом деле неглубокие, до мантийных слоев не достающие, каких тут, да и вообще на Земле, полным-полно. Значит, возможно, дело все-таки не в этом.

Патомский кратер расположен не на дне долины и не на вершине горы, а на ее склоне и кажется чужеродным образованием, абсолютно не

привязанным к местному пейзажу. Будто кто-то что-то бросил не глядя, и уж куда упало, там и осталось.

Может, все-таки был метеорит, который инициировал вулканические процессы? Пробил канал, освободив дорогу накопившимся газам во внутренней полости — не глубоко, а где-то совсем рядом? Впрочем, если полость находится неглубоко, могло обойтись и без метеорита. С другой стороны, возникает прежний вопрос: неужели больше нигде на планете нет похожих полостей? Или все-таки потребовалось уникальное сочетание двух факторов — наличия полости с газом и метеорита, удачно в нее угодившего?

Итак, версия Антипина требовала, чтобы под Патомским кратером был канал, тянущийся на десятки километров к мантии планеты. И по этому каналу, согласно гипотезе, уже не раз прорывались глубинные раскаленные газы. Возможно, они накапливались в какой-то камере — уже сравнительно неглубоко, всего в нескольких километрах от поверхности. И когда давление газов достигало критического уровня, они прорывались наружу по уникальному (единственному на Земле?) узкому каналу, вспучивая поверхностные породы. Добавлю, что они почему-то никогда не выходили рядом, например на дне долины, где толщина земной коры меньше. Воистину, этот удивительный канал выглядел куда более фантастичным, чем сам кратер.

До тех пор пока не доказано, что такой канал действительно существует, вулканическая версия остается правдоподобной, но все-таки не окончательной.

Нельзя не упомянуть и еще об одной версии. Колпаков писал (и мы в этом тоже убедились), что хрупкие глыбы, вытолкнутые наверх, не бились друг о друга и остались нерасколотыми. Это значит, что взрывов не было: выпучивание происходило сравнительно медленно. Может быть, замерзавшая напорная вода вздымала пласты известняков? На севере — в Якутии и Канаде — таких примеров много. Эти бугры называются непривычными для негеологов терминами — булгунняхы, или пинго. Холмы, похожие на наш феномен, хорошо известны специалистам. Но те же специалисты знают: пинго находятся не на крутых склонах, а только на ровных участках — там, где есть большие запасы грунтовых вод среди вечной мерзлоты. Нигде и никогда пинго не появлялись над четырехсотметровой толщиной известняков. Так что, если наш кратер — булгуннях, то опять же какой-то необычный.

Андрей Моисеенко

И во время экспедиции, и при обсуждении ее итогов мы сознательно избегали разговоров

о том, что Патомский кратер мог образоваться в результате падения инопланетного объекта искусственного происхождения, проще говоря, летающей тарелки. Рассуждения о нашествии пришельцев всегда вызывают иронию у разумных людей. Язев, например, разговоров об НЛО вообще не выносит и тут же начинает язвить.

Однако, к моему удивлению, именно эту тему затронул серьезный ученый — доктор наук Виктор Воронин, которому мы в прошлом году приносили спилы лиственниц. По договоренности с Ворониным на этот раз мы спилили полтора десятка деревьев, росших как на склонах холма, так и на центральной горке. Дело в том, что по годичным кольцам деревьев восстановить историю кратера оказалось проще всего.

Рассказывая о результатах очередных исследований, Воронин лишь удивленно разводил руками.

— Все спилы на самом кратере взяты с деревьев возрастом от 170 до 230 лет плюс-минус пять лет, — подтвердил он. — Значит, склонам кратера никак не меньше 230 годочков. Но чтобы деревья начали расти, ветер должен нанести почву и семена на голые камни. Природные условия Бодайбинского района таковы, что на это должно было уйти еще лет двадцать-тридцать. В таком случае возраст тех частей кратера, где вы спилили деревья, — от 250 до 260 лет. Но не

забывайте, что спил лиственницы, который вы привезли в 2005 году, увеличивает возраст кратера как минимум вдвое. Вопрос заключается вот в чем: если вы взяли образцы самых старых деревьев, то почему на кратере в течение двух с половиной столетий не росли деревья? Что этому мешало? Кроме того, — продолжал Виктор Иванович, — мое внимание привлекла некая аномалия в росте всех спиленных вами деревьев, происшедшая в середине XIX века. Известными причинами, например пожаром или повреждением насекомыми, объяснить ее невозможно.

Что же обнаружил Воронин?

У подножия «Гнезда Огненного Орла» было спилено три дерева. Ствол первого лежал на склоне кратера, но часть корней оставалась в земле: дерево было живо. Второй спил был взят с сухого ствола, некогда отломившегося от живого и по сей день дерева, а третий — с сухой, давно погибшей лиственницы.

Оказалось, первое дерево упало в 1841–1842 годах, ствол второго обломился в то же время, да и на третьем именно тогда сузились годичные кольца, а через 40 лет оно погибло.

Деревья не имели признаков повреждения огнем. Более того, после гибели усохшая лиственница простояла на корню более 100 лет и не сгорела,

хотя при малейшем пожаре должна была вспыхнуть как спичка.

Наиболее вероятны какие-то механические повреждения, в результате которых деревья падали, у них ломались стволы и повреждались корневые системы.

Все еще больше запуталось, когда были проанализированы годовые кольца контрольных деревьев, растущих неподалеку от кратера. У них начиная с того же 1842 года ширина годовых колец резко увеличилась в несколько раз. Однако спустя 40 лет кольца сузились.

Резкий скачок роста деревьев происходит либо при улучшении минерального питания, либо при прореживании леса, в результате чего оставшиеся деревья получают больше солнечного света, либо при значительном потеплении.

Маловероятно, чтобы на лес высыпали большое количество удобрений. Массовый вывал, возможно, и был, но это надо проверять. Однако резкое снижение прироста после сорокалетнего благоденствия нехарактерно и для этой ситуации.

— Мне известен только один похожий случай, — медленно произнес Воронин. — После чернобыльской катастрофы из-за выброса радиации рост деревьев сильно увеличился. Не имеем ли

мы дело с чем-то подобным? Да, сейчас радиоактивный фон на кратере низкий, даже аномально низкий. Но вдруг когда-то здесь выпали короткоживущие радиоактивные изотопы, которые успели к сегодняшнему дню распасться, и радиоактивный фон снизился до естественного? Радиоактивный метеорит? Или же, страшно сказать, искусственный космический объект с ядерным топливом на борту? Вывал леса есть, поломанные деревья налицо. Деревья, удаленные от кратера, вообще растут совершенно непонятным образом. И все происходило в одни и те же годы. В общем, крайне загадочная история. Я не понимаю, что там произошло, и прошу в следующую экспедицию взять и меня.

Сергей Язев

Нечего и говорить — рассуждения Виктора Ивановича Воронина впечатляли. В 1841–1842 годах, когда кратер уже давно существовал, случилось нечто, благотворно отразившееся на росте одних лиственниц и губительно повлиявшее на другие — они получили повреждения и даже завалились набок, как будто грунт зашевелился под корнями. Может быть, кратер стал «дышать», излучая тепло? К 1880 году условия вновь переменились, и прирост древесины мгновенно уменьшился до прежних значений. На мой взгляд, все это скорее говорит в пользу вулканической активности необычного типа.

Во время наших экспедиций накапливалось все больше различных фактов, но и загадок меньше не становилось. Все факты и загадки были перечислены в нашей с Колпаковым совместной статье, опубликованной в журнале Российской академии наук «Земля и Вселенная».

Как и раньше, ни одну из версий нельзя было считать окончательной, потому что оставались явные противоречия и открытые вопросы. Нужно было опять ехать к кратеру и ставить новые эксперименты.

ГЛАВА 9

Экспедиция третья, не последняя

Сергей Язев

Год 2007-й прошел без полевых работ на кратере. А вот на следующий год мы снова там побывали. И опять помогла «Комсомольская правда»: главный редактор Владимир Сунгоркин убедил руководителей некоего ведомства предоставить для экспедиции вертолет в оба конца.

Андрей снова обратился ко мне с предложением подобрать команду. Часть ее осталась прежней. Геохимики: Виктор Сергеевич и Максим Антипины, а также Саша Федоров готовы были отправиться в путь. На этот раз им предстояло проверить предварительные выводы и отобрать так называемые фоновые образцы.

Геофизики — профессор Дмитриев вместе с сыном Алексеем — должны были продолжить начатую два года назад магнитную и радиационную съемку кратера.

Вызвался ехать и Виктор Петрович Исаев¹ (специалист по грязевым вулканам, которых он открывал в Восточной Сибири великое множество) со своим сыном Петром, тоже геологом. За год до того я рассказал о Патомском кратере Исаеву-старшему, и он очень заинтересовался. Исаевы собирались взять с собой аппаратуру,

¹ В. П. Исаев — доктор геолого-минералогических наук, профессор Иркутского государственного университета.

которая позволяла определить, не выделяются ли из глубин кратера углеводороды.

Да, уникальная подбиралась группа: три профессора, и каждый со своим сыном в роли ассистента!

Решился на участие в экспедиции и четвертый профессор — Виктор Воронин.

— Не там вы пилили деревья! — сказал он. — И к тому же мало напилили. Теперь я сам возьмусь за дело.

Вместе с ним планировал ехать швейцарский ученый Отмар Бузер.

— Так он же совсем старый, этот ваш Бузер! — воскликнул я, когда узнал о планах Воронина. — Как его из Европы тащить в сибирскую тайгу? Там же комары — и ни отелей, ни ресторанов!

— Да он молодых обскачет, — отвечал Воронин. — А у нас в Сибири он уже бывал и прекрасно знает, что это такое.

Я буквально потирал руки от радости. Участие Воронина в экспедиции обещало быть очень полезным. Так оно в конечном итоге и вышло.

Кого еще не хватало? Того, кто мог сказать, что лежит под кратером.

Поиски длились уже месяца два, когда мне посоветовали обратиться к руководителю Иркутской электроразведочной компании профессору Александру Поспееву. Я позвонил, и Поспеев согласился на встречу. Я приехал к нему в офис, выложил фотографии кратера и рассказал о предыдущих экспедициях.

— Нам это интересно, — сказал Поспеев. — Конечно, мы частная коммерческая компания. Но поработать и проверить свои методы на таком интересном объекте готовы.

— Платить деньги за работу мы не можем, — предупредил я. — Единственное, что могу обещать, — это доставка на место и обратно. И продукты.

— Идет, — ответил Поспеев. — Мы отправим двух специалистов с аппаратурой. Можно провести эксперимент с электроразведкой, и тогда есть шанс узнать, что лежит под вашим кратером на глубине до километра, а может быть, и больше.

Андрей сообщил, что экспедицией заинтересовался Борис Голубов — геолог из московского Института динамики геосфер РАН. Он готов ехать, чтобы поставить серию экспериментов, подготовленных совместно с кафедрой радиохимии химического факультета Московского государственного университета.

Вся экспедиция, включая меня, Диму Семенова и Андрея Моисеенко, насчитывала 16 человек.

— Поднимет ли вертолет всю команду с аппаратурой и снаряжением? — ужаснулся я.

Меня успокоили: и не такие грузы возили.

Началась подготовка. На нее потребовалось немало времени, поскольку в экспедиции собирались участвовать совершенно разные люди, работающие в разных организациях и даже живущие в разных городах. Вечерами после работы я постоянно с кем-то созванивался или списывался по электронной почте.

Вопрос об участии Голубова в эпопее-2008 окончательно был решен в последний момент. В июне в Москве проходила конференция, которая была посвящена столетию со дня падения Тунгусского космического тела и на которой я представлял доклады, посвященные Витимскому болиду и Патомскому кратеру. Здесь мы впервые встретились с Голубовым и втроем (ради такого дела Андрей специально приехал на конференцию) подошли к руководителю конференции и непосредственному начальнику Голубова академику Адушкину.

— Отпустите Бориса Николаевича с нами на кратер, — чуть ли не хором сказали мы с Андреем. — Там интересно.

Адушкин посмотрел на нас и хмыкнул.

— Ладно, езжайте, — сказал он замершему в ожидании Голубову. — Оформляйте командировку.

Спокойными экспедиции не бывают.

8 июля 2008 года рейсовым самолетом Ан-24 в Бодайбо улетела большая часть команды. На следующий день из Иркутска в Бодайбо отправлялся вертолет, на котором должны были лететь мы с Димой Семеновым, отец и сын Исаевы, а также

В бодайбинском аэропорту: Андрей Моисеенко, Александр Дмитриев и Павел Быков (на снимке: слева направо)

только что прибывшие из Москвы Голубов и его напарник из Института высоких энергий РАН — Андрей Владимирович Антипов. Вертолет — это, прямо скажем, не самолет: скорость у него поменьше, соответственно, и лететь на нем дольше — около пяти часов.

Но все оказалось куда сложнее.

Не успели мы со своими рюкзаками и ящиками с аппаратурой прибыть на военный аэродром под Иркутском, как нам сообщили:

— В Бодайбо нет горючего. Дотуда и до кратера топлива хватит, а вот на обратный путь — нет. Так что, мужики, полет ваш отменяется.

Несложно представить нашу реакцию. Я вообразил себе товарищей, ожидающих нас в Бодайбо.

— Андрей застрелится, — сказал я.

Ситуацию спас Дима Семенов.

— А если лететь через Маму? — спросил он. — У меня там дядя начальник аэропорта.

— Звони ему! — заорали мы.

Как вскоре выяснилось, вариант был хороший, а главное — единственный. В Маме горючее

было. Аэропорт Мама готов был заправить вертолет при гарантии последующей оплаты. Мы позвонили в Бодайбо, объяснили Андрею ситуацию, и он организовал гарантийное письмо. Можно было лететь.

И тут вмешалась погода.

Есть еще одно отличие вертолета от самолета. Погода, при которой самолеты спокойно летают, может оказаться нелетной для «вертаков». Так оно и вышло. На длинной трассе Иркутск — Мама (около тысячи километров) то тут, то там постоянно возникали грозы, дождевые фронты, туманы и прочая метеогадость.

В 17:00 нам сказали, что вылета сегодня не будет. Иркутяне отправились по домам, а наши московские коллеги — в гостиницу.

Следующие два дня мы приезжали на аэродром к 8 утра, как на работу, и усаживались на стулья в местном отделе охраны труда, куда нас пристроили.

Погоды не было.

Вертолет не летел.

В опечатанном и опломбированном вертолете, помимо наших ящиков и рюкзаков, тихо кисла купленная Голубовым колбаса. Голубову

и Антипову было не во что переодеться и нечем побриться — весь их багаж лежал на борту.

11 июля, на третий день ожидания, настроение упало донельзя. Андрей нервно названивал из Бодайбо. Десять наших товарищей гостили у Петра Быкова на высоком берегу Витима. Быков, конечно, принимал их, как принято на Севере. Но время уходило!

Мы с Димой мрачно смотрели друг на друга. Вскоре после окончания этой экспедиции нам с Максимом Антипиным предстояла еще одна — в Юго-Западную Монголию, где должно было произойти полное солнечное затмение. До бесконечности переносить сроки патомской эпопеи мы не могли. Становилось ясно: если мы не вылетим сегодня, то не вылетим уже никогда.

В 11 утра командир вертолета сообщил по телефону, что погода по-прежнему плохая.

— Будете забирать вещи? — спросил он.

Мы помедлили и кивнули.

Все было кончено.

Местный уазик провез нас через несколько контрольно-пропускных пунктов. Мы подъехали к вертолету, сиротливо свесившему вниз лопасти винта.

— Сейчас командир появится, откроет, — сказал водитель.

И тут мы увидели четверых, со всех ног бегущих к нам. Среди них был командир вертолета.

— Мужики, я договорился с метео! — прокричал он, запыхавшись. — Там просвет на трассе. Грузитесь быстрее: срочно вылетаем, пока трассу снова не закрыли!

Наш радостный рев был ему ответом. Мы спешно загрузились в машину, пилоты угнездились в кабине и надели наушники.

— Даже колбаса не погибла, — заметил Голубов, заглянув в пакет.

— Звони Андрею: вылетаем, — сказал я Диме.

И мы полетели.

Перелет до Мамы продолжался ровно пять часов. В салоне стоял огромный бак с топливом, со всех сторон обложенный ящиками, рюкзаками, тюками и пакетами. Так мы впервые узнали, что русские вертолеты заправляются прямо в воздухе.

Вместе с нами на борту находились двое техников, которые тихо проспали половину пути. Но через два с половиной часа командир дал

команду и техники, вооружившись гаечными ключами, принялись открывать бак. В вертолете немедленно запахло бензином. В открытое отверстие был вставлен шланг с пистолетом, как на автозаправке, и топливо начало перекачиваться в другой, штатный бак, питавший двигатель вертолета.

Процесс перекачки длился долго. Один из техников периодически заглядывал в бак, подсвечивая себе фонариком, чтобы увидеть — много ли еще осталось.

— А ты спичкой подсвети! — советовали ему все.

Техник устало кивал. Думаю, эту дурацкую шутку он слышал в тысячный раз.

Внизу расстилались фантастические пейзажи Северной Сибири. Мы открывали иллюминаторы (в самолете этого не сделаешь) и фотографировали.

Ровно в 16:30 мы приземлились на знакомом со времен витимских экспедиций аэродроме. Пока начальник аэропорта общался с Димой («Ну, здравствуй, племянник!..»), мы помогли летчикам вытащить из вертолета опустевший бак и установить его в стороне на деревянные подставки. Он пригодится на обратном пути.

Посадка в Маме была нелишней еще и потому, что в вертолете туалет не предусмотрен. Вот вам еще одно отличие от самолета.

Через полчаса мы вылетели в Бодайбо, а еще через полчаса были на месте. И тут командир снова нас обрадовал.

— Где там ваши? — спросил он. — Срочно грузитесь. Пока светло и погода позволяет, я заброшу вас на точку.

В аэропорту уже полным ходом шла регистрация. Наконец наши товарищи показались на летном поле; некоторые из них — слава Быкову! — слегка пошатывались.

— Быстрее! — кричали мы с Димой, размахивая руками. — Давайте сюда! Летим на кратер!

Через час пятнадцать вертолет завис над нашей позапрошлогодней площадкой. Ящики, рюкзаки, тюки и мешки полетели в глубокий мох.

Командир помахал нам рукой, машина свечкой ушла в небо и вскоре исчезла за горами. Светило вечернее солнце, остро пахло потревоженным багульником, журчал Эксёкюллях. Мы снова вернулись к Патомскому кратеру.

Чтобы не тратить время на пешие переходы, мы разбили лагерь прямо на площадке, где нас

Электроразведчик Владимир Потапов

высадил вертолет. От нее до кратера можно было пройти меньше чем за час.

Назавтра началась работа.

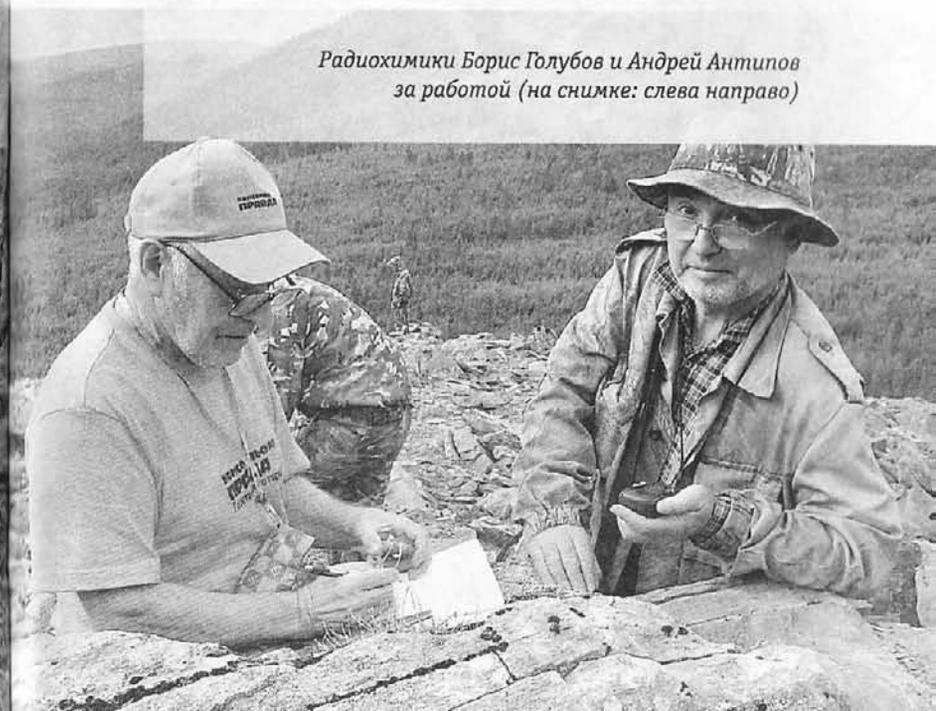
С утра до ночи самоотверженно трудились электроразведчики — Виктор Гомульский и Володя Потапов. Они таскали по густому лесу провода, чтобы выполнить нужные замеры. На самом кратере устанавливали датчики. Чтобы устроить надежное заземление, укладывали электроды глубоко в камни, сверху засыпали их почвой и поливали из канистр густосоленой водой.

*Дендрохронолог
Виктор Воронин*

Все это требовало значительных физических усилий, но ребята работали на совесть.

Воронин вместе с флегматичным швейцарцем Бузером осматривал лес. Вскоре Воронин констатировал, что никакого вывала леса тут нет, однако некоторые деревья вокруг кратера явно повреждены вонзившимися в древесину камнями. Значит, какие-то активные процессы тут все-таки происходили. Пользуясь специальным буром для отбора проб, а порой и небольшой бензопилой, Воронин начал собирать гигантскую коллекцию проб. Иногда ему помогал Максим Антипин.

*Радиохимики Борис Голубов и Андрей Антипов
за работой (на снимке: слева направо)*

Андрей Антипов
и его воздуходувка

Голубов и Антипов измеряли концентрацию радиоактивных элементов в разных точках кратера. Для этого они устанавливали портативную воздуходувку, прогонявшую воздух через специальные фильтры, на которых оседали частицы. Их-то и предстояло проанализировать. Работу воздуходувки обеспечивал бензиновый движок, который тархтел с утра до вечера.

Исаевы замеряли концентрацию углеводородов, просачивающихся из-под глыб кратера. Анализатор сразу показывал, присутствуют ли в пробах метан, пропан, этан и прочие подобные газы.

Антипин и Федоров продолжали отбирать образцы, уточняли геологическую карту.

А вот геофизикам кратер подложил свинью. Надежный и неоднократно проверенный магнитометр напрочь отказался работать. Профессор Дмитриев два дня пытался запустить прибор, но ему это так и не удалось. Надежда продолжить магнитную съемку рухнула.

Мы с Димой Семеновым завершили обмеры кратера. Я чувствовал, что шансов на космическое происхождение кратера остается все меньше, — пора было окончательно передавать дело в руки геологов. Поэтому мы помогали нашим коллегам: таскали провода, диктовали отсчеты и занимались прочей рутинной работой. А Дима, кроме того, великолепно управлялся с дровами и костром.

*В лагере экспедиции.
Дмитрий Семенов
произносит речь*

На третий день часть группы сходила к месту смерти Воробьева. Виктор Сергеевич Антипин привез памятную табличку, которую мы укрепили на дереве рядом с местом трагедии.

Несколько дней пролетели быстро. Вечерами, под потрескивание костра и плеск речки, мы снова и снова спорили о кратере. Почти все пили чай, за исключением Виктора Ивановича Воронина: одетый в военный френч австрийской армии, очень похожий на форму вермахта, профессор неизменно варил себе кофе в изящной турке. Старый швейцарец Отмар Бузер лихо купался в ледяной воде Эксёкюлляха, а в последний

*Швейцарский профессор
Отмар Бузер — сторонник
метеоритной гипотезы*

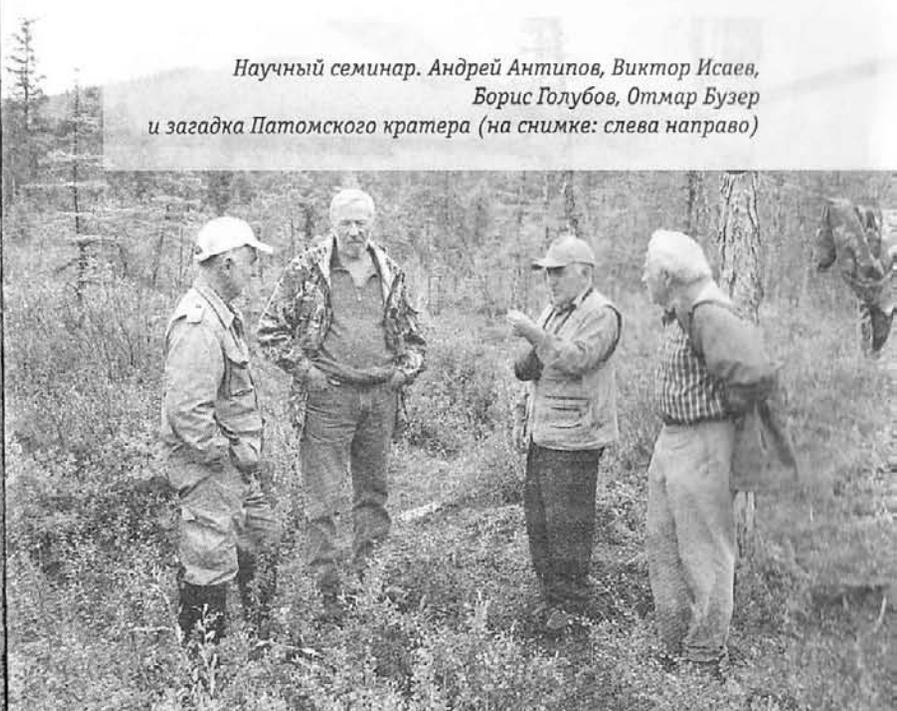

вечер что-то увлеченно рассказывал Дмитриеву-старшему, то и дело отхлебывая водку прямо из горлышка литровой бутылки. На каком языке происходило общение, я так и не понял.

В назначенный срок прилетел вертолет, и мы отправились в обратный путь по трассе кратер — Бодайбо — Мама — Иркутск. Добирались домой больше суток: из-за испортившейся погоды пришлось ночевать в гостинице Мамы.

— Знаете что, — сквозь шум винта прокричал командир вертолета, когда мы подлетали к Иркутску, — если я привезу вас на аэродром, три

*Научный семинар. Андрей Антипов, Виктор Исаев,
Борис Голубов, Отмар Бузер
и загадка Патомского кратера (на снимке: слева направо)*

часа будете оттуда выбираться, заполнять документы, оформлять пропуска на вывоз груза... Лучше я вас высажу на полянке.

И он действительно выбросил нас вместе с грузом на берегу Ангары чуть ниже Иркутска по течению.

Хорошо, что незадолго до посадки Виктор Гомульский позвонил Поспееву, — уже через полчаса после посадки к нам подкатил огромный «Урал» Иркутского электроразведочного предприятия.

Третья экспедиция завершилась.

ГЛАВА 10

Спящий пробуждается

Андрей Моисеенко

Через день после нашего возвращения в иркутском офисе «Комсомольской правды» состоялась пресс-конференция. Интерес к ней был огромный — и в оранжевой гостиной офиса собрались представители многих СМИ.

Выступили все ключевые участники экспедиции. Язев предупредил, что будет помалкивать, поскольку основную работу проделали геологи, а не астрономы. Но дискуссия пошла в неожиданном направлении.

Такое увидишь нечасто. Отвечая на вопросы журналистов, чуть не «подрались» двое почтенных ученых, участвовавших в поездке: Виктор Антипин и Борис Голубов. Конечно, до восклицаний «Да кто ты такой!» не дошло. Но когда научные работники то и дело перебивают друг друга на повышенных тонах, ясно, что в товарищах согласия нет.

В общем, разговор выдался горячий.

По словам Антипина, выступившего первым, Патомский кратер — «на сто процентов вулкан».

— Он просыпался трижды, — заявил Антипин. — По форме внешнего конуса видно, что он

возник в результате трех подземных толчков. Метеоритные кратеры так себя не ведут. Они не просыпаются. К тому же следов метеоритного вещества не обнаружено.

— А его и не должно быть, — внезапно возразил Язев. — Если метеорит ударил в склон и ушел на большую глубину, инициировав последующее выдавливание расколотых пород наружу, то метеоритное вещество должно быть не на поверхности, а в глубине холма. Ведь извержение расколотых известняков, образовавшее холм, привело к выворачиванию всех пластов наизнанку: что было глубже, теперь лежит наверху. Но ни Колпаков, ни я никогда и не говорили об обычном метеорите. Любой обычный метеорит разрушается и разлетается на мелкие куски сразу при соприкосновении с землей, образуя кратер совсем иной формы. А в нашем случае нужно, чтобы он ушел на сотни метров в глубину, как бронебойный снаряд. Такие метеориты никому не известны. Может, они в принципе и существуют, но прецедентов пока не было. Найти осколки подобного вещества невозможно: сверхплотный метеорит не разрушится, а целиком уйдет в толщу земли. Поэтому отсутствие метеоритного вещества ни о чем не говорит. Его и не должно быть. Тем не менее вулканическая гипотеза на сегодня выглядит куда более вероятной. Кстати, среди миллионов ударных кратеров на Луне, Меркурии, Марсе и спутниках больших

планет не обнаружено ни одной структуры, похожей на Патомский кратер. Наверное, как это ни печально для астрономов, тут поработала геология.

— Сергей Арктурович, а как насчет идеи с черной дырой? — спровоцировал его я.

Язев поморщился, сделал страшные глаза и под шумок погрозил мне кулаком.

— Коллектив ученых под руководством Иосифа Хрипловича из новосибирского Института ядерной физики имени Будкера недавно разработал метод, который позволяет обнаружить след микроскопической черной дыры, которая пролетела сквозь Землю, — неохотно ответил Язев. — По мнению группы Хрипловича, если такая черная дыра пронзит нашу планету, возникнут звуковые волны, которые можно зафиксировать акустическими детекторами. Кроме того, согласно расчетам, черная дыра должна оставить в земной коре длинный канал — тонкую «трубку» вещества, подвергнувшегося сильному радиационному воздействию. Такие «трубки» должны сохраняться довольно долго, и их вполне можно обнаружить геологическими методами.

— Сергей Арктурович, это уж совершеннейшая фантастика! — укоризненно сказал Антипин. — И при чем тут Патомский кратер?

— Да я и не хотел об этом говорить, это все Моисеенко! — сказал Язев. — Конечно, черные дыры тут ни при чем. Точнее, скорее всего ни при чем. Просто такой вот интересной работой занимаются новосибирские исследователи. По их мнению, при проходе сквозь Землю черная дыра должна выделить около тераджоуля энергии, большая часть которой превратится в звук...

— Видимо, очень громкий звук, — вставил я.

— ...но некоторая часть неизбежно преобразуется в тепло. Представьте себе микроскопическую черную дыру, вошедшую в Землю, например, в районе толстого слоя известняков. Зона прогрева будет иметь форму уходящего вглубь постепенно расширяющегося цилиндра. Очевидно, сильный нагрев вдоль образовавшегося канала должен привести к растрескиванию породы и выделению из известняков значительных порций углекислого газа (трещины должны наполниться раскаленным газом под большим давлением). Возникающие вибрации (волны) усилят растрескивание. В результате растрескавшиеся породы должны быть выдавлены из канала на поверхность Земли в виде конуса из дробленого материала. Канал останется «слабым местом» в геологическом смысле: конечно, его быстро закупорит поднимающийся материал, но локальная трещиноватость может проявиться и в будущем. Поэтому спустя относительно

длительный промежуток времени через канал могут снова прорываться на поверхность накапливающиеся глубинные газы, осуществляться подвижки вещества. Таким образом, зона входа черной дыры может остаться геологически активной даже по прошествии долгого времени. Вот вам и Патомский кратер.

— Вы всерьез считаете, что... — начал кто-то из журналистов, но Язев перебил его.

— Да нет, конечно! Я, как астроном, лучше вас понимаю, насколько маловероятно такое событие. Гипотеза о черной дыре противоречит существующей парадигме как в астрономии, так и в геологии, где экзогенные причины возникновения вулканических структур обычно не рассматриваются. Но, поскольку кратер уникален, а причины его формирования окончательно не установлены, гипотеза априори не должна отбрасываться и ее можно иметь в виду при анализе данных — как имеющихся, так и тех, что еще предстоит получить. Согласно научному методу гипотезу можно отбросить только тогда, когда факты начнут ей противоречить. Пока что гипотезе о черной дыре явно противоречит отсутствие прецедентов. Однако и объекты типа Патомского кратера никогда ранее не наблюдались. К тому же все когда-нибудь случается впервые. Повторяю: факты говорят в пользу вулканического происхождения кратера. Но пока

последняя точка не поставлена, надо учитывать даже самые маловероятные версии.

Он выразительно посмотрел на меня и сел.

— Сергей Арктурович, вы слишком быстро сдаетесь! — воскликнул Голубов. — Обратите внимание: на бруствере и на склонах Патомского конуса не найдено ни застывших потоков излившейся лавы, ни следов вулканического пепла или вулканических бомб. Я бы не спешил говорить о вулкане.

— Дело в том, что, двигаясь вверх, магма не достигла поверхности, а застряла на глубине и выдавила на поверхность породы, которые образовали конус, — возразил Антипин. — Извержения действительно не было, все закончилось газовой продувкой.

— Но тогда на этих глыбах должны быть следы высокотемпературного воздействия, — перебил коллегу Голубов. — Однако их нигде не видно.

К разговору подключился профессор Исаев.

— Честно говоря, я тоже рассчитывал увидеть на камнях черные следы обугленной органики — следствие действия высоких температур, когда раскаленные газы прорывались из глубины

наружу. Но этого нигде нет. Такие следы не могло смыть водой — на нижней поверхности глыб тоже не обнаружены черные наслоения. Кроме того, при обработке известняков высокими температурами должна образовываться негашеная известь: белая грязь, труха... Никаких ее признаков мы также не нашли. Это значит, что обработки горячими газами не было. Но мантийные газы не могут не быть горячими!

— Анализы образцов, сделанные в Институте земной коры, показывают, что в камнях присутствуют мантийные газы: водород и окись углерода. Это так называемые восстановленные газы, существующие при дефиците кислорода, — возразил Антипин. — А кислорода мало именно на больших глубинах. Кроме того, не надо думать, что канал идет на поверхность прямо от мантии: на глубине в несколько километров может оказаться промежуточная полость — камера, в которой накапливается под давлением газ, поступающий снизу. Как только давление превышает некий предел, газ прорывается по каналу вверх. В камере температура может быть уже не такой высокой, как вблизи мантии.

— Пока еще нет анализов новых фоновых образцов, — негромко заметил Язев. — А может быть, эти газы присутствуют тут во всех известняках? И попали они туда миллионы лет назад, задолго до появления кратера? Надо сравнить образ-

цы с кратера и образцы, отобранные в других местах, в сотнях метров от него.

— Из недр кратера понемногу сочатся углеводороды: метан, этан, пропан, бутан, пентан и так далее, — снова включился в разговор Исаев. — Очевидно, что полость, скорее всего, находится на глубине от одного до пяти-шести километров.

— И о чем это говорит?

— Я согласен с коллегой Антипиным: это вулкан, — сказал Исаев. — Но вот в вопросе о конкретном типе вулкана мы, видимо, расходимся. Это все-таки не обычный вулкан. Я думаю, правильнее было бы назвать его газолитокластитовым вулканом. В данном термине учтены все главные параметры Патомского вулкана: движущая сила, то есть источник энергии, — газ; основной материал вулканической постройки — осадочные породы (лито); глыбы и обломки — кластиты. Идею такого названия я взял у геолога Олега Мельникова. Он применил подобный термин, только с дополнительной приставкой «водо», к грязевым вулканам Сахалина. Но в случае с Патомским вулканом нет никаких «водо» или «гидро». Главным источником энергии извержения Патомского вулкана, скорее всего, является углеводородный газ. А его могут выделять как карбонатные породы, так

и нижележащие терригенные, наличествующие на Сибирской платформе. Сама платформа находится совсем близко — буквально в 70–80 километрах, сразу за рекой Леной.

Антипин недоверчиво качал головой. Судя по всему, идея углеводородного вулкана не вызвала у него сочувствия.

Тут вмешался я.

— Раньше в экспедициях участвовали только представители Российской академии наук и университетов. На этот раз с нами отправились еще и представители частной компании — ЗАО «Иркутское электроразведочное предприятие» (ИЭРП), которое возглавляет Александр Поспеев. Компания предлагает услуги по геофизическому исследованию недр — хоть клады ищи, хоть месторождения полезных ископаемых. Сейчас это одна из ведущих российских организаций в данной области. Частников мы решили привлечь по двум причинам. Во-первых, сейчас такое время, что коммерческие фирмы порой обладают более современным и уникальным оборудованием, чем институты Академии наук. А во-вторых, ЗАО «ИЭРП» — компания в геологических кругах авторитетная. И ей нет резона ввязываться в какие-то махинации, рискуя своим добрым именем. Окажется, что под кратером ничего нет, — так и заявят. Если есть — тоже

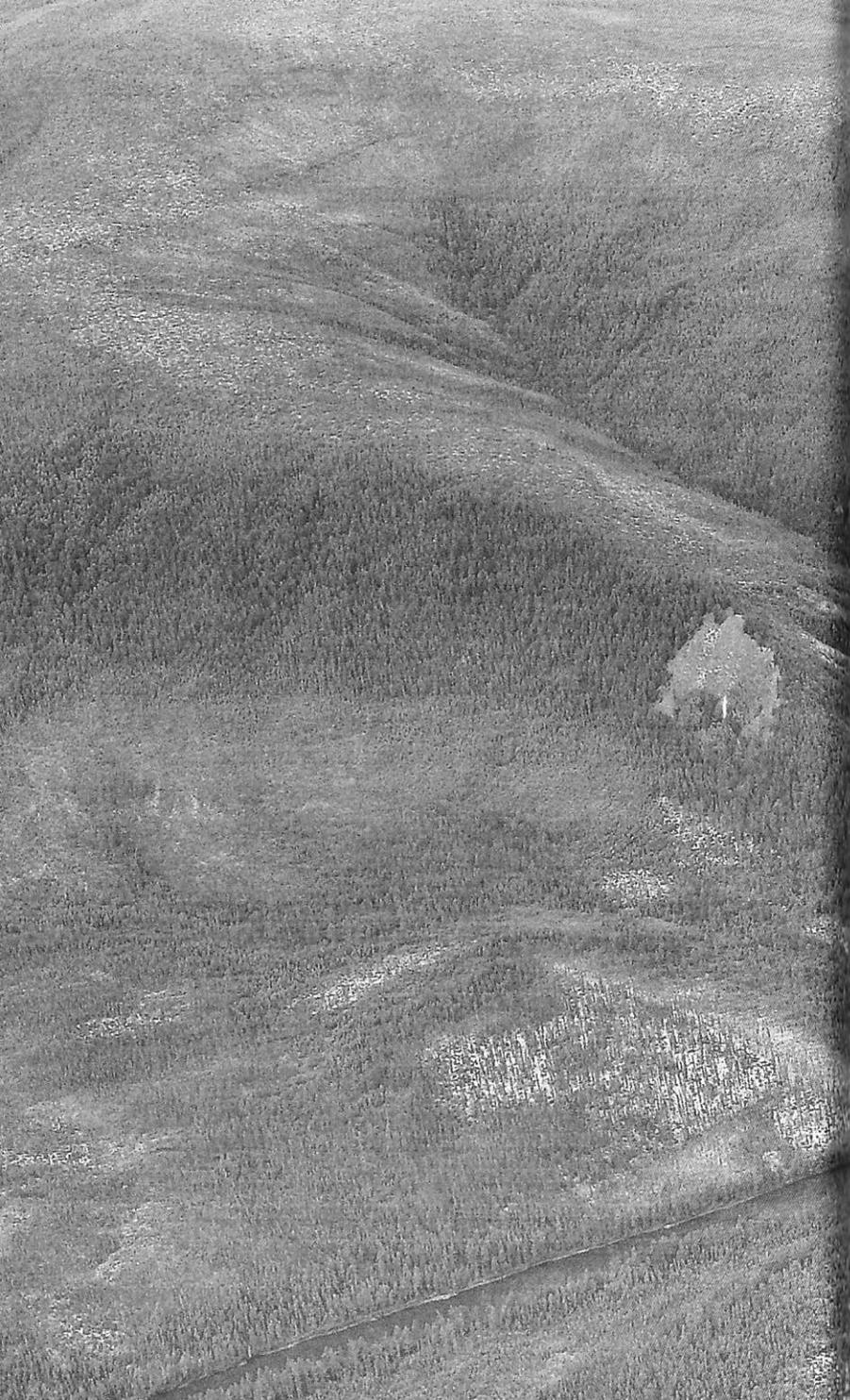
не будут придумывать ничего лишнего. Никаких фантазий насчет летающих тарелок, машин времени или инопланетных баз.

— Можно подумать, что Академия наук или университеты будут сочинять про инопланетян! — негодуяюще возразил Антипин.

— Короче, давайте дадим слово электроразведчикам, — сообразив, что говорю что-то не то, выкрутился я.

— Наши специалисты выполняли исследования двумя методами, — включился в дискуссию Поспеев. — Первый называется «зондирование становлением поля в ближней зоне». На местности раскладываются две проволочные петли. Большая является генераторной, меньшая — приемной. В генераторную петлю подаются прямоугольные импульсы тока, в результате в земле индуцируются токи. При этом чем больше проводимость грунта, тем больше ток. Наша приемная петля служит для измерения наведенных токов. Дальше идет довольно сложная обработка данных.

(На практике это выглядело так: несколько дней три человека в непроходимом буреломном лесу бегали вверх-вниз по сопкам с аппаратурой весом в полсотни килограммов. Занятие в проливной дождь не слишком захватывающее. Зато, как оказалось, весьма продуктивное. — А. М.)

— Мы пришли к выводу, что никаких проводников под кратером в пределах толщи известняков нет. Другими словами, канал кратера забит точно таким же известняком, который лежит вокруг. Ничего любопытного, — заключил Поспеев. — Но вот второй метод, аудиомагнитотеллурическое зондирование, дал интересные результаты...

Заметив, как вытянулись лица журналистов, когда прозвучали длинные и непонятные слова, профессор поспешно продолжил:

— Я не буду излагать подробности метода. Сразу перейду к выводам. Первые десятки метров выглядят совершенно обычно. Понятно, что непосредственно под кратером залегают относительно плотные слабопроводящие породы (известняки), а под ними — кристаллические сланцы, обладающие большей проводимостью. А вот глубже начинаются чудеса. Похоже, на глубине примерно 100 метров расположен трехмерный объект, отличающийся высокой электропроводностью. Не исключено, что по форме он близок к цилиндру или веретенообразному эллипсоиду. Проекция центра верхней части этого тела находится не под самим кратером, а примерно в 400 метрах южнее. Радиус его предположительно достигает 200–300 метров. Нижняя часть расположена южнее верхней. Чтобы точно определить форму и прочие характеристики тела, необходимо воспользоваться

методами трехмерного моделирования данных. Сейчас я занимаюсь организацией этого исследования. А вот о том, что происходит на глубинах, больших чем один километр, говорить рано. Однако предварительно можно сказать, что там, наверное, присутствует глубинное рассеянное оруденение.

— И что же это такое — ваш гигантский электропроводящий цилиндр или эллипсоид? — спросил кто-то из журналистов. — Корабль инопланетян? Магма, выпирающая из земли?

— Все может быть, — отозвался Поспеев. — Но я думаю, что это, скорее всего, флюид.

— Что такое флюид?

— Расплав. Горячая соленая вода, в которой растворяется все, что может раствориться. Такие флюиды могут находиться на глубине в несколько километров. Возможно, в данном месте флюид подошел близко к поверхности. А вокруг — мерзлота. Напорная вода замерзает и расширяется, происходит так называемая раскристаллизация и выпучивание пород. Так мог сформироваться конус Патомского феномена.

Я посмотрел на Голубова. Похоже, ему эта идея тоже не нравилась. Он сказал на ухо Язеву, что флюиды в этих местах могли активно работать очень давно, но вряд ли сейчас.

Тем временем слово взял Воронин.

— Результаты наших исследований будут готовы нескоро. Мы только приступаем к изучению полученных материалов. Что можно сказать уже сейчас? Во время экспедиции мы обнаружили в стволе одной из лиственниц дырку с застрявшим камнем. Повреждение датируется 1842 годом (это тот самый странный период, когда рост одних деревьев резко замедлился, а у других, наоборот, начала активно прирастать древесина). А значит, тогда произошла какая-то «бомбардировка», словно что-то ударило о землю, и каменные «брызги» разлетелись в разные стороны. Может быть, очередная газовая «продувка», о которой говорит Виктор Сергеевич Антипин, случилась именно тогда? Стало теплее, зашевелился грунт, повреждая корни...

И еще: по моей просьбе в Институте ядерной физики СО РАН был сделан элементный анализ годовичных колец одного из деревьев, спиленных в прошлом году. Оказалось, что начиная с 1842 года в них в два раза увеличилась концентрация стронция и в три раза — урана. Что же там произошло? Версия с аварией инопланетного корабля на ядерной тяге, конечно, привлекательна. Например, разбился аппарат 500 лет назад, а его реактор продолжал работать под землей и взорвался лишь в 1842 году. Но думаю, желательно обойтись более приземленными

гипотезами. Не вдаваясь в излишние подробности, скажу, что при повышении температуры земли корни деревьев поглощают больше радиоактивных материалов. Можно предположить, что в 1842 году что-то прогрело почву и растения впитали больше радиоактивных элементов. Затем подземная печка остыла, мерзлота вновь поднялась к корням. В общем, вулканическая гипотеза многое объясняет.

— А я хотел бы снова вернуться к метеоритной гипотезе, — вмешался Голубов. — В 1963 году томские специалисты из Сибирской комиссии по метеоритам и космической пыли обнаружили в окрестностях кратера шарики из магнетита, которые очень часто встречаются в районах падения «небесных гостей».

— Это не довод, — тут же отозвался Антипин. — Хорошо известно, что подобные шарики попадают к нам из космоса постоянно, их можно найти в любом месте.

— Это правда, — добавил Язев.

— Я тоже не буду с этим спорить, — продолжал Голубов. — Но надо заметить, что результаты их исследования пока неизвестны и точку в этом вопросе ставить рано. Выскажу еще одно соображение. На кратере был обнаружен редкий минерал монацит с примесью радиоактивного изотопа тория. Такое вещество

неоднократно находили в метеоритах, лунных породах и венерианском грунте, собранном космическими аппаратами «Венера-8» и «Венера-10».

Антипин усмехнулся:

— Подобные монациты миллионы лет назад образовывались и на Земле. Монацит не обязательно должен упасть с неба.

— Отличить торий космического происхождения от земного — задача невероятно сложная, — ответил Голубов. — Поэтому земные это монациты или космические, неизвестно. Но главный мой довод заключается в следующем. Кратер совершенно не привязан к окружающим геологическим структурам. Он стоит на породах древней платформы, которая была тектонически активна три-четыре миллиона лет назад, но сейчас здесь не видно никаких следов вулканической деятельности. Да и размеры Патомского кратера явно малы для таких тектонических мантийных структур, как плюмы, горячие точки, аваланши... Давайте посмотрим внимательнее, где находится наш кратер, — продолжал Голубов. — В этих местах на новейшем этапе геологического развития смятые в складки древние слои были вынесены тектоническими силами на поверхность, где они подверглись эрозии. Так сформировался современный горный рельеф. Например,

ручей Явальдин и его притоки срезали оголовки древних складок. Геологическая деятельность водотоков отражена в виде уступов цокольных террас речных долин. Такой же цоколь служит основанием Патомского кратера, что и подчеркивает нелепость его размещения на фоне древней и абсолютно спокойной геологической структуры. Эта несуразность вкупе с другими перечисленными факторами и наводит на мысль, что Патомский кратер мог образоваться вследствие удара извне. Хотя другие доводы в пользу метеоритной гипотезы отсутствуют... В общем, исследования надо продолжать, — так закончил свое выступление московский геохимик Борис Голубов.

— Продолжать, безусловно, надо, — согласился иркутский геохимик Виктор Антипин, не глядя в сторону Голубова, — но совершенно по другой причине. Не исключено, что Патомский кратер может стать причиной катаклизма регионального, а то и планетарного масштаба. Наш кратер — самое молодое проявление вулканического процесса на территории Сибири. Ему всего около 500 лет. Однако не исключено, что в течение последних 300 лет Патомский вулкан накапливал энергию. Возобновление его вулканической активности может привести к катастрофе. Выход вредных газов способен изменить состав атмосферы, ее прозрачность, повлиять на климат не только в регионе, но и на большой части планеты.

Похоже, каждый остался при своем мнении.

Пресс-конференция закончилась, журналисты обступили ученых, продолжая что-то уточнять. Голова шла кругом, а ведь были озвучены далеко не все существующие версии. Так, никто не упомянул о возможных периодических взрывах глубинного водорода под кратером или о молодом кимберлите. Полученные факты влекли за собой

новые вопросы, ответы на которые нельзя было назвать полностью удовлетворительными.

Все это означало лишь одно: исследования Патомского кратера пока только начались.

Сергей Язев

Летом 2008 года отмечался один из самых странных юбилеев на планете — столетие со дня загадочного события, которое вошло в историю как падение Тунгусского метеорита. Название, строго говоря, некорректное: метеориты — это фрагменты небесных тел, упавших на землю. Но после столетия поисков так и не удалось найти ни одного куска космического вещества.

Разумеется, были организованы юбилейные мероприятия. В здании президиума Российской академии наук в Москве работала представительная научная конференция. Звучали доклады, разворачивались дискуссии. В заключение академик Адушкин заметил, что многие вопросы, которые возникли несколько десятилетий назад, так и остались неразрешенными. Конечно, есть базовая теория Тунгусского феномена, изложенная в энциклопедиях и учебниках. Но по-прежнему нет гарантии, что она соответствует истине.

А потом, как и полагается, состоялся банкет. Так получилось, что напротив меня сидел итальянский исследователь Джузеппе Лонго (сын хорошо известного в советские времена деятеля итальянской компартии Луиджи Лонго), ведущий раскопки на таинственном озере Чеко, которое расположено неподалеку от эпицентра возможного взрыва Тунгусского тела. Лонго

Послесловие

считает, что озеро — это и есть метеоритный кратер.

Мы чокаемся с Лонго, и он на великолепном русском языке, чуть горячась, начинает мне выговаривать:

— Это русский метеорит, Сергей. Он упал в России, и это ваше достояние. Это уникальный случай, ничего подобного за всю историю человечества мы не знаем. Так почему же мы, итальянцы, тут копаемся, а Россия — нет?

— Там же работали экспедиции, — неуверенно возражаю я.

Лонго выразительно смотрит на меня.

— Вы же знаете, что это были прежде всего энтузиасты! — говорит он. — Комплексная самостоятельная экспедиция. За свой счет, во время отпуска — и так из года в год. А где государство? Разве это не вопрос национального престижа — попытаться решить величайшую загадку столетия? Тем более что явление на Тунгуске вполне может повториться...

Он, оживленно жестикулируя, продолжал приводить доводы, которые я уже не слушал: я был полностью, стопроцентно с ним согласен и мог сам привести такие же доводы. Но думал я в то время о другой загадке — Патомском кратере,

уникальном природном феномене, открытом Вадимом Колпаковым шестьдесят лет назад. И полвека никому не было до него дела. И после шести экспедиций так и нет окончательного ответа, и множатся гипотезы, и категорически не соглашаются друг с другом геологи, выдвигая альтернативные объяснения, и налицо серьезные изъяны в каждой из версий. Но разве это не вопрос национального престижа — решить задачу, понять, что за могучие силы воздвигли в сибирской тайге удивительный Патомский кратер, достойный войти в список природных памятников Всемирного наследия?

Тайна Патомского кратера все еще не раскрыта — пока над ней лишь слегка приподнята завеса. Удастся ли отыскать ответы на многочисленные вопросы?

Мы — участники патомских экспедиций — очень на это надеемся.

Март 2010 года, Москва — Иркутск

Благодарности

За помощь в организации экспедиций на север Иркутской области в 2002–2008 годах авторы благодарны:

Сергею Кужугетовичу Шойгу — министру Российской Федерации по делам гражданской обороны, чрезвычайным ситуациям и ликвидации последствий стихийных бедствий (МЧС), президенту Русского географического общества;

Владимиру Николаевичу Сунгоркину — генеральному директору, главному редактору ЗАО ИД «Комсомольская правда»;

Павлу Петровичу Быкову — сибирскому предпринимателю, г. Бодайбо.

Кроме того, авторы выражают признательность президиуму Сибирского отделения РАН, Институту геохимии СО РАН имени А. В. Виноградова, Институту солнечно-земной физики СО РАН, Институту земной коры СО РАН, Иркутскому государственному университету, Институту физиологии и биохимии растений СО РАН, а также ЗАО «Иркутское электроразведочное предприятие».

Авторы искренне благодарят всех товарищей по экспедициям за большую совместно проделанную работу.

В экспедициях к месту падения Витимского болида в 2002–2003 годах приняли участие:

Валерий Андреев, Виктор Антипин, Анатолий Арсентьев, Сергей Ефремов, Алексей Иванов, Александр Летунов, Михаил Митичкин, Андрей Моисеенко, Андрей Петрученко, Антон Петров, Дмитрий Пленкин, Денис Рябцев, Дмитрий Семенов, Анатолий Скибицкий, Сергей Солоненко, Сергей Язев.

В 2005–2008 годах в экспедициях к Патомскому кратеру приняли участие:

Виктор Антипин, Максим Антипин, Андрей Антипов, Анатолий Арсентьев, Павел Афонасьев, Отмар Бузер, Евгений Воробьев, Виктор Воронин, Борис Голубов, Виктор Гомульский, Игорь Гуляев, Александр Дмитриев, Алексей Дмитриев, Виктор Исаев, Петр Исаев, Евгений Козырев, Андрей Моисеенко, Владимир Потапов, Дмитрий Семенов, Александр Федоров, Сергей Язев.

В книге использованы фотографии, сделанные:

Андреем Антиповым, Анатолием Арсентьевым, Алексеем Дмитриевым, Евгением Козыревым, Андреем Моисеенко, Сергеем Язевым.

Кроме того, использованы архивы:

Н. И. Некрытова, Л. Н. Ощепкова.

Авторы также благодарят за работу над книгой сотрудников Издательского дома «Питер»:

Игоря Воеводина, Сергея Клебанова, Дмитрия Коршука, Светлану Маликову, Юлию Соболевскую.

Андрей Моисеенко —

журналист, заведующий отделом науки газеты
«Комсомольская правда».

Сергей Язев —

директор астрономической обсерватории Иркутского
государственного университета, старший научный
сотрудник Института солнечно-земной физики СО РАН,
кандидат физико-математических наук, действительный
член Русского географического общества.

Патомский кратер в Восточной Сибири — якуты называют его «Гнездом Огненного Орла» — одно из самых загадочных мест на нашей планете: представьте себе древнеегипетскую пирамиду, возвышающуюся над тайгой, или римский Колизей, возведенный в пяти днях пути от ближайшего жилья.

Посреди ярко-зеленой тайги стоит мрачная серая гора с ровной, будто бы ножом срезанной вершиной. Кратер доминирует над местным пейзажем и притягивает взгляд из любой точки, откуда только виден. На его «строительство», по подсчетам ученых, потребовалось бы не менее полумиллиона тонн камней!

Книга создана по материалам экспедиций «Комсомольской правды» и ученых из полтора десятков институтов Российской академии наук. Ученые и журналисты приподняли завесу тайны, и первые открытия ошеломили всех...

 ПИТЕР®

**КОМСОМОЛЬСКАЯ
ПРАВДА**

Заказ книг:

197198, Санкт-Петербург, а/я 127
тел.: (812) 703-73-74, postbook@piter.com

61093, Харьков-93, а/я 9130

тел.: (057) 758-41-45, 751-10-02, piter@kharkov.piter.com

ISBN 978-5-49807-623-2

9 785498 076232

www.piter.com — вся информация о книгах и веб-магазин